БЕРНАРД С. БАХРАХ

Аланы на Западе

БЕРНАРД С. БАХРАХ

Аланы на Западе

(от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья)

Перевод с английского И.Б.Санакоева
под редакцией академика М.И.Исаева

МОСКВА
«АРД»
1993

На обложке воспроизведена картина
А. В. Джанаева «Аланы»

Бахрах Бернард С.

Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья). — Перевод с англ. И.Б.Санакоева. Ответственное редактирование и вступительная статья М.И.Исаева — М.: Ард, 1993. — 191 с.

ISBN 5-7248-0005-5

© Перевод, издательство «Ард», 1993

От переводчика и издателя

Хочу выразить свою искреннюю благодарность всем тем, кто содействовал подготовке и выходу в свет данной книги: Азе Ивановне Тасоевой, Евгению Федоровичу Языкову, Тамаре Шалвовне Кокоевой, Валерию Владимировичу Каболову, Умару Евстафьевичу Шавлохову, Эдуарду Александровичу Цховребову и академику Магомету Измайловичу Исаеву — ответственному редактору книги и автору вступительной статьи.

И. Б. Санакоев

М. И. ИСАЕВ, *академик РАЕН*

Аланы. Кто они?

Народы как люди. Подобно тому как у каждого человека своя собственная биография, любой этнос обладает историей, присущей только ему.

Существует одно сходство между личностью и этносом. Для более полной идентификации человека наряду с его именем обычно называют и отчество, т. е. имя отца, а у некоторых народов — и имя сына (или дочери). Точно так же ученые стремятся выявить предка изучаемого народа и его потомка (если он сам уже как этнос канул в Лету).

Благо, об аланах ученые располагают достаточными сведениями, чтобы их можно было рассматривать в единой преемственной цепочке: скифы—аланы—осетины.

Скифы

Ребенок заявляет о своем появлении на свет энергичным криком, а скифы ознаменовали свой приход в лоно истории гиком скачущей конницы, войной с киммерийцами, которые ими были согнаны к VII в. до н. э. с населенных мест на просторах Северного При-

черноморья. В ближайшее столетие они совершают победоносные походы в Малую Азию, завоевав Мидию, Сирию, Палестину. Однако через несколько десятилетий их оттуда вытесняют оправившиеся мидияне.

Нет точных данных о расселении скифов в разные периоды их истории. Установлено лишь, что они селились главным образом в степях между нижним течением Дуная и Дона, включая степной Крым и районы, прилегающие к Северному Причерноморью.

По свидетельству отца истории Геродота, скифы разделялись на несколько крупных племен. Преобладающее положение среди них занимали так называемые «царские скифы», которые жили в степях между Днестром и Доном. По правобережью нижнего Днепра и в степном Крыму обитали скифы-кочевники. Неподалеку от них и в перемежку с ними селились скифы-землепашцы.

У скифов существовал союз племен, который напоминал государство рабовладельческого типа. Они вели интенсивную торговлю скотом, хлебом, мехами и рабами.

Власть скифского царя была наследственной и обожествлялась. Однако она была ограничена так называемыми союзным советом и народным собранием.

Как это нередко бывает, политическому сплочению скифов во многом способствовали войны. В этом плане важную роль для консолидации скифов сыграл их поход в 512 г. до н. э. в Персию, которой в ту пору правил царь Дарий I. К 40-м годам IV в. до н. э. скифский царь Атей, устранив своих соперников, завершает объединение всей Скифии от Азовского моря до Дуная.

О расцвете скифов к IV в. до н.э. свидетельствует появление в Приднестровье грандиозных курганов, так называемых «царских курганов» высотою до 20 м.

Они имели глубокие и сложные конструкции, в которых хоронили царей или их ближайших сподвижников. В богатых могильниках встречались медные, серебряные и золотые предметы утвари, посуда, а также греческая расписная керамика, амфоры с вином, украшения тонкой ювелирной работы скифских и греческих мастеров.

Конец IV в. до н. э. считается началом падения скифов.

В 339 г. до н.э. скифский царь-объединитель Атей погибает в войне с македонским царем Филиппом II. А к концу того же века из-за Дуная наступают родственные племена сарматов, значительно потеснившие скифов, которые сосредоточиваются отныне в основном в Крыму и низовьях Днепра.

Здесь скифы во II в. до н. э. приобретают второе дыхание и подчиняют себе Ольвию и некоторые владения Херсонеса, активно торгуют хлебом и другими продуктами на внешнем рынке. Пожалуй, последний взлет могущества скифов приходится на вторую половину I в. уже нашей эры. Затем наблюдается постепенный спад значения скифов на исторической арене.

Царство скифов с центром в Крыму просуществовало до второй половины III в. н.э., когда оно было разбито готами. С этого времени начинается постепенное затухание самостоятельности скифов, их этнического своеобразия и они в своей основной массе растворяются среди племен Великого переселения народов.

Однако «скифский след» не исчез, как это порой случается с этносами.

Во-первых. Скифы внесли неоценимый вклад в художественную культуру человечества. Особый интерес представляют изделия, декорированные в так называемом «зверином стиле». Это обкладки ножен и колчанов, рукоятки мечей, детали уздечного набора, женские украшения.

Скифы изображали целые сцены борьбы зверей, но особенного блеска достигли они в показе фигур отдельных животных, наиболее излюбленным из которых считается олень.

Во-вторых. Скифы и как этнос не исчезли бесследно, так как, по признанию компетентных ученых, их прямыми потомками явились не менее известные в истории *аланы*, к разговору о которых мы переходим.

Аланы

Подобно тому как из слабеющей руки отца-воина выхватывает юноша меч и продолжает его дело, в последнее столетие до н.э. из среды полукочевого скифо-сарматского населения Северного Прикаспия, Дона и Предкавказья выделились энергичные аланы и понеслись на своих резвых конях на юг, а затем и на запад.

Как бы ведомые генетической памятью своих предков-скифов и сарматов, они совершали победоносные походы на Крым, Закавказье, Малую Азию, Мидию. Часть аланов вместе с гуннами приняла участие в Великом переселении народов и через Галлию, Испанию достигла Северной Африки. В это же время (первая половина I в. н.э.) другая часть аланов подошла к предгорьям Кавказа, где под их главенством образовалось мощное объединение аланских и местных кавказских племен, получившее название «Алания».

Происходит частичное оседание кочевников-аланов, которые начинают вести земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Установлено, что в VIII-IX вв. у аланов зарождаются феодальные отношения, а сами они входят в состав Хазарского каганата. В IX-X вв. аланы создают раннефеодальное государство и играют важную роль во внешних связях Хазарии с Византией. Оттуда к ним проникает христианство.

Средневековые аланы создали свое самобытное искусство. Они на камнях и тесаных плитах наносили специфические геометрические орнаменты и изображения животных и людей. Что касается прикладного искусства, то оно представлено в основном ювелирными изделиями из золота и серебра, камнями или стеклом, украшениями.

Появились у аланов также литые бронзовые изображения человека и животных. Своего наивысшего расцвета аланское искусство достигло в X—XII вв., о чем говорят многочисленные предметы, найденные в Змейском могильнике (Северная Осетия). Среди них одежда, ножны сабель, уникальный золоченый конский начельник в виде женской полуфигуры, орнаментированные золоченые бляхи и др. Существуют веские свидетельства, что в период расцвета аланской самобытной культуры у них существовала письменность на греческой графике (Зеленчукская надпись на могильной плите, 941 г.). В эту же эпоху зародился у аланов всемирно известный Нартовский эпос, впоследствии распространившийся также у некоторых соседних народов.

Существование Алании как могущественного государства было прервано в момент самого высшего его расцвета нашествием монголо-татарских орд, которые окончательно захватили всю равнину Предкавказья (1238-1239 гг.). Остатки аланов ушли в теснины гор Центрального Кавказа и Закавказья, частично ассимилировались с кавказоязычными и тюркоязычными племенами, но сохранили свою преемственность с аланами. Возродились они уже под названием яссы, оссы, осетины.

Осетины

Лишенные могущества и славы своих предков аланов осетинские племена на долгих пять столетий сошли с арены истории.

О них в течение всего этого периода как бы забыли все — ни в каких трактатах о них никто уже не вспоминает. Вот почему первые путешественники — кавказоведы нового времени, — столкнувшись с осетинами, терялись в догадках: что это за народ, который не походит на своих соседей «кавказской и тюркской рас»? Появились разные гипотезы их происхождения.

Известный европейский ученый и путешественник академик Гюльденштедт, побывавший на Кавказе в 1770 и 1773 гг., выдвинул теорию происхождения осетин от древних половцев. Он находил сходство некоторых осетинских имен с половецкими.

Позднее, в первой половине XIX в., другой ученый-путешественник, Гакстгаузен, обосновывал теорию германского происхождения осетин. Он исходил из факта совпадения отдельных осетинских слов с немецкими, а также из общности у этих народов ряда предметов культуры и быта. Ученый полагал, что осетины являются сохранившимися на Кавказе остатками готов и других германских племен, разбитых гуннами.

Несколько позже ученый мир узнал и о третьей теории становления этого народа. Она принадлежит известному европейскому путешественнику и этнологу Пфаффу, по которому осетины имеют смешанное иранско-семитское происхождение. Он считал, что осетины представляют собой результат смешения семитов с арийцами.

Исходным аргументом для ученого послужило обнаруженное им внешнее сходство многих горцев с евреями. Помимо этого, он находил и некоторые общие черты у обоих народов. Например: а) старший сын остается при отце и во всем ему подчиняется; б) брат обязан жениться на жене умершего брата (так называемый «левират»); в) при законной жене можно было иметь еще и «незаконных» и т.д. Однако с развитием науки, в частности сравнительной этнологии, стало

известно, что подобные явления наблюдались и у многих других народов.

В отличие от спорта, где необходимого результата добиваются в трех попытках, в данном случае ученые «попали в точку» с четвертого раза.

В первой половине XIX в. знаменитый европейский путешественник Ю. Клапрот высказал гипотезу иранского происхождения осетин. Вслед за ним, в середине того же столетия, российский академик Андрей Шегрен на обширном языковом материале доказал раз и навсегда правильность этой точки зрения.

Дело тут не только в уровне развития науки. Как оказалось, важнейшим определителем этноса является язык. Не зря классификация народов базируется тоже на языковом признаке.

Это значит, что генетические классификации языков и народов (этносов) почти полностью совпадают...

Анализ языкового материала академика Шегрена («отца осетиноведения») помог определить не только происхождение осетин, но и их место в иранской ветви самой обширной индоевропейской семьи народов. Но и этого мало. Язык оказался своеобразным зеркалом, в котором отражается вся история его носителей. Как говорил замечательный русский поэт П. А. Вяземский:

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной ...

Это свойство особенно важно для народов, не имевших древних письменных традиций.

Дело в том, что у многих наций в письменных источниках древних эпох имеются важные сведения об их истории. У бесписьменного же народа в известной мере их заменяет язык, из истории которого ученые прокладывают путь к истории самого народа.

Так, по данным языка достоверно установлены ос-

новные контуры истории осетинского народа на протяжении почти четырех тысяч лет.

Ученые определили, что осетинский оказался одним из самых архаичных языков в составе огромной индоевропейской семьи языков, носители которых появились на арене истории еще во II тысячелетии до н.э. и непрерывно играют на ней все возрастающую роль. Как известно, в эту семью народов входили и входят: древние хетты, римляне, греки, кельты; индийцы, славянские, германские и романские народы; албанцы и армяне.

Одновременно было установлено, что осетинский относится к иранской группе индоевропейских языков, которая включает также такие языки, как: персидский, афганский, курдский, таджикский, татский, талышский, белуджский, ягнобский, памирские языки и диалекты. В данную группу входили также мертвые языки: древнеперсидский и авестийский (примерно VI-IV вв. до н.э.), а также сакский, пехлевийский, согдийский и хорезмийский, называемые «среднеиранскими».

Благодаря свидетельству языковых данных в трудах крупнейших академиков иранистов-осетиноведов В. Ф. Миллера и В.И.Абаева установлены также непосредственные предки осетин. Ближайшими из них хронологически являются средневековые племена аланов, а «дальними» — скифы и сарматы VIII-VII вв. до н.э. — IV-V вв. н.э.

Обнаружив прямую преемственность по линии скифы — (сарматы) — аланы — осетины, ученые нашли ключи к раскрытию тайны загадочных во многом скифов и аланов.

Языковой материал скифо-сарматского мира, простиравшегося на обширном пространстве от Дуная до Каспийского моря, сохранился в нескольких тысячах топонимических названий и собственных именах. Они

встречаются в сочинениях античных историков и греческих надписях, находимых в основном на месте старых греческих колоний-городов: Танаиды, Горгиппии, Пантикапеи, Ольвии и др.

Абсолютное большинство скифо-сарматских слов распознаются через современный осетинский язык (подобно тому как, скажем, древнерусская лексика узнается нами через словарный состав современного русского языка). Например, названия рек Днепр, Днестр, Дон, восходящие к скифской эпохе, расшифрованы через осетинский язык, в котором дон означает «вода», «река» (следовательно Днепр — «Глубокая река», Днестр — «Большая река», Дон — «река»).

Очень скудный языковой материал, оставшийся от аланов, тем более всецело объясняется из современного осетинского языка, точнее, из его более архаичной дигорской разновидности.

Однако осетины, образовавшись как народность уже на Кавказе, испытали значительное влияние тюркских и иберокавказских народов. Это сказалось на языке, «вторую природу» которого справедливо называют «кавказской».

Смешение иранского элемента с кавказским сказалось и на расовой принадлежности народа (которую ныне ученые определяют как «балкано-кавказская»), не говоря уже о культуре. В быте, обрядах, обычаях осетин кавказский элемент одержал почти полную победу над иранским. Только специальные научные изыскания позволяют в ряде случаев вскрывать под «кавказским слоем» следы иранства.

В религиозных воззрениях народа наблюдается причудливое переплетение различных верований: христианских, мусульманских и языческих.

Большинство осетин считаются приверженцами православия, проникшего к ним еще в VI-VII вв. из Византии, позже из Грузии, а с XVIII в. из России.

Меньшая часть — приверженцы ислама, влияние которого проникло к осетинам в основном от кабардинцев в XVII-XVIII вв. Обе религии у осетин не пустили глубоких корней и зачастую в отдельных местах сменили друг друга. К тому же, как трава через асфальт, сплошь и рядом сквозь христианские и мусульманские догмы просачивались языческие верования, разрушая и нивелируя особенности двух «мировых религий».

Наиболее существенной деградации религиозные институты у осетин подверглись за годы советской власти. Пострадали церкви и мечети, которые почти повсеместно были закрыты, а частично и разрушены. Только последние 3-4 года наблюдается возрождение обеих религий, а также языческих культовых обрядов.

Ныне углубляется интерес к историческим корням народа, к всемирно известному Нартскому эпосу осетин, в котором запечатлен поэтический образ народа, исторических фактов и реалий. Именно эпос явился нравственным университетом младописьменного народа. Передавая его из уст в уста, осетины из поколения в поколение утверждали в сознании молодых такие нравственные ценности, как честность, трудолюбие, уважение к гостю, женщине, старшим. Воспеваются в эпосе свободолюбие, удальство и храбрость. Не случайно многие связывают с влиянием Нартского эпоса следующий феноменальный факт в «биографии народа». По абсолютно официальным и опубликованным статистическим данным, осетины оказались на первом месте среди народов бывшего СССР по таким показателям, как количество генералов, героев Советского Союза, командиров и награжденных вообще (в пропорциональном отношении к численности нации) во второй мировой войне. Как говорится, из песни слов не выкинешь...

В становлении сегодняшнего облика нации, помимо раскрытия собственных потенциальных возможностей, огромную роль сыграли всесторонние контакты с соседними народами, и в особенности с русскими.

Характерно, что многовековые осетино-русские взаимоотношения всегда (включая аланскую эпоху) носили мирный и плодотворный характер, что явилось существенным фактором экономического и культурного прогресса Осетии.

Достаточно сказать, что становление осетинской письменности связано с именем российского академика А. Шегрена; основоположник осетинского литературного языка и художественной литературы Коста Хетагуров (1859-1906) получил блестящее образование в Российской художественной академии в Петербурге.

Значительную роль в развитии осетинской культуры сыграли десятки и сотни воспитанников российских вузов, в также осетины — офицеры русской армии. Именно они явились пионерами создания национальной осетинской школы и прессы.

Осетино-русские разносторонние контакты особенно усилились после вхождения Осетии в состав России. Этот акт произошел в два приема. В 1774 г. была удовлетворена просьба Северной Осетии о принятии ее в состав России, а в 1801 г. и Южная Осетия вошла в Россию, так что единство Осетии продолжало сохраняться.

К России Осетия присоединилась как неделимая. Из трех послов-осетин двое были южанами!

Однако это единство было поколеблено в начале 20-х годов из-за «размежевания» двух союзных республик — РСФСР и Грузинской ССР. Первоначально основным препятствием интенсивных контактов между двумя частями единой осетинской нации служили, пожалуй, лишь горы. Но постепенно власти Грузии начали претворять в жизнь известный «марксистский те-

зис» Сталина о том, что «северные осетины ассимилируются с русскими, а южные — с грузинами».

Дело было поставлено таким образом, чтобы это «предначертание» было осуществлено на практике как можно скорее. Даже алфавит южных осетин одно время (с 1938 по 1954 гг.) был переведен на грузинскую графику. Сплошь и рядом к осетинским фамилиям начали прибавлять грузинское окончание *-швили*. Сопротивление массированной грузинификации подавлялось жесточайшим образом: с ярлыком «националист», «саботажник» или «враг народа» сотни и сотни южных осетин оказывались в тюрьмах.

Некоторое «послабление» наступило с середины 50-х годов. Например, единый осетинский алфавит был восстановлен для южных осетин, многие «националисты» и «враги народа» вернулись на родину. Активизировались контакты между двумя частями Осетии, а также с осетинами, разбросанными по другим регионам страны и мира.

В своей основной массе осетины заселяют центральную часть Кавказа и расположены по обеим сторонам Главного Кавказского хребта. Его ответвления, идущие от горы Сангута-Хох к юго-востоку, делят Осетию на две части: большую, Северную, и меньшую, Южную. Северная Осетия образует республику в составе Российской Федерации, в которой проживают также другие компактные группы осетин, в частности в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. В Грузии, помимо Южной Осетии, многочисленные группы осетин проживают в г. Тбилиси и ряде районов. Много осетин живет и в Турции и арабских странах Ближнего Востока.

Общая численность осетин в бывшем СССР доходит до 580 тыс. чел. (по данным 1985 г.). Из них ок. 300 тыс. проживает в Северной Осетии и 65,1 тыс. — в Южной Осетии. Всего же в Грузии живет более 160,5 тыс. чел.

Надо подчеркнуть, что деление осетин на «северных» и «южных» всегда считалось явлением чисто географическим. Однако политические события нашего столетия превращают его в административное.

Дело в том, что соответствующими законами советских властей южные осетины получили автономию в составе Грузинской союзной республики, а северные — в составе Российской. С распадом же СССР две части одной нации оказались в двух государствах. Это тем более несуразно, что несколько лет тому назад осуществилась вековая мечта осетин — построена и функционирует автострада через тоннель в Главном Кавказском хребте, т.е. и географически соединились две части единого живого организма единой нации. Дело шло к ее объединению (вслед за воссоединением двух частей Вьетнама, Германии). Однако судьба распорядилась по-своему...

Распад СССР привел к образованию на базе Российской и Грузинской республик самостоятельных государств. Власти Грузии, опирающиеся на националистические силы, прервали процесс объединения Осетии, сопротивление южно-осетинского народа подавляют силой... Льется кровь безвинного свободолюбивого народа.

В наши дни наблюдается пора кровавого беспредела в отношении осетин, как и некоторых других народов. Говорят, все счастливые люди похожи друг на друга, а каждый страдалец страдает по-своему...

Народы действительно выглядят, как люди. Они трудятся, страдают, надеются. Надежды осетинской нации связаны с демократизацией всех сторон жизни общества, которая должна привести к неукоснительному соблюдению прав человека, прав личности. А любой народ тоже ведь личность.

* * *

В наше время — время всеобщей разрухи и разрушения привычных форм жизни — каждый народ ищет духовную опору в корнях своих, своей истории. Осетины свой взор обращают прежде всего к своим ближайшим предкам — аланам, прославившимся во всем мире своим удальством и доблестью, выдающимися достижениями в хозяйстве и культуре.

В этом плане важнейшее значение имеет публикация объективных исторических свидетельств. Как раз таковыми богат труд Бернарда С. Бахраха, перевод которого, несомненно, будет встречен с интересом широкими читательскими кругами, желающими знать как можно больше об аланах — прославленных предках осетин и потомках не менее славных скифов и сарматов.

Предисловие

В 1922 г. русский ученый М.И.Ростовцев писал: «В большинстве работ, посвященных эпохе переселения народов, роль сарматов и в особенности аланов в завоевании Европы почти игнорировалась. Однако мы не должны забывать, что аланы долгое время проживали в Галлии... что они вторглись в Италию, вместе с вандалами перешли в Испанию и захватили Северную Африку...»

В 1963 г. Георгий Вернадский подхватил замечание Ростовцева и пришел к выводу о том, что в течение предыдущих четырех десятилетий и до сих пор не появилось ни одного значительного исследования по истории аланов на Западе [1]. Настоящая работа призвана хоть в некоторой степени восполнить существующий до сих пор пробел в истории Западной Европы периода раннего средневековья [2].

История аланов на Западе в эпоху Великого переселения народов и раннего средневековья, как и история других народов в те беспокойные времена, помогает нам лучше понять завершение античного и становление нового, средневекового мира. В отличие от многочисленных германских племен, значительно преобладавших в общем потоке миграций и в силу этого ставших основным предметом внимания со стороны исследователей эпохи переселения народов, аланы представляли собой индоираноязычные племена кочевников. Аланы были единственным негерманским

народом, основавшим значительные поселения на территории Западной Европы. Гунны были вытеснены из Европы; аварцы, венгры, булгары и славяне селились в Восточной Европе. Аланы давно заслуживают серьезного изучения как уникальное явление в истории Западной Европы.

Следует подчеркнуть, что история аланов на Западе начинается не с момента их первого появления в Римской империи, а с момента, когда они впервые стали известны на Западе и стали упоминаться в письменных источниках. Поэтому для лучшего уяснения аланского продвижения на Запад первая глава настоящей монографии посвящена в основном всему тому, что на Западе было известно и писалось об аланах до Великого переселения народов. Там же делаются попытки установить характер аланской культуры в период, предшествовавший миграции народов. Эта вторая задача является, несомненно, более трудной, чем первая, т. к. зачастую довольно трудно установить достоверность информации, содержащейся в письменных источниках. К тому же часто неубедителен бывает и археологический материал, т. к., к примеру, мы не можем точно определить аланский, сарматский или же роксаланский характер захоронения или же находки [3].

Как уже было отмечено, аланские племена не оставили после себя никаких письменных источников в рассматриваемый период: подобно большинству кочевников того времени, они не знали грамоты. Только после их контакта с римской цивилизацией и раннесредневековой культурой некоторые из них научились грамоте, и то только латыни. Большинство существующего материала сохранилось в работах их современников, которые в той или иной степени проявляли к ним интерес. Следует отметить, что во многих случаях данная информация носит поверхностный характер и только внимательное отношение и критическая ее пе-

реработка позволяют в определенной степени восполнить наши знания о народе, чья история и культура еще в значительной степени представляют загадку для современных исследователей.

Данное историческое исследование делает необходимым достаточно ясное определение самого предмета изучения. В связи с этим я использовал так называемый видоизмененный номиналистский подход. Так, если источники содержат латинский термин Alani (греч.'Alanoi), я считал, что это непосредственно относится к предмету моего исследования. И наоборот, если в источниках речь идет о каких-либо других кочевниках, подобно роксаланам или аорсам, которые также являются ираноязычными, а об аланах нет упоминания, то я считал, что это непосредственного отношения к моей работе не имеет. От подобного метода я отступаю в двух случаях. Это когда автор говорит об Alani, но подразумевает другой народ с подобным сходным названием, как кельтские Alauni. И так же наоборот.

В другом случае источник может упоминать о роксаланах или каких-либо других индоиранских племенах, а иметь в виду Alani из-за их тесного сходства в обычаях и языке. Там, где подобный подход приводит к неясным выводам, я стараюсь строго не придерживаться его [4].

Трудности, связанные с применением подобного номиналистского метода, в основном встают в первой главе, посвященной аланам, находившимся еще за пределами Римской империи, и когда источники по ним являлись скудными и зачастую недостоверными. После переселения и в ранний период средневековья аланы и их потомки стали уже непосредственно известны авторам, писавшим о них. С этого момента и далее уже встречается меньше терминологической путаницы.

Бернард С. Бахрах

Аланы за пределами Римской империи

Самое раннее упоминание аланов в Западной Европе появляется в пьесе Сенеки, относящейся приблизительно к четвертому десятилетию I в. н. э. В ней один из действующих лиц обращается с вопросом: «Какая это область?.. Аргос?.. Спарта?.. Коринф?.. Или же это Дунай, за которым скрываются могущественные аланы? Или же это земля, лежащая под вечными снегами, или же земля кочевников-скифов?» [1]

И Аргос, и Спарта, и Коринф, и Дунай, и скифы – все хорошо были известны римлянам, только этноним *алан* был упомянут впервые в дошедших до нас источниках. Из текста пьесы свидетельствует, что Сенека не собирается специально останавливать внимание своих читателей на аланах. В данном контексте аланы не играют никакой определенной роли, что могло бы как-то выделить их из общего перечисления племен и народов. Не встречается также и второе упоминание о них в пьесе. Поэтому данное обстоятельство наводит на мысль, что этноним *алан* мог быть уже известен современникам Сенеки в достаточной степени и уже не мог вызывать недоумения ни у кого.

Замечания Сенеки, однако, предполагают, что ала-

ны с северного Дуная, переправляясь через реку, совершали набеги на римскую территорию, затем скрывались обратно за Дунаем, где римским легионерам уже трудно было их преследовать. Такое их поведение способствовало тому, что аланы стали известны Риму сравнительно быстро.

Следующее упоминание об аланах появляется в «Гражданских войнах» Лукана – эпической поэме, написанной в начале 60-х годов I в. н. э., в которой описаны войны между Помпеем и Цезарем, происходившие более ста лет до этого. Хотя поэма и имеет некоторую историческую направленность, автор, однако, не уклоняется от описания ряда ярких эпизодов. Так, останавливаясь на военных планах Помпея после битвы при Фарсалии, Лукан замечает, что разбитый полководец (Помпей. — *И. С.*) договорился с неким Деотаром (Deiotarus), своим сторонником и королем Галатии, поднять на борьбу с Цезарем восточные народы. Помпей напоминает о своих прошлых подвигах на Востоке и о походе через Каспийские ворота против «стойких и всегда воинственных аланов» в то время, как их соседи-парфяне продолжали сохранять мир [2]. Нет никаких оснований утверждать, что Помпей когда-либо воевал с аланами или что преследовал их через Каспийские ворота. Однако упоминание аланов вместе с Каспийскими воротами и их соседями-парфянами составляет рациональное зерно в повествовании Лукиана [3].

В другой части «Гражданских войн», отмечая храбрость Цезаря, Лукан упоминает три могущественных народа, которые могли устрашить любого нормального человека, но которых Цезарь совсем не боялся. Лукан пишет: «Ни аланы, ни скифы, ни мавры, которые атакуют противника с копьями, не могли причинить ему вреда» [4].

Из данных Сенеки и Лукана становится ясным, что их читателям была известна доблесть аланских во-

инов. Публика, видимо, уже располагала определенными сведениями о них, что делало возможным простое литературное упоминание их имен. Однако благодаря именно Иосифу Флавию мы получаем определенные представления о том, как и когда имя аланов достигло Западной Европы. В своих «Еврейских древностях», написанных в конце I в. до н. э., Иосиф отмечает, что римский император Тиберий примерно в 35 г. до н. э. (время написания работы Сенеки «Thyestes») предпринимает попытки заручиться поддержкой иберов и албанов против парфян. Хотя ни один из этих народов не оказал прямой военной помощи Риму, рассказывает Иосиф, они разрешили аланским войскам пройти через свои земли, а также через Каспийские ворота с тем, чтобы они могли оказать помощь Риму в борьбе против парфян. Аланские войска выполнили свою миссию, и, согласно Иосифу, выполнили отлично [5].

В своей «Иудейской войне», написанной в 70-х годах I в. н. э., Иосиф дает дополнительные сведения об аланах. Так, он утверждает, что аланы являются «скифским народом», населяющим берега реки Дон и Азовского моря. В равной степени важно также его замечание о том, что он занимался этими вещами и раньше. Это предшествующее замечание не сохранилось, однако, оно свидетельствует о наличии определенных дополнительных сведений об аланах на Западе в середине I в. н. э., а возможно, и раньше [6].

После изложения некоторых географических и этнографических сведений об аланах Иосиф переходит к описанию недавнего военного похода аланов в Мидию и дальше, во время которого они измотали парфян и взяли огромное количество добычи, включая выкуп за некоторых важных лиц, захваченных ими в плен. Тех пленников, за которых не было уплачено выкупа, аланы увезли с собой. Иосиф отмечает далее,

что военное сопротивление, оказанное аланам во время их похода местными народами, заставило их действовать с большей решимостью и суровостью, чем обычно. Он также подчеркивает, что в качестве оружия аланы широко применяли лассо [7].

Именно после данного похода парфянский властелин Вологас I попросил помощи римлян против аланов. Вологас попросил Веспасиана быть его союзником в борьбе с аланами и обратился со специальной просьбой о том, чтобы римскую армию возглавил один из сыновей императора. Доминиан, которому не терпелось выступить в поход, не мог, однако, сделать этого, и, таким образом, кампания против аланов была сорвана [8].

Данные Иосифа о действиях аланов против парфян подтверждаются сведениями из «Жизни Домициана» Светония, а его замечания об этническом происхождении аланов подтверждаются наблюдениями его старшего современника Плиния. В главе о Дакии и Сарматии в своей «Естественной истории» Плиний свидетельствует: «С этого места (устья Дуная) начинаются земли народов скифского происхождения, хотя много других народов населяют приграничные районы; в одном месте это геты (Getae), которых римляне называют даками; в другом месте проживают сарматы, которых греки называют савроматами, часть из них называется гамаксобии (Hamaxobii) или аорсы; есть и другие народы также скифского происхождения. Рядом с трогодитами (Trogodytae) поблизости проживают аланы и роксаланы. Более того, выше них между Дунаем и Геркиннийским лесом и до зимних мест Паннонии у Карнунтума и границ германцев живут сарматские племена язигов»[9]. На протяжении всего периода от императора Тиберия до Веспасиана Рим был заинтересован в поддержании союзнических отношений с аланами. Успешные действия аланов против

парфян, способствовавшие созданию у них хорошей военной репутации в Риме, ограничили в то же время военную активность парфян против Рима. Та часть аланов, которая оказывала Риму помощь против парфян на юге Каспийского моря, была всего лишь одной из тех нескольких аланских племен, которые уже в то время были известны римлянам.

Часть аланов проживала к северу от Дуная и могла совершать оттуда вооруженные нападения на территорию Римской империи. Другая часть аланов проживала вдоль берегов Черного и Азовского морей, а также реки Дон в непосредственной близости с некоторыми другими сарматскими племенами, так же как и среди некоторых германских племен.

На протяжении всего периода конца I в. письменные источники не перестают интересоваться аланами. Валерий Флакк упоминает их в своей эпической поэме «Аргонавтика». Он помещает их в районе Крыма и приписывает им активное участие в понтийской политике. С одной стороны, Валерий Флакк называет их «горячими и вспыльчивыми», в другом месте подчеркивает их «жалкий» вид, имея, по-видимому, в виду крайне примитивные материальные условия существования при кочевом образе жизни [10].

Сатирик Марциал упоминает аланов в своей поэме о женщине с необычной судьбой по имени Каелия. Он пишет: «Каелия, ты отдаешь себя и парфянам, и германцам, и дакам. Ты не отказываешься и от киликийцев и каппадокийцев. К тебе приходят и из Египта, и из далекой Индии. Ты даже не отказываешься от еврейской расы, и алан на сарматском коне не проезжает мимо тебя. Чем объяснить, что, будучи римской девушкой, ты не можешь найти себе покоя и радости среди римлян?» [11].

Данное перечисление Марциалом восточных народов и варваров свидетельствует о том, что они были

хорошо известны римлянам, которые относились к ним не очень дружелюбно. Упоминание Марциалом алана на сарматской лошади можно рассматривать в определенной степени как свидетельство, хотя бы и в такой литературной форме, близости сарматов и аланов.

Плиний и до этого говорил об аланах и сарматах как о скифах, а Иосиф прямо относил аланов к скифам. Хотя римляне и не могли иметь повседневных контактов с аланами, замечание Марциала свидетельствует о том, что некоторые из них могли посещать Рим в свитах восточных принцев, и таким образом, Каелия могла иметь возможность встречаться с ними. Хотя Тацит и пытался, по-видимому, игнорировать аланов, у его современников можно встретить упоминание о них [12]. Походы аланов в Парфию, которые не шли вразрез с интересами Рима в периоды правления Тиберия и Веспасиана, были расширены до границ Армении и Каппадокии в правление Адриана. Армения, однако, находилась тогда в зависимости от Рима, а Каппадокия являлась провинцией империи. В последней некий Флавий Арриан, легат императора Адриана, оказал аланам сопротивление и принудил их отступить [13].

Арриан является первым западным полководцем, известным нам, который столкнулся с аланами в битве и который даже разработал военные планы для борьбы с ними. Часть его работы «Против аланов» сохранилась и наряду с другой его работой («Тактика») дает некоторые полезные сведения. Согласно Арриану, аланская и сарматская конница, вооруженная копьями, отличается мощью и быстротой нанесения удара. Арриан подчеркивает, что наиболее эффективным средством отражения нападения аланов является фаланга пехоты, поддерживаемая метательными орудиями. Когда аланы будут засыпаны градом снарядов из

метательных орудий и обнаружат, что не могут расшатать и рассеять пехотную фалангу, они могут отступить. Здесь, по мнению Арриана, наступает наиболее решающий момент в ходе сражения, т. к. аланы обладают способностью быстро превратить свое отступление в победу. По-видимому, аланы пользовались тактикой, которая получила название «притворное отступление». Если пехота расстраивает свои ряды в битве и спешит за отступающим противником, последний поворачивает своих лошадей и обрушивается на практически уже беззащитных пехотинцев, которые потеряли всякую организацию во время преследования.

Более поздние источники свидетельствуют о том, что тактика притворного отступления была хорошо разработанным маневром степной конницы и применялась не только аланами, но также гуннами, венграми и турками. Кроме притворного отступления, направленного на быстрое разрушение вражеской пехотной фаланги, аланы также развертывались боевым строем перед вражеским флангом, используя маневр стремительного отступления. Пока вражеская пехота сосредотачивалась для нападения на отступающих аланов, аланская конница внезапно разворачивалась и ударяла по флангам [14].

Арриан старался заранее предотвратить успех тактики притворного отступления путем разделения конницы на две части, одна из которых могла преследовать убегающего противника, другая оставалась в рядах войск для охраны и передвигалась более медленным темпом. Пехоте строжайше приказывалось не разрушать фалангу независимо от того, какой бы дезорганизованной ни казалась вражеская конница. Ей было предписано продвигаться вперед медленной скоростью, обеспечивая поддержку с тыла своей коннице. Арриан обеспечивал надежную защиту своей пехоты

от аланов, бросая свою кавалерию на растянувшуюся вдоль цепи аланскую конницу, пытавшуюся прорвать фланги [15].

Рассказывая о своих собственных войсках, Арриан замечает, что «римские всадники носили копья и наносили удары по врагу точно так же, как это делали аланы и сарматы» [16].

Этого нельзя, однако, сказать о коннице Цезаря или же Августа, и, таким образом, из данных Арриана можно заключить, что степная тактика кавалерии была усвоена римлянами в значительной степени к началу II в. н. э. Данное обстоятельство, так же как и высказанные Аррианом соображения о военных способностях аланов, подтверждает существующее мнение о том, что Рим довольно серьезно относился к военному искусству аланов.

Эффективная оборона Аррианом Каппадокии от аланов обеспечила безопасность этой провинции. Зависимая же от Рима Армения была вынуждена откупиться от аланов «подарками». Дио Кассий признает, что уплата дани и восстановление мира с аланами имели для армянского правителя Вологаса II гораздо более важное значение, чем угроза со стороны Рима [17].

Свидетельство о возросших контактах Рима с аланами и уважении к ним мы находим в одной из немногочисленных сохранившихся поэм императора Адриана, который писал: «Борисфен Аланский, конь Цезаря, мог летать и по ровной земле, и через болота, и через Тусканские горы. И никогда на охоте за дикими кабанами в Паннонии ни один разъяренный боров с белыми клыками не мог даже приблизиться к нему для нанесения удара. Во время охоты за долгие часы погони он не знал усталости. Однако он погиб в самом расцвете сил в день своего рождения и был погребен в земле» [18].

Был ли этот конь, описанный в поэме Адриана, в действительности степной лошадью, присланной императору победоносным легатом, или же хорошим верховым конем, чьи качества ясно напоминали свойства аланской лошади, установить трудно. Термин «Борисфен» ясно указывает на реку Днестр, что, таким образом, свидетельствует о том, что Адриан связывал имя своей лошади с районом к северу и западу от тех земель, которые населялись аланами, с которыми столкнулся в Каппадокии Арриан. Как бы то ни было, аланские лошади или слава об их возможностях были широко известны на Западе в начале II в. н. э., и читатели поэмы могли себе составить ясное представление об аланских всадниках. Более или менее ясное представление о том, где, по мнению римлян, жили аланы, можно найти в работах географа Птолемея и его ближайшего современника Дионисия Периегета. Птолемей помещает жилища аланов в Азии и в Европе. Для него река Дон является границей, разделяющей две части света, и аланы живут по обе стороны от нее. Тех, которые живут к западу от реки, Птолемей называет скифскими аланами, а область, в которой они живут, – Европейской Сарматией [19].

Аланы, упоминаемые Сенекой и Плинием несколько ранее, были именно из этих районов. Аланы, которых Птолемей помещает к востоку от Дона, также назывались скифскими аланами, и их можно относить к тем аланам, о которых ранее сообщали Иосиф и Светоний. Дионисий Периегет в своей поэме, названной «Описание населенной земли» и написанной на греческом языке, заявляет, что аланы живут в районе от Дуная до берегов Черного моря. Таким образом, он замечает лишь европейских аланов и обходит упоминанием азиатских [20].

Из работ Птолемея и Дионисия становится ясно, что существовало несколько групп аланов, живших

как в Европе, так и в Азии вместе со многими другими народами. Среди соседей аланов в различных местах были пеуцины, бастарны, роксаланы, язиги-нервы, гелоны, геты и сарматы. Нет никакого основания считать, что аланы господствовали над своими соседями во всем регионе, а из рассказов Птолемея становиться ясным, что жилища аланов не располагались на единой сплошной территории. Между аланами, живущими в Европейской Сарматии и Азиатской Скифии, находилась большая полоса земли, называемая Азиатской Сарматией, в которой, согласно Птолемею, не жили аланы [21].

Следует, однако, подчеркнуть, что, хотя аланы и не образовывали единого государства, они играли существенно важную роль. Птолемей отмечает местонахождение Аланских гор, которые, вероятно, получили свое название от аланов. А Дионисий, перечисляя народы, населяющие область между Дунаем и Черным морем, дает нам детальное описание только аланов. Он называет их могущественными и отмечает их выдающиеся кавалерийские способности [22].

Греческий писатель Лукиан, современник Птолемея, дает нам дополнительные сведения об аланах южнорусских степей. Среди множества работ Лукиана есть один диалог между скифом и греком по поводу дружбы. Диалог, однако, является просто формой, избранной Лукианом для рассказа о скифах, о которых он был хорошо информирован. В диалоге часто упоминаются аланы, и из контекста явствует, что аланы были уже хорошо известны его читателям. Боевая доблесть аланских всадников, так же как и их умение хорошо владеть копьем и луком были общеизвестны. Лукиан свидетельствует также о тесном сходстве аланов со скифами, подчеркивая, что их одежда и обычаи являются одинаковыми. Согласно Лукиану, единственным обстоятельством, позволяющим отде-

лить оба народа друг от друга, является то, что волосы на голове скифы носили длиннее, чем аланы [23].

К концу II в. н. э. римляне уже не нуждались в упоминаниях писателей и географов об аланах на своих границах. Последние все более активно заявляли о себе. В период Pax Romana и позже, когда римские полководцы и императоры были заняты сдерживанием варваров на границах, некоторые аланские племена продолжали свое продвижение на запад. Так, армиям Антония Пия, правившего после Адриана, приходилось довольно часто отражать удары аланских войск по Римской империи [24]. Преемник Антония Марк Аврелий встретился с аланами в составе огромной коалиции варваров, вторгшихся в западную часть империи от Иллирии до Галлии. В данной кампании аланы попытались дальше продвинуться на запад. Только данные Сенеки о набегах аланов через Дунай свидетельствуют о продвижении аланов так далеко на запад [25].

Среди варваров, разбитых Марком Аврелием, были буры. Этой победы добился сын Марка, Коммод, который также принудил противника освободить многочисленных римских пленников и отпустить заложников. Коммод затем заставил ту часть аланов, которая входила в коалицию, разбитую Аврелием, передать огромное число пленников, которых они держали у себя. Коммод взял с аланов клятву, что они не будут вступать в пятимильную полосу территории по дакийской границе и не будут ни жить, ни использовать в качестве пастбищ для скота эту буферную зону [26].

Аланы, которые населяли районы Понта дальше к востоку, по-видимому, жили в мире с Римом и его союзниками. Греческий памятник, датируемый 208 г. н. э., обнаруженный на Таманском полуострове, содержит надпись, восхваляющую способности главного аланского переводчика в Понтийском регионе. Существование главного переводчика предполагает, од-

нако, наличие неглавных, рядовых переводчиков, что свидетельствует о существовании также небольших групп переводчиков, владевших аланским, греческим и, возможно, некоторыми другими языками данного региона [27].

В северных районах Фракии другая часть аланов, так же как и готов, была ассимилирована местным населением в течение второй половины II в. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует история Максимиана Фракийца. Отец его был готом, мать – аланкой, и с детства он рос и воспитывался среди кочевников. По достижении зрелого возраста он стал предводителем небольшой военной дружины, охранявшей границу и мирные поселения от разбойников. В виду проявленных блестящих способностей ему не стоило большого труда вступить в ряды римской кавалерии, наиболее привилегированной части римского войска. Он смог сделать это, несмотря на то что говорил на варварском (фракийском) языке и едва владел латинским. За сравнительно короткое время ему удалось добиться больших успехов в римской армии, однако в период правления Макрина он оставил службу и, вернувшись на родину, занимался торговлей с аланами и готами, которые жили у Дуная [28].

Нет никакой необходимости пересказывать историю захвата Максимианом императорского трона, достаточно отметить, что он был первым императором варварского происхождения. Однако его аланское или готское происхождение никак не затормозило его стремительную карьеру. Он не являлся варварским царем в духе Одоацера или же Рицимера, которые в любой момент могли призвать на помощь военные силы варваров. Он больше был римским полководцем, подобно Септимию Северу, имеющим сильную поддержку в армии. Если что-либо из его биографии и могло ему мешать, то, будучи императором, он ста-

рался как мог скрывать все данные, касающиеся его происхождения [29].

В период так называемого кризиса III века, когда в Риме сменилось 26 императоров, которые все, за исключением одного, погибли насильственной смертью, писалось об истории очень мало и так же мало осталось сведений об аланах в данный период. Тем не менее мы узнаем, что аланы совершили опустошительный набег на Грецию в начале 240-х годов. Сообщается, что они разбили императора Гордиана III на равнинах Филиппии [30].

В середине III в. и позже варвары не раз совершали набеги на дунайские провинции. Хотя скудные источники и не дают сведений об участии в этих походах аланов, есть основания предположить, что хотя бы часть из них, проживающая на границе, в особенности в Дакии, могла принимать в них участие. Более поздние источники сообщают, что аланы в это время могли совершать даже набеги на Северную Италию и Галлию [31].

Перечень пленников, сопровождавших Аврелиана в 273 г. во время его триумфального шествия, частично подтверждает данное предположение: «Это были готы, аланы, роксаланы, сарматы, франки, свевы, вандалы и германцы» [32].

Против аланов также в этот период воевал и Пробус, однако об этих событиях ничего не известно, за исключением одного рассказа об аланской лошади, захваченной победоносными войсками Пробуса. В нем повествуется о том, что конь не был ни большим, ни красивым, однако обладал большой выносливостью и был в состоянии покрывать до 100 миль в день и сохранять подобную скорость в течение 8-10 дней [33]. Таким образом, благодаря сведениям Марциала об алано-сарматской лошади, описаниям Арриана и Дионисия Периегета прекрасных верховых способностей

аланов, высокой оценке Адрианом аланского коня степной лошади стали приписывать сверхъестественные качества на Западе во второй половине IV в.

Восстановление относительного мира и спокойствия в империи Диоклетианом не способствовало, однако, возрождению исторических исследований – по крайней мере ничего значительного за этот период до нас не дошло. Сохранилось только несколько упоминаний аланов в тот период. Так, Юлий Валерий, который перевел Псевдо-Каллисфена на латинский, добавляет аланов в списки народов, отмеченных в его источнике (Псевдо-Каллисфен. – *И.С.*), тогда как Псевдо-Каллисфен упоминает скифов, арабов, оксидраков, иберов, серов, дауконов, дапатов, боспорцев, агройцев, залбойцев, халдейцев, месопотамцев, агрофагов и эунитов. Юлий пропускает дапатов, боспорцев, агройцев, халдеев и месопотамцев и в своем переводе добавляет к этому перечню индийцев, финикийцев, парфян, ассирийцев и аланов.

Тех же, кого Псевдо-Каллисфен определяет прямо как «великие восточные народы», Юлий называет «варварами». [34]

Перевод Егесиппом работы Иосифа Флавия «Иудейская война» с греческого на латинский является другим примером искажения текста оригинала, касающегося аланов. Там, где Иосиф описывает аланов как скифский народ, о котором он упоминал ранее, Егесипп определяет аланов как «дикарей», которые стали известны Риму совсем недавно [35].

Текст латинского перевода Фестом Руфом Авиеном греческой поэмы Дионисия Периегета о земле и народах, ее населяющих, также расходится с текстом оригинала в местах, рассказывающих об аланах. Если Дионисий изображает аланов как могущественный народ и отмечает их способности наездников, то Авиен довольствуется лишь тем, что называет их дикими [36].

Tabula Peutingeria, своеобразная карта того времени, помещает аланов к северу от Черного моря среди нервов и аспергианов [37].

Хотя ни один из этих скудных источников не дает достаточного материала о жизни аланов того времени, они, несомненно, свидетельствуют о все возрастающем интересе к ним Рима. Изменения старых текстов с целью включения в них информации об аланах и включение материалов по аланам в те работы, которые даже не упоминали о них, свидетельствуют о росте интереса к ним Рима и усилении роли самих аланов. То, что в Риме слабо знали о деятельности аланов в период начала домината, может быть частично объяснено недостатком исторических работ в то время. Следует, однако, кратко обрисовать политические условия и ситуацию того периода.

Те аланы, которые были поселены на территории империи, так же как и те, которые жили на границе (подобно племенам, из которых происходил император Максимиан), находились в своем развитии на стадии уже далеко зашедшего процесса ассимиляции. Так, к примеру, уже поколение Максимиана не знало ни готского, ни аланского языков, а говорило больше на местном фракийском смешанном наречии, а некоторые, подобно императору, перешли на латынь. Та же часть аланов, которая жила по ту сторону границы и не была ассимилирована мирным путем, продолжала заниматься набегами и грабежом. Однако в период, предшествующий правлению Диоклетиана, они потерпели ряд сокрушительных поражений и уже не представляли серьезной опасности для империи. К тому же за победами Аврелия и Пробуса над аланами вскоре последовали военные реформы Диоклетиана, которые значительно усилили оборону границы.

Недостаточность доступного материала по аланоримским взаимоотношениям в период первых трех ве-

ков (I-III вв. н. э.) компенсируется в некоторой степени описаниями Аммиана Марцеллина. Он собрал многое из того, что тогда было известно об аланах, и попытался извлечь самое ценное из всего этого материала.

К тому же он участвовал в военных действиях в восточной части империи и мог вполне иметь непосредственные контакты с аланами; по крайней мере можно допустить, что он знал людей, которые имели дело с аланами.

Аммиан утверждает, что аланы, которых он помещает за Дунаем, ведут свое название от аланских гор в Европейской Сарматии, то же самое утверждает и Птолемей.

Далее Аммиан сообщает, что «аланы населяют бесконечные просторы Скифии» и что они кочуют от Азовского моря до Киммерийского Боспора, включая Индию и Армению. Он также говорит об аланах Скифии, которые проживают в области Имаусских гор [38]. Однако Аммиан вполне может ошибаться в своем предположении относительно происхождения имени аланов, поскольку трудно установить, имели ли эти горы такое же название еще до появления там аланов. Аммиан также был недостаточно информирован об аланах, проживающих на востоке, что само по себе понятно, т. к. он сам проживал в Римской империи.

Согласно Аммиану, аланы подчинили себе много народов и ассимилировали их. Среди этих племен упоминаются нервы, видианы, гелоны и агатирсы. Среди непосредственных соседей аланов упоминаются меланхлены, антропофаги, амазоны. Данный длинный перечень народов не должен, однако, ввести читателя в заблуждение относительно основной точки зрения автора (Аммиана) о том, что аланы являлись смесью различных народов.

Так, Аммиан подчеркивает: «Таким образом... аланы, хотя и представляли собой разноплеменную мас-

су, кочевавшую на огромных территориях, с течением времени получили одно общее название из-за схожести своих обычаев, образа жизни и вооружений» [39]. Таким образом, из сообщений Аммиана вполне возможно заключить, что аланы представляли собой смешанное объединение различных народов, а не единую языковую или этническую группу. Только лишь наличие некоторых общих черт у всех них рисовало в воображении западных наблюдателей и, может быть, у самих аланов определенную картину сходства. Несмотря на разноплеменной состав аланов, Аммиан утверждает, что «почти все аланы высоки ростом, привлекательны и светловолосы» [40].

Он далее замечает, что суровый быстрый взгляд аланов наводил страх. Тем не менее трудно согласиться с тем, что почти все аланы имели общие внешние черты, если исходить из того, что они были довольно разнородны по своему составу. Данное описание внешности аланов Аммианом следует, вероятно, относить к «коренным» аланам или же к одной определенной их части, относительно которой у Аммиана имелись подробные сведения. Однако более вероятно, что Аммиан в данном случае стремился как-то отличить аланов от гуннов. Вначале он отмечает, что у аланов и гуннов много общего, но затем он продолжает, что последние были невысокого роста, уродливыми и безобразными [41]. Аланы изображались в западных сочинениях как примитивные кочевники. Они жили в деревянных повозках, покрытых древесной корой, которые передвигались при помощи тягловых быков. Все домашние работы выполнялись внутри этих кибиток. Аланы перегоняли вместе с собой табуны лошадей, скот, стада овец, кочуя с одного места на другое. Скот и овцы давали мясо и молоко, которые и служили их основной пищей. Употреблялись также и дикие фрукты. Аланы чрезвычайно увлекались охотой, которая

занимала очень важное место в их жизни. На охоте добывались мясо и кожа, так же как и кости и рога. Зубы животных аланы использовали в качестве украшений и некоторых орудий труда. Кости животных нередко использовались в качестве топлива в хозяйстве кочевников [42]. В поисках плодородных пастбищ аланы часто перекочевывали с одного места на другое и поэтому не имели возможности жить в простых хижинах и всегда пользовались повозками. Во время остановок аланы в целях эффективной обороны ставили свои повозки кругом, а скот выводили пастись на пастбища. Аланы предпочитали делать остановки на берегах рек не только из-за близости воды, но и из-за сочных трав вдоль рек, служивших хорошим кормом для скота. К тому же у берегов всегда было много диких ягод.

Как и все кочевники, аланы не занимались обработкой почвы и не знали земледелия. Скотоводческая основа хозяйства, характерная для всех степных кочевников, препятствовала росту численности аланских племен. Пастухи обычно относительно небольшими группами бродили по обширным степям в поисках корма для скота [43].

Низкий уровень материальной культуры аланов в значительной степени определял и их социальную структуру. По-видимому, все племя делилось на две части по принципу разделения труда: те, кто воевал и занимался охотой, составляли одну группу, остальные же составляли другую группу. К последней относились женщины, дети, старики, которые играли соответственно меньшую роль в жизни племени. Людей, доживших до старости, обычно презирали, т. к. они не погибали почетной для аланов смертью — в бою [44]. Из более поздних источников можно заключить, что у аланов существовал обычай многобрачия (полигамии) [45], чем вполне можно объяснить слабую роль женщины в аланском обществе.

Согласно описаниям современников, рабство в той форме, в какой оно было известно античному миру, не было распространено у аланов [46]. Отсюда можно предположить, что все необходимые по хозяйству дела выполняли женщины, старики и дети. Они чинили повозки, готовили и выполняли всякую другую легкую работу, необходимую для поддержания их крайне примитивных условий существования. Источники не содержат упоминаний каких-либо категорий ремесленников.

Отсутствие рабства у аланов ставит вопрос о том, что они делали со своими пленниками. Известно, что многих из них аланы охотно возвращали за выкуп [47]. Вполне возможно, что аланы практиковали обрядовое усыновление. Лукиан, который был очень хорошо информирован об этом, отмечает большое сходство скифов и аланов, подчеркивая наличие у первых обряда, известного современным антропологам как «обрядовое (ритуальное) усыновление» [48].

Включение пленников в состав членов своих семей или родов является частым явлением в жизни кочевых народов.

Существование этого обряда, видимо, определялось разнородным составом самих аланских племен. Вполне возможно предположить, что данный ритуал является миниатюрным отображением более крупных процессов ассимиляции аланами соседних племен [49].

Вожди избирались из среды рядовых воинов. Военачальники любого ранга избирались, по-видимому, из отличившихся в битвах воинов. Трудно, однако, установить, оказывали ли на этот процесс влияние какие-либо родственные связи или что-нибудь еще. Ясно лишь то, что у аланов не было института совета старейшин, как у германцев. Если у германцев было принято уважительно относиться к старикам как к мудрым и знающим, то аланы презирали их как трусов и выродков [50].

Религия являлась одним из основных элементов, объединявших аланов. Как и все другие черты аланской жизни, она имела довольно примитивный характер. Так, согласно Аммиану, у аланов не было храмов и, по-видимому, священнослужителей. Они поклонялись обнаженному мечу, вонзенному в землю. Неясно, мог ли для этой цели служить любой меч или же был специальный, в любом случае он символизировал бога войны, называвшегося в Риме Марсом. Этот бог является единственным известным нам аланским божеством, и вероятно, что он в самом деле был единственным. Считалось, однако, что этот бог, кроме войны, покровительствовал всем тем местам, где жили аланы.

Поклонение богу войны в образе меча было довольно распространено среди степных кочевников того времени [51].

Более поздние источники свидетельствуют, что аланы поклонялись или же, точнее, почитали память своих предков. Данный обычай вполне соответствует образу жизни кочевников и верованиям аланов по описанию Марцеллина. Те, которые погибали «счастливой» смертью в бою, по верованиям аланов, продолжали верно служить богу войны и были достойны уважения и почитания своих потомков, которые были очень расположены к поддержанию и сохранению боевых аланских традиций [52].

Аланы также проявляли значительный интерес к предсказыванию будущего. В определенное время, видимо перед переходом на новые места, некоторые аланы, статус и положение которых трудно определить, собирали вязанку ровных ивовых прутьев, укладывали ее на песчаную подстилку и произносили некоторые заклинания. По тому, каким образом раскладывались прутики на песке, предсказывалось будущее. Данный обряд, подобно культу предков, имеет определенные восточные параллели: известно же, что не-

которая часть аланов имела контакты с китайцами перед тем, как отправиться на запад [53].

Свидетельством чрезвычайной воинственности аланов служит и то, что дети их с самого раннего возраста обучались верховой езде, а аланские воины зачастую считали недостойным для себя даже просто передвигаться пешими. Разведение лошадей было одним из любимейших занятий аланов, и мы знаем, какой популярностью пользовались их кони на Западе. Как было указано выше, аланы избирали своего военачальника из среды наиболее опытных воинов, они поклонялись богу войны, символом которого служил обнаженный меч, воткнутый в землю. Павшие в бою воины считались «счастливыми» и достойными почитания потомков. Те же, кто доживали до старости и не могли уже воевать, как уже отмечалось, презирались как трусы и выродки.

Вооружение и военное искусство также были одними из тех черт, которые объединяли различные аланские племена в единое целое. Сообщения Арриана о стремительности аланской конницы, ее способности быстро наносить удары, отступать, затем поворачивать и опять наносить удары были подтверждены и расширены Аммианом Марцеллином и его более поздними современниками.

Аммиан сообщает нам, что военное искусство аланов напоминает военную тактику гуннов. О последних он пишет: «Они вступают в бой, выстроившись клинообразной массой. Их дикие вопли во время наступления наводят ужас. Они легко одеты для быстрого передвижения и непредвиденных действий. Они могут внезапно преднамеренно распадаться на отдельные отряды и стремительно атаковать в полном беспорядке, учиняя жесточайшую резню... Из-за высокой своей маневренности... они начинают бой на расстоянии стрелами... быстро преодолевают значительные

дистанции и вступают в бой с мечами наперевес» [54].

Аланы также издают устрашающие крики во время нападения на противника и, подобно гуннам, используют лассо.

Хорошую маневренность аланских войск, отмеченную Аррианом и Лукианом и подтвержденную сообщениями Аммиана о том, что «они легки и активны в использовании всех видов оружия», нетрудно проследить в их тактике притворного отступления. Как отмечалось ранее, Арриан считал данную тактику аланов, характерную для всех кочевников, включая гуннов, особенно опасной [55].

В данной главе мы попытались остановиться на сведениях римских писателей по аланам в период первых трех веков нашей эры. Согласно их сообщениям, аланы в тот период населяли территории Центральной Азии и южнорусские степи. Хотя данное обстоятельство и может вызвать у современного читателя недоумение, оно наглядно свидетельствует о кочевом образе жизни аланских племен и их фрагментарной политической структуре. Некоторые сведения античных писателей об аланах бывают не совсем точными, как это было в случае с Аммианом Марцеллином, сообщившим, что аланы взяли свое название от Аланских гор. Другим примером может служить его утверждение о том, что все аланы являются высокими, светловолосыми и красивыми. Некоторые же другие сведения Марцеллина об аланах, хотя и кажутся сильно преувеличенными, в основе своей могут быть верными. Предположения о том, что они сдирали кожу с убитых противников и использовали ее для конского снаряжения, неоправданны и рассчитаны лишь на впечатлительного читателя [56]. Однако, если мы вспомним обычай снимать скальп и отрубать головы у побежденного врага в некоторых родовых обществах, трудно будет полностью отказаться от подобных сообщений.

Очень важным аспектом жизни аланского общества является выяснение того, каким образом оно было приспособлено к ассимиляции других народов. Любопытно, что не только целые племена были ассимилированы аланами, но даже отдельные индивиды, захваченные в плен и не используемые в качестве рабов. С другой стороны, у аланов прослеживается тенденция к своей ассимиляции другими народами. Так, на границах Фракии аланы отступились от своего кочевого образа жизни, поселились в поселках и даже выучили местный язык, видимо отказавшись от своего родного. Однако если даже они оседали и смешивались с другими народами, то все равно сохраняли традиционное для них искусство верховой езды и ведения скотоводческого хозяйства.

Было бы, однако, слишком неосмотрительно делать какие-либо определенные выводы, основываясь на узком круге источников. Вместе с тем есть все основания предположить, что аланы в период проживания их за пределами Римской империи представляли собой суровых воинов-кочевников, хороших наездников, которые вели довольно примитивный кочевой образ жизни и постоянно участвовали в войнах.

С другой стороны, аланы приобрели способность растворять в своей среде подчиненные им народы и в то же время быть ассимилированными другими. Именно это последнее случилось с ними, когда они, передвигаясь все дальше на запад, вступили в пределы Римской империи.

Аланы на западе

Когда в начале 370-х годов в степи Южной России нагрянули гунны, одним из первых народов, с кем они встретились, были аланы. В течение нескольких лет совершались военные набеги, разрушались поселения, угонялся скот. В конечном счете аланы были изнурены постоянными войнами, и гунны заняли господствующее положение в степях. Из оставшихся в числе живых аланов часть двинулась на запад, остальные подчинились гуннам [1].

Одна часть аланов вместе с отрядами гуннов выступила против остготов, которые жили на землях между аланами и Римской империей. Ерманрих, король остготский, узнав об этом, покончил с собой. Его преемнику Витимиру удалось заручиться поддержкой другой части гуннов для защиты своих владений. Однако в ряде жесточайших сражений объединенные алано-гуннские войска нанесли поражение объединенным силам остготов и части гуннов. В одной из последних схваток Витимир был убит, и контроль над землями и делами готов взяли на себя предводители Алатей и Сафракс. Последний имел, видимо, аланское имя. Как бы то ни было, данная часть готов передвинулась в южном направлении поближе к римской границе [2].

В 376 г. большие массы варваров, в основном вестготы, предприняли попытки проникнуть на территорию Римской империи. Римские власти разрешили некоторой части их вступить на землю империи, другие же сделали это самовольно, без разрешения. С этими поселенцами римские власти обращались довольно плохо, грабили их имущество, взимали непомерную плату за питание, похищали юношей и девушек [3]. В ответ на эти злоупотребления некоторая часть варваров объединилась в отряды с целью грабежа империи. Во Фракии для этих целей объединились большие отряды аланов, готов и гуннов. Другая часть аланов, находившихся в Дакии, напала на императора Грациана, который направлялся на восток на помощь Валенсу, выступившему против варваров. Еще одна группа аланов объединилась с готами Фритигерна и с отрядами Алатея и Сафракса, объединившимися незадолго до этого. Эти силы варваров встретились у Адрианополя с армией императора Валенса и нанесли ей сокрушительное поражение. Исход сражения в этой битве предрешила внезапная атака алано-готской конницы на фланг римской армии, что привело римлян в замешательство. После этой битвы, в которой был убит император Валенс и разбита армия Восточной империи, к победителям присоединились и другие группы аланов и гуннов, которые все вместе безуспешно пытались захватить Константинополь [4].

Было бы, однако, не совсем верно утверждать, что все группы варваров, включая и аланов, были целенаправленно объединены и состояли в твердом союзе против Рима. Столкновения между самими варварами не бывали редкостью: так, готы часто враждовали друг с другом, а также с аланами и гуннами; аланы и гунны в свою очередь не ладили между собой. В дополнение ко всему в армии Грациана состояли на наемной военной службе аланы, которые сражались

против аланов же нападавших[5]. Такие временные и непрочные союзы и договоры явились результатом хаотического состояния дел у варваров, обусловленного гуннским нашествием.

АЛАНЫ И ВЕСТГОТЫ

Среди вестготов во главе с Фритигерном оказалась большая часть аланов. Это были те аланы, которые атакой своей конницы предрешили исход Адрианопольского сражения[6]. Когда Фритигерна сменил Аларих, аланы продолжали играть значительную роль в планах вестготов. В период бесчисленных войн Алариха со Стилихоном роль аланов в военных действиях неоднократно отмечалась современниками[7]. В 409-410 гг., когда Аларих угрожал Кампании, а затем взял и разграбил Рим, Павлиний Нола, который был владельцем монастыря, очень испугался аланов и готов, страшась, прежде всего оказаться в подчинении у «неистовых аланов»[8].

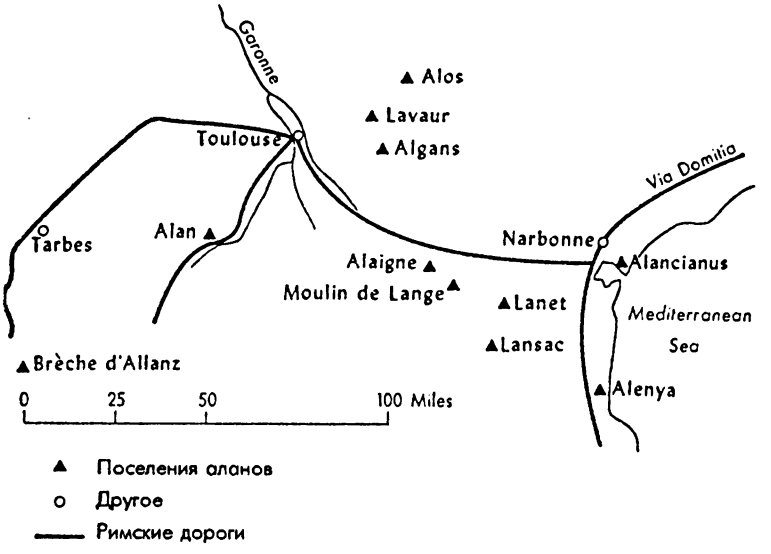
Следует подчеркнуть, что большинство этих событий были хорошо описаны автором VI в. н.э. Иорданом, по происхождению готом. Для него, однако, характерно необычайное восхваление деяний готов и явно пристрастное отношение к их союзникам — аланам. Поэтому, помимо Иордана, мы можем получить по этим событиям сведения у других авторов, которые не относились с явным предубеждением ни к аланам, ни к готам. Так, у Аммиана Марцеллина мы узнаем о решающей роли аланской конницы в битве при Адрианополе, хотя он и больше акцентирует внимание читателя на влияние этой битвы на судьбы Римской империи[9].

Огромная роль аланов в военных предприятиях вестготов стала наиболее очевидной к 414 г. В этом году вестготский король Аталф привел свой народ на

территорию Южной Галлии с целью мирного поселения. Вестготы захватили контроль над Нарбонной, Тулузой и Бордо. Однако у Базас вестготы и их союзники — аланы были остановлены. У Базас попал в окружение один из приятелей аланского предводителя, граф Павлиний Пелла, со своим семейством. Павлиний с риском для жизни выбрался из осажденного города, чтобы встретиться с вождем аланов и просить его разрешить вывести свою семью. Хотя вождь и не мог согласиться на такую просьбу, он дал понять Павлинию, что задумал определенный план и вскоре попытается снять осаду города. Были разработаны детали, Павлиний обещал даровать аланам земли для поселения, и аланский вождь послал собственных жену и любимого сына в город в качестве заложников. Павлинию разрешили вернуться в город, а аланы вместе с женщинами, детьми и повозками отделились от готов и расположились в лагере вокруг городских стен [10]. Готы, лишенные своих союзников — алан, тотчас же сняли осаду. Постоянные стычки с Константином, командующим римской армией в Галлии, вынудили готов покинуть эти территории и через Пиренеи в 415 г. вторгнуться в Испанию [11].

Аланы же, которые отделились от готов, поступили так в надежде получить земли, где они могли бы поселиться. Данное обстоятельство не расходилось и с намерениями Константина, который желал ослабления вестготов и утвердил договор, заключенный Павлинием с вождем аланов. Раздел земель был осуществлен в районе между Тулузой и Средиземным морем с тем, чтобы аланы могли контролировать прибрежные пути сообщения, в особенности Домицианскую дорогу, связывающую Галлию с Испанией. В данном районе аланские военные поселенцы, а затем и их потомки дали свои названия городам: Алансон, который, однако, уже не существует, но был расположен в трех ми-

лях к юго-востоку от Нарбонны; Аленья (деп. Восточные Пиренеи) в 25 милях прямо к северу от Лансака; Ален в 25 милях к северу-западу от Ланета, и Алан (деп. Верхняя Гаронна) в 60 милях к западу — северо-западу от Алена (см. карту 1) [12].

Карта 1. Юго-западная Галлия

Среди вестготов, союзников аланов, были две сильные группировки: одна из них поклялась в вечной ненависти к Риму, в то время как другая стремилась перейти на службу к римлянам. Король Аталф, сторонник последней, в самом начале своей карьеры был настроен резко против Рима и, по сообщениям,

горел желанием стереть с лица земли этот город и установить господство готов. Однако опыт его правления убедил его в том, что варваризм готов сделает эти планы неосуществимыми, и он решил поддержать Рим [13]. Вскоре после того, как аланы покинули вестготов, Аталф был убит, и его преемником стал Уаллиа, лидер враждебной Риму группировки. Не будет преувеличением сказать, что аланы, которые отделились у Базас, помогали сохранять баланс между двумя группировками готов и именно их поддержка помогала Аталфу, а до него и Алариху удерживать власть в своих руках. Таким образом, уход аланов от вестготов означал не только их переход на сторону Рима, но и обусловил победу антиримской группировки у готов [14].

В течение более чем 10 лет со времени поселения аланов в Южной Галлии Клавдию Марию Виктору, ритору из Марселя, удалось описать их религиозные верования. В своей поэме «Алеция» он делает небольшое отступление от обсуждения Книги Бытия и останавливается на «примитивных» формах религии. Он отмечает, что обычай принесения жертв памяти духов умерших предков, который он представляет как один из элементов верования аланов, является более примитивным, чем политеизм греков и римлян [15]. Вполне возможно отсюда предположить, что аланы, хотя и были союзниками готов в течение более чем 30 лет, так и не переняли их арийское христианство. С другой стороны, любопытно также и то, что у Клавдия, помимо религии, больше нигде не встречаются критические замечания об аланах. Поэтому его критику религии аланов можно объяснить просто отношением последователей ортодоксального христианства того времени к язычникам. Комментарии Клавдия позволяют также предположить, что аланы сохраняли верность своему договору с графом Павлинием о поддержании и сохранении мира в местах их поселения. Таким об-

разом, в течение четверти века после поселения аланов в районе между Тулузой и Средиземным морем они продолжали сохранять лояльность по отношению к империи, пользуясь всеми благами системы госпиталитета Рима. В то же время их соседи и бывшие союзники вестготы часто нарушали свою договоренность с Римом. Поэтому, когда Аэций, римский военачальник в Галлии, лишился поддержки гуннов в 439 г., он сразу же обратился за помощью к аланам [16].

В 440 г. аланский вождь Самбида согласился поселиться на пустующих землях в Валентине по реке Роне. Можно предположить, что этими аланами, согласившимися жить на данной территории, могли быть аланы из района Тулузы и Средиземного моря, т.к. они наиболее близко располагались к этому району. Топонимические названия Алан, Алансон, Аленсон, все в департаменте Дром и к югу от Валенса в радиусе 45 миль, свидетельствуют о сильном здесь аланском влиянии в период раннего средневековья [17]. Эти аланы, проживающие в Валентине, не только помогали охранять дороги в Южной Галлии, но также препятствовали проникновению вестготов на восток. В дополнение ко всему они принимали участие в охране западных подступов к Альпам и Италии [18]. В 457 г. император Майориан призвал часть аланов в Галлии, возможно из Валентине, на помощь в своей войне с вандалами в Испании [19]. После его поражения эти аланы во главе с их новым предводителем Беогаром начали совершать набеги на Южную Галлию и угрожать северной Италии. Майориан выступил против них, но по пути был убит у Тортоны. Аланы вторглись в Италию и опустошили северные области, пока не были разбиты Рицимером, вестготом, находившимся на службе у римлян. В этой битве, происшедшей у Бергамо в 464 г., был убит Беогар, аланский вождь [20]. Часть его разбитого войска осталась в северной Ита-

лии среди проживавших там аланов, другая часть вернулась в Галлию.

АЛАНЫ В ИТАЛИИ

Когда аланы появились на Западе, часть из них была принята на военную службу императором Грацианом. Он добился этого, одарив их золотом и обеспечив некоторое привилегированное положение. Особая его расположенность к аланам вызвала недовольство в римских войсках, и он был убит [21].

Преемник Грациана Феодосий I, однако, не отказался от мысли иметь у себя на военной службе аланских воинов. Некоторые из них, возможно, попадали в Рим первоначально в качестве пленников, т.к. Феодосий I часто и, в общем-то, успешно воевал с аланами. Согласно сообщениям современников, вид связанных пленных аланских воинов не был таким уж редким явлением в городах Италии [22].

Вполне вероятно, что хотя бы часть аланов, служивших у Грациана и Феодосия, оставалась на военной службе и в период правления Гонория, преемника Феодосия.

В 401 г. Стилихон, один из полководцев Гонория, возглавил кампанию против вестготского короля Алариха, вторгшегося в Италию. Когда он встретил вестготов у Полленции, то в предстоящей битве главную роль отвел аланским войскам. Аланский предводитель, имя которого было Саул, возможно и руководил всей битвой. Как бы то ни было, Саул настолько переусердствовал, что не успел отрезать пути к отступлению готам и король Аларих, хотя и потерпел поражение, смог спастись бегством [23]. Эта битва была третьей по счету победой Стилихона над Аларихом, и все три раза королю вестготов удавалось удачно бежать. Вследствие этого быстро распространились слухи, что

и Стилихон и аланский вождь, который дал возможность Алариху бежать в последней битве, не верны Риму. То обстоятельство, что в войсках Алариха присутствовало значительное число аланов, давало косвенное подтверждение этим слухам [24].

Когда Аларих с новыми войсками вторгся в Италию, Стилихон вновь обратился за помощью к аланам. Однако они были несколько обижены недоверительным отношением к себе до этого. Несмотря на это, их вождь Саул, лояльность которого также была под сомнением, убедил своих воинов в том, что теперь они являются подданными Рима, и просил их пойти сражаться и в случае необходимости даже отдать жизнь за империю [25]. Стилихон не только вновь поверил аланам, но и отвел им важную роль в сражении у Вероны с Аларихом. Саул, описанный современником как маленький, покрытый шрамами воин со страстными горящими глазами и мужественным лицом, возглавлял один из флангов римской армии и нанес ощутимый удар готам. Его смерть в самом центре сражения освободила его от непрекращавшихся подозрений в предательстве. Согласно Клавдиану, его смерть настолько ошеломила войска, что они отступили. Это отступление поставило фланг Стилихона под угрозу контратаки со стороны готов. Стилихон, однако, при помощи пехоты, поддержанный быстро оправившейся аланской конницей, успешно восстановил боевой порядок в войсках [26]. Не следует, однако, переоценивать вероятность того, что отступление аланов у Вероны явилось результатом применения ими тактики притворного отступления. Это могло быть возможным лишь в случае, если бы аланы быстро оправились и сумели хорошо скоординировать свои действия с пехотой Стилихона [27]. Несмотря на смерть своего вождя, который так ярко продемонстрировал свою верность Риму, аланы продолжали служить империи. В 405 г., когда над

Римом вновь нависла угроза варварского вторжения, Стилихон вновь призвал на помощь аланов, которые поспешили стать на защиту своей новой Родины [28].

Следует отметить,. что аланы, служившие в войсках Стилихона, были не просто наемниками, но также стремились стать подданными империи. Так, один из современников поэтически выразился: «Вы, аланы, которые переняли обычаи Рима» [29]. Это свидетельствует не только о том, что аланы стремились стать частью латинского мира, но также являлись еще примером необычайной предрасположенности к ассимиляции, отмеченной еще античными писателями как характерная черта аланов, когда они еще жили в южнорусских степях и вели кочевой образ жизни.

Распространение аланов на римской территории в качестве военных поселенцев проводилось в соответствии с долгосрочной политикой империи. Поселенцы получали от казны земли, а взамен обязаны были нести военную службу. Военное формирование самого высокого ранга того времени в Италии было Comites Alani. Аланский полк продолжал службу в Северной Италии по крайней мере до 487 г., когда он располагался в Равенне [30].

Служба аланов в римской армии оказывала важное влияние на развитие римской кавалерии. Вегеций сообщает, что образцы военного искусства, проявляемые готами, аланами и гуннами, способствовали улучшению римской кавалерии, правда, к сожалению, за счет падения роли пехоты. Грациан, который первый стал приглашать аланов на службу, даже был официально обвинен в принижении роли пехоты, которая прежде играла основную роль в римской армии. К концу IV в. римские военачальники (если описания Вегеция являются верными) считали, что римская кавалерия находится в отличной форме и не нуждается в дальнейшем усовершенствовании. Хорошие кавале-

рийские качества римской конницы были приобретены благодаря аланам и другим кочевникам и вскоре стали предметом восхваления. И для Вегеция высшим критерием оценки наездннческих способностей императора стало сравнение его с аланами и гуннами [31].

Сообщения современников того времени об аланах и процессе их оседания на территории Римской империи свидетельствуют также о несении аланами службы в римской армии и о влиянии, которое оказывали аланы на улучшение боевых качеств римской конницы. Однако «Notitia Dignitatum», в котором следовало бы ожидать присутствия информации при перечислении военных поселений об аланах, не раз оказывавших серьезную военную помощь армиям Стилихона, всего лишь определяет их поселения стандартным и ничего не говорящим термином «сарматские» [32]. Однако сведения об аланах, приведенные выше, позволяют заключить, что термин «сарматский», использованный для обозначения всех военных поселений, о которых идет речь, не является точным. Один из указов (эдиктов) того времени, содержащийся в «Кодексе Феодосия», подтверждает данное предположение. Там можно найти совершенно ясное упоминание об аламаннах как военных поселенцах Италии [33]. Вопрос о том, является ли слово «аламанны» простым искажением имени «аланы» (что не является редкостью в классических и раннесредневековых источниках) или же правильным определением, не столь существенен сам по себе, как сомнение, которое вызывает точность термина «сарматский», как единственного определения поселения, содержащегося в разделе «Notitia» об Италии. В данном случае следует подчеркнуть, что предводитель аланов Саул был назван префектом одним из современных авторов — данный титул всегда носил военачальник колонии лаэти [35]. Можно, вероятно, только предполагать, какие из колоний, назван-

ных в «Notitia» «сарматскими», могли быть населены аланами. Для начала отметим, что многие из действительно сарматских колоний в Италии, если не все они, вполне вероятно, могли быть основаны в период правления Константина Великого в начале IV в. [36]. За период, прошедший с основания этих колоний и до составления «Notitia» (III-IV вв.), часть поселений в этих колониях могла перестать функционировать. Таким образом, мы можем заключить, что аланы были поселены в тех местах, где до них проживали или даже еще могли жить сарматы [37]. Близкое сходство аланской и сарматской культур, включая также и их язык, и известная уже нам предрасположенность аланов к ассимиляции сделали возможным и даже необходимым существование подобного рода смешанных поселений. Поэтому вполне возможно предположить, что так как аланам было предписано занять уже существовавшие сарматские поселения, то авторы, ответственные за составление «Notitia», могли уже не усмотреть причин для изменения определения этих поселений как сарматских, которое использовалось уже на протяжении столетия, а может быть, и дольше [38].

Продолжая линию наших рассуждений, следует подчеркнуть, что два из трех крупнейших сражений, в которых принимали участие аланские воины Стилихона, произошли в местах упомянутых выше колоний. Полленция, где аланы напали на готов в день доброй пятницы, чтобы снять осаду, и где чрезмерные старания аланского предводителя позволили Алариху бежать, находится всего лишь в 25 милях к югу от аланской колонии в Турине. В Вероне, где произошло второе крупное сражение с готами и где погиб аланский префект Саул, располагалась другая аланская колония [39]. Вполне возможно предположить, что семьи аланов, воевавших у Полленции и Вероны, могли находиться за стенами тех же городов.

Карта 2. Северная Италия

Аланские войска, помогавшие Стилихону в 405 г., защищали от варваров Северную Италию, где располагались их собственные поселения. По крайней мере еще два города Северной Италии, в которых существовали аланские поселения или недалеко от которых располагались аланы, стали ареной военных действий, в которых непосредственное участие принимали сами аланы во второй половине V столетия. Во время своего пути к аланам император Майориан был убит у Тортоны, где существовала аланская колония. Через несколько лет Рицимер разбил аланов у Бергамо, города, находящегося в самом центре нескольких аланских поселений и колоний, в основном Новары, Сармарата и Вероны [40].

Упоминаемые выше сарматские военные колонии были расположены по всей Северной Италии и защищали большинство главных дорог, ведущих к Альпийским проходам с севера на юг, а также дорог полуострова, ведущих с востока на запад. Значительное число топонимических названий, отражающих пребывание здесь аланов и также степень их влияния, сосредоточено вокруг центров данных военных колоний. Так, в 5 милях к северу от Аосты, по дороге, выводящей из прохода Св. Бернарда к сарматскому поселению Иврея, находится городок Аилен. Он расположен также в 30 милях к востоку от Аланьи, который всегда имел важное военно-политическое значение. К югу, около 3 миль к северо-западу от колонии Верцелли, есть другая Аланья. К юго-востоку от Верцелли по дороге на Павию в широкой долине реки По расположена Аланья Ломеллина. Между Тортоной и Кремоной, всего лишь в 10 милях к северу от Сармато, находится городок, называемый в средневековых источниках Алан д'Риано (современный Ландриано). Далее к северу и востоку по дороге из Бреннерского прохода к колонии Верона находится город Алленьо, и к во-

стоку по дороге, ведущей от Альп к колонии в Одерзо, находится Алано ди Пьяве (см. карту 2)[41].

Таким образом, есть все основания предположить, что термин «сарматский», используемый для определения военных колоний Северной Италии, не совсем точен и что для периода начала V в. более подойдет термин «алано-сарматский». Так как до настоящего времени сохранилось значительное число аланских топонимических названий, то можно предположить, что ломбардский историк Павел Декон под термином «сарматский» в равной степени подразумевал и аланов, когда в VIII в. свидетельствовал, что в Северной Италии до сих пор сохранились названия мест сарматского происхождения[42].

В заключение следует отметить, что важные в военном отношении аланские поселения располагались в основном в стратегических точках Северной Италии, в непосредственной близости от более ранних поселений родственных им сарматов.

АЛАНЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Когда император Феодосий I выступил против узурпатора Евгения в 392 г., он повел за собой основную часть восточной армии. В Константинополе он оставил править своего старшего сына Аркадия, однако всеми делами там заправлял Руфин, из среды галло-римской знати, человек больших способностей. Так как восточная часть империи осталась без войск, то Руфин счел необходимым пригласить на военную службу варваров для охраны Константинополя. Среди варваров, соблазнившихся золотом и перспективой почетной военной службы в империи, оказались аланы и гунны[43]. В 395 г. Гайнас, готский военачальник, сторонник Стилихона, командующего на западе, привел обратно в Константинополь значительную часть войск импера-

тора Феодосия. Сразу после своего прибытия Гайнас убил Руфина. Впоследствии разгорелась ожесточенная борьба за власть между германской партией, возглавляемой Гайнасом, и антигерманской оппозицией. В 400-х годах антигерманская оппозиция достигла наивысшей точки и Гайнас вместе со многими своими готскими сторонниками был убит. В течение двух последующих десятилетий в Константинополе всеми делами заправляли римляне [44]. Поддержку антигерманской партии оказали в данной борьбе гунны, возглавляемые Ульдисом, которые вместе с аланами ранее служили у Руфина. Хотя гунны Ульдиса впоследствии потеряли всякий интерес к службе в империи, часть аланов продолжала верно служить императору. В 421 г. один из аланов, некий Ардабур, поднялся до поста крупного военачальника восточно-римской армии. В том году ему во главе войска удалось разгромить персов в Арзанесе. Он добился этой победы успешной осадой укрепленного города Нисибис [45]. Тремя годами позже Ардабур возглавил восточноримское войско, вторгшееся в Италию с целью убрать узурпатора Джона и возвести на престол Валентиниана III. Его сын Аспар был вторым лицом в армии и возглавлял конницу. После некоторых временных неудач восточноримская армия добилась успеха, и в награду за успешно проведенную кампанию Ардабур был произведен в консулы в 427 г. [46].

Хотя Ардабур и продолжал сохранять важные командные позиции в Константинополе, по крайней мере до 442 г., наибольшую популярность в восточноримской империи приобрел его сын Аспар. В 433 г. он возглавил огромную армию, посланную в Северную Африку для борьбы с вандалами. Приближение войск римлян заставило Гесерика, короля вандалов и аланов, недавно прибывших в Северную Африку, временно снять осаду города Иппон, которая продолжалась еще со времени их прибытия.

Как бы то ни было, армии Гесерика и Аспара столкнулись, и в открытом сражении варвары нанесли решительное поражение восточноримской армии. После этого Аспар провел еще три года в Северной Африке, ведя переговоры с Гесериком относительно договора с империей. Этот договор имел очень большое значение, и, хотя он не был официально обнародован до 435 г., Валентиниан, правитель западной империи, произвел Аспара в консулы в 434 г. в награду за его роль в достижении соглашения. До нашего времени сохранился красивый диск, который изображал Аспара и его семейство в честь присвоения ему консульского титула (см. вкладную илл.) [47].

В течение всего периода 430-440 гг. Аспар занимал главенствующее положение в армии восточной империи. Когда Карфаген перешел в руки Гесерика в 439 г., Феодосий II в ответ послал огромный флот и армию на запад. Военачальники — все друзья и родственники Аспара — ни разу не напали на вандалов и довольствовались пустым времяпровождением в Сицилии в период 440-442 гг. Впоследствии эти силы были отозваны обратно для борьбы с гуннами на восточных границах. Однако Аспару удалось заключить договор с гуннами в 442 г., еще до начала военных действий, и в том же году они больше не беспокоили границы восточной империи. В 443 г. войска Аспара, которые были на западе во главе с Ариобиндом и другими военачальниками, наконец вернулись и выступили против гуннов. Однако армия римлян потерпела несколько поражений от гуннов, а при последней битве в Херсонесе, согласно современнику Прискусу, римская армия фактически перестала существовать [48].

Несмотря на свои поражения, Аспар продолжал играть значительную роль в Восточной Италии. В 447 г. старший сын Аспара Ардабур, названный в честь деда, был произведен в консулы. В 450 г. после смер-

ти императора Феодосия II сенат Константинополя предложил Аспару принять императорский трон. Согласно сведениям более позднего современника, Аспар отказался стать императором, объяснив это своим нежеланием устанавливать прецедент, который мог бы оказать неблагоприятное влияние на судьбы империи. Нет нужды доказывать, однако, что такой прецедент был уже однажды установлен почти два века назад, когда Максимин был первым варваром, вступившим на императорский престол. По определенному стечению обстоятельств он тоже был аланом. Независимо, однако, от того, какими причинами руководствовался Аспар, отказавшись от трона, он нисколько не потерял интерес к политике. Он возвел на императорский трон своего ставленника Марциана. Марциан по восшествии на престол поспешил продемонстрировать свою верность Аспару, назначив Ардабура командующим всеми войсками на востоке. Вскоре после того Марциан сделал Ардабура патрицием [49].

Любопытный эпизод, связанный с Марцианом и поведанный византийским историком Прокопием, наводит на мысль о существовании некоего неофициального соглашения между Аспаром и Гесериком. Во время битвы с Гесериком в 431 г. Марциан, состоящий в свите Аспара, попал в плен к варварам. Согласно Прокопию, Марциан, приговоренный к смертной казни, был спасен, когда орел, паривший в небе, набросил на него свою тень. Данное обстоятельство было замечено Гесериком, который усмотрел в этом предзнаменование того, что Марциан может в будущем стать императором, и даровал ему жизнь [50]. Евагрий, современник Прокопия, предлагает, однако, несколько иное толкование этой истории, которую он, по-видимому, позаимствовал из «Истории» Прискуса. Так, он пишет: «Однако случилось такое обстоятельство, которое послужило предзнаменованием того, что Мар-

циану будет дарована императорская корона. В период кампании против вандалов он был одним из тех, кто попал в их руки... и по требованию Гесерика осмотреть пленных он был выведен вместе с другими на равнину... Гесерик сидел на возвышении и с удовлетворением наблюдал за пленными. Марциан прилег на землю заснуть под солнцем, которое палило необычайно сильно для того времени года... Орел, паривший в небе, распростер над ним крылья и прикрыл своей тенью от жаркого солнца, к немалому удивлению Гесерика, который увидел в этом предзнаменование будущего. Он освободил его, взяв с него заранее торжественную клятву, что, став императором, он будет сохранять верность договорам с вандалами и не будет предпринимать против них враждебных действий; и Прокопий отмечает, что Марциан соблюдал верность своей клятве»[51].

Ученые, однако, допускают, что эта история могла быть своего рода полуофициальной пропагандой, распространявшейся в Восточной империи с целью оправдать свою неспособность что-либо предпринять против вандалов, которые в конечном счете в 455 г. разграбили Рим при полном бездействии Восточно-Римской империи[52]. Однако в данном контексте не следует забывать о том, что Марциан был ставленником Аспара, и невозможно подчас представить себе, что его политика вмешательства в дела вандалов и аланов в Северной Африке направлялась не кем иным, как аланским верховным командующим.

Предположение о том, что Аспар и Гесерик еще в 431 г. заключили между собой определенного рода соглашение, подтверждается не только событиями в период правления Марциана, но и более ранними свидетельствами. Во время пребывания Аспара в Африке (431-434 гг.) он поддерживал весьма дружеские отношения с Гесериком, они обменялись подарками и на-

чали переговоры о заключении договора, благодаря которому Аспару удалось получить авторитетное и влиятельное звание консула. В 440 г., когда Феодосий II направил флот, чтобы отобрать у Гесерика захваченный им Карфаген, войско под командованием военачальников Аспара ни разу не напало на вандалов и пребывало в Сицилии в полном бездействии в течение ряда лет. После смерти Марциана в 457 г. императором стал другой ставленник Аспара, Лев. Восточная империя продолжала сохранять нормальные отношения с вандалами, несмотря на то что император Западной империи не раз убеждал Льва принять участие в походе против вандалов и аланов[53]. Таким образом, Аспару хорошо удавалось управлять императором в первые годы его правления. Лев обещал выдать свою дочь Леонтию замуж за Патриция, сына Аспара, и возвести своего будущего зятя в ранг цезаря, включив его официально, таким образом, в число лиц, имеющих право наследовать трон. Император также произвел младшего сына Аспара Германерика в консулы. Однако такие отношения с Аспаром явно не устраивали императора Льва. Он отложил предстоящую помолвку Леонтии с Патрицием и выдал свою другую дочь за исаврийского офицера по имени Зено. При поддержке Зено и его исаврийских воинов Лев постепенно стал утверждать свою независимость от Аспара. Одним из пунктов разногласий между ними оказался вопрос о том, кого послать к Гесерику вести переговоры. Вопреки воле Аспара Лев послал в Северную Африку одного из своих сторонников, Татиана. Однако Гесерик отказался вообще иметь дело с Татианом, который вернулся домой и вынужден был доложить о своей неудаче. Отношения Восточной империи с Северной Африкой стали постепенно ухудшаться на протяжении всех 60-х годов, по мере того как Лев пытался действовать самостоятельно, независимо от Аспара

и вмешиваться в средиземноморскую политику Гесерика. Наконец в 467 г. распространился слух о том, что Гесерик собирается взять Александрию. Вполне возможно предположить, что нападения вандалов (отмеченные Прокопием, правда, без указания даты) на Иллирию и Грецию явно предвещали наступление на Александрию [54].

Император Лев пытался между тем уверить всех, что он может полностью порвать с Аспаром и одним решительным ударом разбить королевство аланов и вандалов в Северной Африке. Он истратил огромное количество золота и серебра на постройку флота и создание армии и стремился всячески не допустить к командованию Аспара или кого-либо из его сыновей. Прокопий отмечает, что Аспар пытался несколько раз воспрепятствовать походу в Африку, т.к. отчетливо себе представлял, что в случае победы римской армии полностью утратит контроль над императором. Получилось так, что под влиянием Аспара командующий римской экспедицией Базилик потерпел поражение от вандалов и аланов, что в конечном счете означало торжество дел аланов в Северной Африке и Константинополе [55]. Однако данные события еще позволяют нам с достаточной уверенностью констатировать существование личного соглашения в 431-432 гг., согласно которому Аспар обещал препятствовать всячески попыткам вмешательства Восточной империи в дела Северной Африки, а Гесерик в свою очередь обещал поддержать позиции Аспара в Константинополе. Существовало или нет такое соглашение, однако события развивались так, как будто оно в действительности имело место. Следует предположить, что данная общность интересов между римским полководцем — аланом и королем вандалов и аланов в Северной Африке имела под собой этническую основу. По этому поводу профессор Готьер замечает, может быть и чересчур ка-

тегорично: «Для того чтобы отрицать, что на основе указанной нейтральности и древних связей могла существовать этническая симпатия и клановая солидарность между аланами Константинополя и аланами Карфагена, нужно быть a priori убежденным, что титул "король аланский" носил лишь протокольный характер» [56].

В истории аланов данный факт был бы сам по себе очень привлекателен!!! Победа аланов и вандалов над армией Льва в 468 г. намного упрочила позиции Аспара в Константинополе. Император Лев разрешил наконец сыну Аспара жениться на своей дочери и возвел его в ранг цезаря. Став цезарем, таким образом, Патриций получил законное право наследовать императорский трон. Однако, данные события вызвали волнение и беспорядки на улицах города, организованные силами оппозиции, не желавшей допустить к правлению арийца. Таким образом, ортодоксальное население Константинополя при поддержке и по инициативе духовенства и агентов Льва попыталось в очередной раз пошатнуть позиции Аспара [57]. Положение серьезно осложнилось, когда были раскрыты несколько заговоров, организованных Ардабуром, пытавшимся также безуспешно подкупить некоторых сторонников Зено Исаврианина. Более того, Ардабур попытался заручиться также поддержкой Анагаста, командующего войсками во Фракии. Обо всем этом стало известно императору. Однако наиболее опасными для Льва оказались связи Ардабура с персами. Его попытки заручиться поддержкой персов в своей борьбе с императором были разоблачены в Сенате, когда император представил письма Ардабура к персам, которые прямо свидетельствовали о существовании заговора. Аспар, который в этот же день находился в Сенате, был лишен возможности хоть как-то оправдать своего сына и вынужден был публично отказаться от него [58].

Трудно утверждать, действовал ли Ардабур в данном случае по своей собственной инициативе или всего лишь выполнял распоряжения отца. Более вероятно последнее. Однако император начал действовать весьма решительно. По его немедленному приказу, из-за чего он получил прозвище убийцы, во дворце были убиты Аспар и Ардабур. Патрицию, которому также грозила смертная казнь, удалось тяжелораненым бежать. Младшему сыну Аспара, Германерику, которого в то время не было во дворце, удалось спастись [59].

Таким образом, данное аланское семейство на протяжении почти полувека продолжало удерживать господствующие позиции в Константинополе. Им удалось добиться этого в силу своей отваги, многочисленных побед над врагами и верного служения империи. Им благоприятствовало также аланское происхождение, которое избавило их от всеобщего гонения против варваров, в особенности германцев, в начале V в. Когда на протяжении последних лет IV в. готы дали клятву больше не служить империи и не нарушали ее, то Руфин завербовал аланов и гуннов для несения военной службы в Константинополе. Они активно помогали римлянам избавиться от готов и других германцев, находившихся на службе в империи. Именно в результате победы над германской партией Гайнаса в Константинополе выдвинулись аланские военачальники Аспар и его сын Ардабур. Личные способности и политические условия не могут, однако, полностью объяснить причину столь мощного возвышения этих аланов в Константинополе. В своей власти Аспар и его сыновья опирались на значительную военную поддержку аланов, проживавших вокруг Черного моря. Так, множество аланов проживало в восточной части Крымского полуострова. Греческий географ раннего средневековья сообщает, что аланы переименовали греческий город Феодосию и дали ему аланское название Ардаб-

да [60]. Аланы проживали также вдоль западного побережья Черного моря, в нижней Мезии и Малой Скифии. Они поселились там, вероятно, в конце IV — начале V в. Эти аланы были признаны федератами императором Марцианом. Правитель данных аланов Кандак оказывал поддержку Аспару, в руках которого Марциан был марионеткой [61].

После того как Аспар и его семейство достаточно упрочили свои позиции в Константинополе, они уже могли не опасаться заключить союз с германцами, обладавшими значительной военной силой, посредством установления родственных связей. Браки заключались также с римлянами. Так, сам Аспар имел трех жен и трех сыновей. Старший Ардабур носил аланское имя, средний, Патриций, — римское имя, а младший — германское — Германерик. Можно, таким образом, предположить, что одна из жен Аспара была аланкой, вторая — римлянкой, третья — германкой. Этим и объясняются имена сыновей. Безусловно, средний сын Патриций лучше всех подходил для женитьбы на дочери императора, т.к. сам наполовину был римлянином. Его женитьба была очень выгодна Аспару и могла привести на трон императора алана. Со своей стороны Кандак таким же способом добился выгодного союза с остготами. О процессе этнического слияния дополнительно свидетельствуют факты перехода собственных имен от одного народа к другому. Так, например, младший сын Аспара носил германское имя, а остгот Андак имел аланское имя и аланскую жену, сестру Кандака [62].

Падение Аспара и его семейства в Константинополе знаменовало собой конец одного из примечательнейших эпизодов истории аланов. Однако это не означает, что аланы не играли никакой роли в процессе образования Византии, который последовал вскоре. Как раз наоборот. Поэтому история аланов Южной России и Центральной Азии в период средних веков

вполне заслуживает серьезного изучения, что, однако, выходит за пределы данной работы.

АЛАНЫ И ВАНДАЛЫ

Часть тех аланов, которые, спасаясь от нашествия гуннов, в 370 г. направились на запад, объединилась с вандалами, проживавшими в Паннонии. Через непродолжительное время, однако, возможно к началу 390-х годов, районы совместного проживания аланов и вандалов уже не могли обеспечить им достаточных условий существования. Это заставило большое число аланов и вандалов устремиться дальше на запад в поисках зеленых пастбищ. Возвращение на восток для них было невозможно, т.к. вслед за ними наступали орды готов, гуннов и аланов, которые сами продвигались на запад в поисках лучших земель, оказывая, таким образом, давление на передних в Паннонии [63]. Данное передвижение аланов и вандалов на запад не прошло мимо внимания римского командующего Стилихона. Он сам был наполовину вандалом и имел в своем войске множество аланов, из тех, которые проживали в Италии. Поэтому он не замедлил пригласить данных аланов и вандалов поселиться в Норикуме и Реции в качестве союзников Рима. К сожалению, Стилихон не смог организовать для них достаточно приемлемых условий существования на новых землях. В результате зимой 401 г. они начали опустошать те провинции, которые, по идее, должны были защищать.

Как бы то ни было, Стилихон перешел Альпы и положил конец их разбою. Потерпев поражение, аланы и вандалы, по-видимому, двинулись на север и восток в германские земли за Рейном [64] и за пределами римской территории [65].

Через 5 лет эти группы вновь заявили о себе, когда 31 декабря 406 г. они направили своих коней через

замерзший Рейн и вновь вторглись на римскую территорию[66]. Одна группа вандалов во главе с королем Годегизом вступила в сражение с франкскими союзниками Рима, в котором король был убит. Его отряд был под угрозой полного уничтожения, когда на помощь подоспел отряд аланов во главе с Респендиалом, который разбил франков и спас вандалов[67].

Перед аланами и вандалами, вновь вторгшимися в пределы Римской империи, встали два пути: 1) стать вновь союзниками Рима и где-нибудь мирно поселиться и 2) продолжать разбой и грабежи римской территории.

Хотя и у аланов и у вандалов остались довольно неприятные воспоминания об их поселении в Реции и Норикуме в 400 г., тем не менее римские власти в Галлии начали вести с ними переговоры. Поэтому, когда Респендиал и Годегиз воевали с франками, другой аланский предводитель заключил договор с римлянами[68].

Аланы во главе с Гоаром были поселены в империи, а вандалы и их аланские союзники начали опустошать Галлию от Турне на севере до Безирса на юге. Согласно данным летописцев, множество городов и поселений подверглись опустошению: Теронна, Аррас, Турне, Амьен, Лаон, Реймс, Майенс, Спир, Страсбург, Тулуза, Мец, Лангре, Арсиз-на-Обе, Безансон, Отун, Клермон-Ферран, Узе, Арле, Безьер, Оз, Базас, Ангулем и Менг-на-Луаре.

Однако большая часть этой информации вызывает сомнение, и все попытки установить маршрут передвижения вандалов и аланов поэтому обречены на неудачу. Но если даже половина этих сведений верна, то есть все основания предположить, что аланы и вандалы разделились на несколько групп. Источники обычно называют аланов и вандалов вместе, иногда отдельно вандалов, а аланы же отдельно нигде не упоминаются.

Следует поэтому предположить, что аланы и вандалы разделились во время этих походов не по племенному признаку [69]. Не сохранилось никаких сведений, указывающих на то, что аланы и вандалы встретили какое-либо сопротивление со стороны галлов и римлян. Епископ Павлиний из Безьера отчитал своих людей за то, что не смогли оказать сопротивление противнику. Он подчеркивает, что, когда вандалы жгли все на своем пути, а аланы захватывали добычу, его люди (все галлы) были заняты пересаживанием виноградных лоз и спешили вернуться к мирной жизни. По мнению епископа, единственное, что их интересует, — это театр и астрономия, а чувства патриотизма и морали выражены у них крайне слабо. Павлиний сравнивает слабость материалистического отношения с силой религиозной морали, которая бы, по его мнению, смогла вдохновить и организовать людей на эффективную защиту даже от нападений аланов [70].

Следует также отметить, что в то время, когда аланы и вандалы разоряли Галлию, там, однако, находились значительные силы империи. Когда Константин III захватил власть в Британии и в 407 г. высадился в Галлии, с ним было довольно сильное войско. Он также располагал поддержкой франкских федератов, потерпевших однажды поражение от аланов во главе с Респендиалом, а также поддержкой аламаннов, живущих по берегам Рейна.

Вполне возможно, между Константином и алано-вандалами существовала договоренность, согласно которой обе стороны не препятствовали осуществлению своих интересов [71]. Один из военачальников Константина, Геронтий, имел даже личную аланскую охрану в Галлии. Это уже наводит на мысль о возможности каких-либо контактов между Константином и аланами [72]. Интересно, однако, было бы выяснить, сколько аланов находилось в войсках Константина? Из варваров,

присоединившихся к нему, Константин создал специальный полк, названный гонорианским. Непосредственно полком командовал Геронтий, захвативший Испанию. Геронтий относился к ним очень хорошо, и в награду за верную службу он разрешил им опустошить равнины Паленции. Впоследствии он выделил для аланов земли, с тем чтобы они могли контролировать все проходы из Пиренеев [73]. Однако в 409 г. эти гонорианцы позволили аланам и вандалам вторгнуться в Испанию [74].

Можно предполагать, что гонорианцы сами были аланами, и поэтому они позволили своим собратьям беспрепятственно пройти в Испанию. Попытки определить топонимические свидетельства в Пиренейских проходах позволили обнаружить название Бреш д'Алланц. Это существенное сохранившееся до наших дней топонимическое название свидетельствует о том, что по крайней мере часть *гонорианцев*, поселенных для защиты проходов, были аланами [75].

По своем прибытии в Испанию аланы продолжили свои грабежи и разбои, начатые еще в Галлии. Испано-римляне, так же как и галло-римляне, не предприняли никаких попыток организовать вооруженное сопротивление завоевателям. Более того, они просто заперлись в укрепленных городах и поселениях в надежде, что аланы и вандалы уйдут сами. Аланы и вандалы, которые все были конными, не предприняли, однако, никаких попыток осадить крепости. Жители же, которым удавалось, рискуя жизнью, выбираться из-за укрепленных стен, находили свои земли опустошенными и лишенными чего-либо съедобного. В некоторых районах люди были доведены до голодания, и, по утверждениям современников, не было ничего необычного в том, что матери ели своих детей [76].

После двух лет этого опустошения и разорения аланы и вандалы наконец достигли договоренности с

местными испано-римлянами о разделе земель. Аланы поселились в Лузитании и Картагене. Часть вандалов поселилась в Баетике, другая часть — в Галлеции среди свевов. Их поселения были образованы на основе системы госпиталитета, таким образом, аланы и другие варвары оказались гостями римских землевладельцев и получали значительную долю с доходов их имений. В награду за это «гости» защищали своих хозяев от разбоев и набегов варваров. Данные события водворили хотя бы временный мир в Испании [77].

Аланы и вандалы, поселившиеся в Испании, рассчитывали, что Рим признает их в качестве федератов. Они сообщили об этом своем желании императору Гонорию, прося мира и обещая дать заложников и воевать на стороне Рима в качестве союзников. Однако Константин, командующий войсками на западе, предпочел при помощи перешедших на его сторону вестготов разбить и ослабить аланов и вандалов в Испании и подчинить их себе. Вестготы напали на аланов, проживавших в Лузитании и вандалов, живших в Баетике. Согласно сообщениям источников, вестготы в течение трех лет непрерывных войн подавили и почти полностью истребили оба племени. Король вандалов Баетики Фредбол был захвачен в плен, Аддок, король аланов в Лузитании, был убит. Гунтарик, король вандалов Галлеции, был признан союзником Рима. Он не только не воевал с вестготами, но со своими войсками выступил против аланов, живших в Картагене, где он значительно ослабил силы Респендиала. Когда и эта часть была покорена, Гунтарик оказался во главе всех оставшихся в Испании аланов и вандалов. Его поддерживал и Константин, который впоследствии вывел вестготов из Испании и поселил их в Южной Галлии. Данная мера также подтверждает то обстоятельство, что между римлянами и Гунтариком существовал договор [78]. Дальнейшие судьбы оставшихся аланов Аддо-

ка и Респендиала стали неотделимы от судеб оставшихся вандалов Гунтарика и его преемников. После недолгого еще пребывания в Испании оставшиеся аланы и вандалы переправились и захватили Северную Африку. В течение более чем ста лет их пребывание там было отмечено весьма важными событиями, свидетельствующими об их роли в Западном Средиземноморье: захваты и разграбление Рима и их поражение от армии Велизария. Данные события пересказывались в подробностях, однако роль аланов в них всегда бывала принижена. Появилась также тенденция утверждать, что аланы были полностью ассимилированы вандалами, намного превосходящими их по численности [79].

Современные исследования, однако, показывают, что аланы оставались значительной силой в общей массе варваров, среди которых были не только вандалы, но и другие племена. Епископ Поссидий из Калмы, который был свидетелем осады аланами и вандалами города Иппона в Северной Африке, продолжавшейся три года, проводил четкое различие между аланами и вандалами, добавляя, что среди осаждавших были также и готы. Драконтий, поэт конца V в. в Северной Африке, также ясно выделял аланов и вандалов. Он служил при дворе вандальского короля Гунтарика, который был очень обидчив и сентиментален. В перечень народов, о которых даются весьма нелестные замечания, Драконтий включает аланов и не включает вандалов, что было рассчитано на то, чтобы ублажить своего глупого короля. Прокопий ясно подчеркивает, что и аланы и вандалы являются составными частями объединенного королевства. Он добавляет, что термин «вандал» часто употребляли для обозначения всех немавританских племен Северной Африки. Император Юстиниан, армии которого разгромили королевство аланов и вандалов, официально признавал

существование обоих народов. Несомненно, наиболее убедительным свидетельством роли аланов в королевстве является факт сохранения королем титула «король вандальский и аланский» (rex vandalorum et alanorum).

После принятия данного титула королем Гунтариком в 419 г. все его преемники вплоть до падения королевства сохраняли его. Если бы аланы были ассимилированы вандалами, отпала бы всякая необходимость подобной двойной титулатуры, которая бы служила постоянным напоминанием потомкам аланов о былой своей независимости. Скорее, наоборот, сохранение аланами определенной самостоятельности делало необходимым сохранение двойного титула короля, который ясно отражал существующую расстановку сил [81].

Далее следует отметить, что в войсках королевства, которые сплошь состояли из конницы, аланы занимали важное место, т.к. и они и вандалы относились к идее пешего войска без особого уважения. Данное отношение характерно и традиционно для всех степных кочевников, хотя германцы и пользовались пешим войском [82]. Если вандалы пришли к идее создания значительного конного войска благодаря аланам, то последние в свою очередь переняли у вандалов их арианство, отказавшись от своих прежних верований или же по крайней мере приспособив их к аррианству [83]. Таким образом, хотя и аланы и вандалы старались сохранить свою этническую независимость, четко различаемую современниками, тем не менее оказывали влияние друг на друга, по крайней мере в двух важнейших в их жизни областях — религии и военных делах.

АЛАНЫ В ГАЛЛИИ

Когда аланы и вандалы перешли Рейн зимой 406 г., для римлян стала очевидной угроза, нависшая над Галлией, и поэтому они предпринимали усердные попытки перетянуть хотя бы часть их на сторону Рима. Аланский военный предводитель Гоар, который стал союзником империи (еще пять лет назад в условиях активных военных действий аланов в Норикуме и Реции это было бы невозможным), находился тогда во главе тех аланов, которые были поселены в Галлии для ее защиты.

Граница империи по Рейну была большей частью незащищенной: и франки, проживающие по Рейну, и сарматские военные поселенцы, которые занимали земли дальше к западу еще в IV в. и держали вторую линию обороны, оказались неспособными остановить вторжение в 406 г. Сарматы были поселены в колониях, начиная с Амьена на севере через Сермез (деп. Уаза), Сермуаз (деп. Эна), Реймс, Сермьер (деп. Марна), Сермьез ле Бен (деп. Марна) и Лангре на юге. Эти поселения были учреждены с целью защиты наиболее важных дорог и городов, а в Амьене, Суассоне и Реймсе также располагались значительные мастерские по производству оружия [84].

С помощью топонимики есть возможность определить приблизительное расположение по крайней мере части поселений, в которых были размещены люди Гоара. Аллен (деп. Сомма) находится около 30 миль к востоку от Амьена и Суассона. В 25 милях к юго-востоку находится Аленкурт (деп. Эна), который контролирует дороги из Турне в Суассон и в Реймс. Далее, к юго-востоку находится Алландюи (деп. Арденны) и другой Аленкурт (деп. Арденны): оба пункта контролируют дорогу из Калони в Реймс и расположены в 35 и 25 милях соответственно от Реймса. К

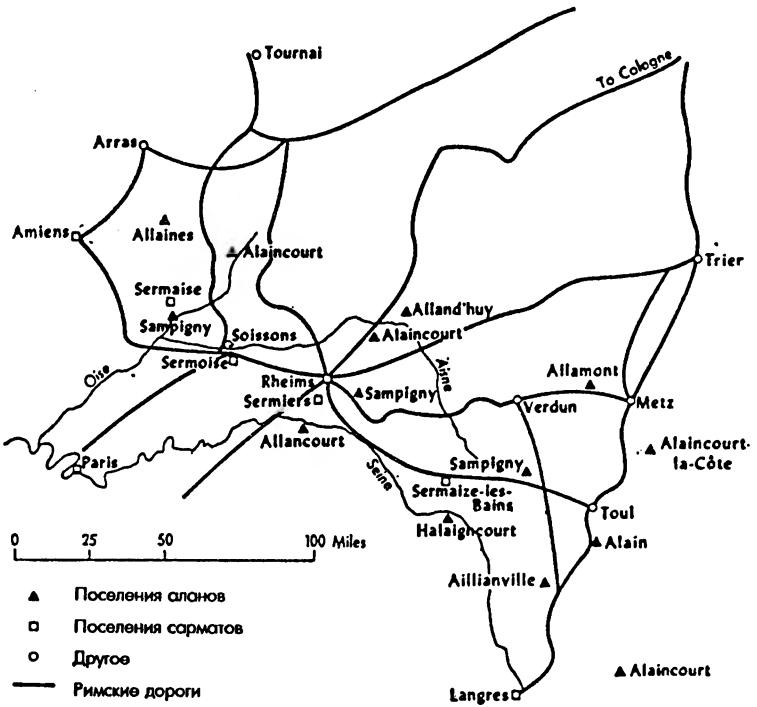
югу от Реймса находятся Алланкурт (деп. Марна) и Сампиньи (деп. Марна). Алланкурт находится всего в нескольких милях от Сермьера, упомянутого выше. Другой Сампиньи находится в 30 милях восточнее Сермез ле Бен и контролирует дорогу из Тула к Вердуне. Слово *Сампиньи* происходит от аланского имени Самбида, хотя вследствие близкого родства аланского и сарматского языков невозможно определить с уверенностью, были ли данные Самбиды, чьим именем были названы эти города, аланами или же сарматами. Другой населенный пункт, Алламон (Мёрт и Мозель), находился на возвышенности, контролирующей дорогу из Мец через Верден к Rheims. К югу от Мец по дороге в Тул лежит Аленкурт-ля-Кот (Мёрт и Мозель). Прямо к югу от Toul на пути в Лангре находится Ален (Мёрт и Мозель) и Алленвилль (деп. Верхняя Марна); последний котролирует дорогу в Верден.

Восточные подступы к Лангре контролируются третьим Аленкуртом (деп. Верхняя Сона) [85] (см. карту 3).

Если Гоар и его аланы поддерживали в качестве союзников империю, то другие аланы вместе с вандалами опустошали Галлию, так же как и узурпатор Константин III. К 411 г. римская власть в Галлии настолько ослабла, что Гоар начал предпринимать самостоятельные прямые действия. В том же году он вместе с предводителем бургундцев Гундахаром попытался некоего римлянина Иовина возвести на трон. Иовин был провозглашен императором в Монзене — городке около 30 миль восточнее центра бургундских поселениВареммы и около 75 миль восточнее — северо-восточнее Аленкурта (деп. Эна) [86].

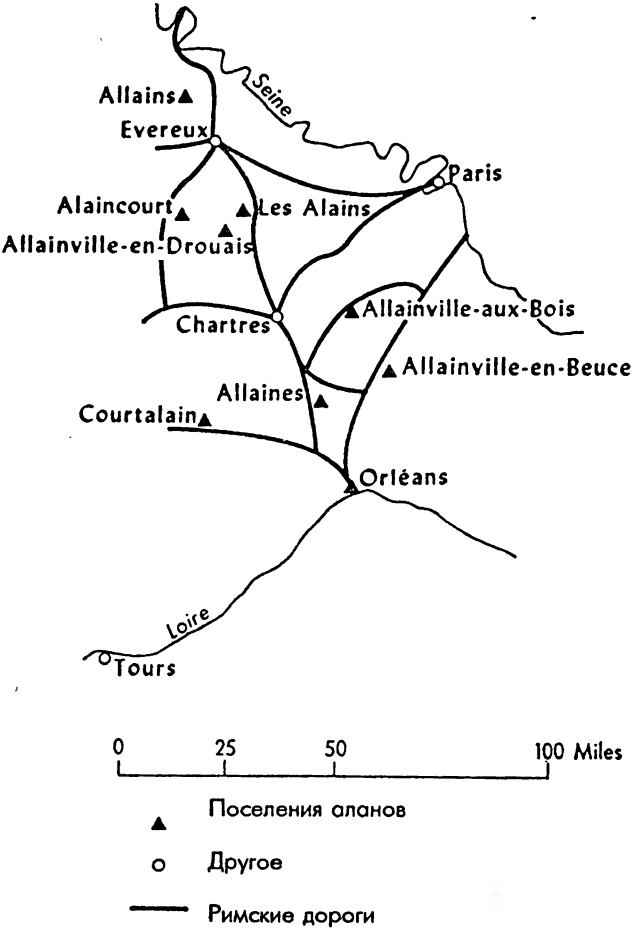
Когда армия Иовина направилась на юг в сторону Артеса, к ней присоединился Аталф, который стал королем вестготов после Алариха. Следует вспомнить,

что еще со времен Адрианопольской битвы в 378 г. среди этих готов находилась очень сильная и боевая аланская конница. Как бы то ни было, между Аталфом и Иовином возникли определенные разногласия. Аталф перешел на сторону Рима, обещав воевать с Иовином. После разгрома Иовина аланы Гоара, подобно остальным сторонникам Иовина, вернулись в свои поселения в Северной Галлии, оставляя Юг Аталфу и его армии. Неверно будет считать, что Гоар считал Иовина узурпатором. Иовин был римлянином,

Карта 3. Северо-восточная Галлия.

и для некомпетентного в этих делах аланского военачальника его близость влияла на него больше, чем кто-либо в далекой Равенне.

Карта 4. Орлеания и Север

После поражения Иовина Гоар продолжал оставаться на службе у империи, считая, что он и не порывал с ней [87].

На протяжении четверти века Гоар и его аланы оставались верными сторонниками Рима, хотя их соседи бургундцы несколько раз восставали и бывали подавлены Аэцием и его гуннскими союзниками. Приблизительно в 442 г., когда Аэцию стало ясно, что он больше не может положиться на гуннов, он обратился к Гоару с предложением поселить некоторых своих людей в Орлеане с целью контролировать арморикан-скую дорогу и удержать вестготов от расширения своей территории к северу к Луаре [88]. Гоар поселил значительную часть своих людей в Орлеане и в областях к северу и переместил свою собственную столицу в Орлеан. Топонимические названия позволяют определять некоторые места, в которых, возможно, были поселены аланы: Ален (деп. Эр), Аленкурт (деп. Эр), Ле Аллен (деп. Эр), Алленвилль-ан-Дроне (Эр и Луар), Алленвилль-о-Буа (деп. Сена и Уаза), Алленвилль-ан-Бес (деп. Луар), Куртален (Эр и Луар) и Алленс (Эр и Луар) (см. карту 4) [89]. Аэцием были изданы особые распоряжения, предписывающие местным землевладельцам поделиться землями с аланами и принять их как гостей. Однако значительная часть отказалась поддержать желание Аэция и даже оказала аланам вооруженное сопротивление. Но Гоару не стоило большого труда подавить их. Этим он снискал себе, однако, плохую репутацию среди некоторой части галло-римской аристократии. Автор латинской комедии «Queralus», написанной вскоре после данных событий, сообщает о разрушениях, причиненных аланами, а Сальвиан, священник из Марселя, осуждает аланов за их хищность [90].

Вытеснив значительное число галло-римлян с их земель, аланы захватили их, вместо того чтобы поде-

лить их и на равных правах возделывать свои доли. Относительно большое число топонимических названий в данном районе объясняется тем, что было вытеснено и согнано со своих земель значительное число галло-римлян и среди всех народов, оставшихся на этих землях, аланы оказались в большинстве и дали тем местам свои названия. Аланские поселения от Орлеана на Юге до Алена на Сене на севере были образованы частью для контроля Арморикапской дороги. Располагая аланов подобным образом, Арморикапский тракт был разделен на две части с тем, чтобы аланам было удобно не допускать объединения *дороги* в западной части тракта с *дорогой* в восточной части. Аланы имели возможность атаковать любого противника, им не приходилось сталкиваться с объединенными силами неприятеля. Южной границей данной линии аланских поселений был хорошо расположенный и укрепленный город Орлеан. К северу от Орлеана находился Алленс, который продолжал играть важную стратегическую роль и в средние века. До сих пор сохранились его средневековые укрепления. К сожалению, скудный археологический материал не позволяет точно установить, какие именно места у Алленс и в других районах, имеющие аланские названия, можно относить к V в. [91].

В 445-446 гг. арморикапцы восстали против власти Рима, и Аэций приказал Гоару подавить их. В награду Аэций обещал конфисковать все имущество непокорных и передать его аланам. Гоар собрал всех аланов со всех поселений в Орлеане. В сопровождении личной дружины, находившейся вместе с ним в Орлеане, он направился на подавление восставших арморикапцев. На пути в Арморику аланы встретились с епископом Германусом, который попытался отговорить Гоара от намечавшегося предприятия. После долгих переговоров Гоар согласился отменить поход

только в случае, если Аэций изменит свой приказ Германус отправился в Равенну и просил простить армориканцев. Однако ему не удалось ничего добиться, и около 450 г. Гоар разгромил восставших [92].

Где-то около 451 г. Гоар перестал править аланами в Орлеане, и его место занял Сангибан. Источники не содержат никаких упоминаний о смерти Гоара, хотя он и был довольно значительной и популярной фигурой в Галлии в течение более чем четырех десятилетий и был уже в довольно преклонном возрасте. Он был военным предводителем начиная с 406 г. Кампания 446 г. показала, что Гоар еще был способен вести в бой свои войска. Вспомним, что у аланов не пользовались особенным уважением воины, дожившие до старости и не участвующие более в сражениях, и они выбирали себе нового предводителя из среды наиболее способных и опытных воинов. Возможно, что в 451 г. Гоар еще был жив, однако вследствие старости, вероятно, более не мог участвовать в походах и был заменен новым вождем. Так как престарелый Гоар не играл более никакой значительной роли и даже, возможно, был презираем, смерть его вполне могла пройти незамеченной для современников [93].

В 451 г. Сангибан получил приказ из Рима защищать Галлию от гуннов Аттилы. Гунны осадили Орлеан, где находилась резиденция Сангибана, и после нескольких дней ожесточенной осады город был на грани падения. Готский историк Иордан, писавший в середине VI в., утверждает, что лояльность Сангибана по отношению к Риму была сомнительной и он хотел сдать Орлеан гуннам без сопротивления. Далее Иордан продолжает, что только благодаря своевременному прибытию римлян и вестготов под командованием Аэция город был спасен. Другие источники свидетельствуют, что Орлеан подвергся кровавой осаде и храбро защищался от нападения гуннов и их союзников.

Сидоний Аполлинарий, галло-римлянин, живший во времена данных событий и не питавший пристрастного отношения ни к вестготам, ни к аланам, утверждает, что именно благодаря нерешительности вестготов Аттиле удалось осадить Орлеан. Таким образом, явно проготски настроенный Иордан изображает вестготов героями, принижая в значительной степени роль аланов, к которым он относился враждебно. Однако несмотря на все измышления Иордана очевидно то, что город подвергся кровавой осаде, и нет никаких оснований утверждать о предательстве Сангибана в данной ситуации. Но не следует исключать возможность того, что в условиях долгой осады, когда оборонять город стало тяжело, из-за нежелания вестготов воевать с гуннами аланский предводитель вполне мог допустить мысль о сдаче города и обсуждать ее со своими советниками [94].

Однако Аэций и вестготы прибыли в Орлеан вовремя и, отбросив назад гуннов, преследовали Аттилу до Шалона. В знаменитой битве у Шалона Западная Европа была спасена от угрозы гуннского нашествия, и в этом значительную роль сыграли аланы. В данном сражении аланские силы занимали центр войск; справа от них находились римляне, слева — готы. В центре же гуннского войска находился сам Аттила со своими отборными воинами. Римляне на правом фланге занимали возвышенность и отражали атаки неприятеля, в то время как аланы в центре стойко сдерживали натиск Аттилы. Во время одной из неудачных атак гуннов готы, согласно Иордану, напали с левого фланга и разбили противника. Стойкое и эффективное сопротивление аланов в центре войска наиболее грозным силам гуннов свидетельствует еще раз о явно предвзятом отношении Иордана к аланам, когда он пытается утверждать, что аланы якобы были поставлены в центре лишь для того, чтобы не имели воз-

можности сбежать во время битвы [95]. Согласно Иордану, в последующие годы аланам, гуннам и вестготам пришлось еще один раз столкнуться в сражении.

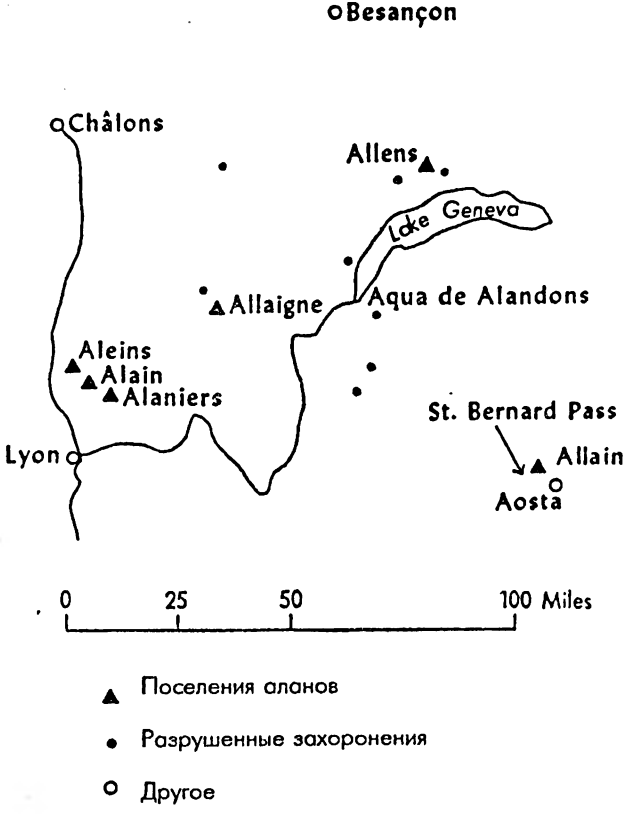
Он пишет, что в данном случае Аттила после ряда своих побед в Италии начал угрожать императору Марциану, отказавшемуся выплатить гуннам дань, обещанную его предшественником Феодосием II. В то время, когда римляне готовились отразить нападение Аттилы на востоке, он повернул на запад в Галлию в надежде разбить аланов, проживавших в Северной Аквитании. Согласно Иордану, в случае успеха Аттилы вся оборонительная система в данной части Галлии подвергалась опасности и угроза нависала над вестготами. Не следует переоценивать утверждения Иордана о том, что аланы являлись основным звеном в обороне Аквитании.

Как бы то ни было, Иордан сообщает нам, что вестготский король Торизмуд, узнавший о планах Аттилы, повел свои войска на север к аланам, к левым берегам Луары. Иордан продолжает, что в состоявшейся битве (очень похожей на битву у Шалона) Торизмуд разбил Аттилу и вынудил его покинуть эту территорию. После этого Иордан восхваляет готов: «Таким образом, знаменитый Аттила, одержавший столько побед, попытавшийся сгладить впечатление от своего поражения у Шалона от вестготов, еще раз потерпел поражение и бесславно отступил». Иордан продолжает эту хвалебную песнь следующим любопытным замечанием: «Торизмуд, разбивший гуннов с помощью аланов, направился в Тулузу, не потеряв ни одного своего воина» [96]. Данные сообщения Иордана поэтому, хотя и нацелены на восхваление Торизмуда и вестготов, при более внимательном изучении обнаруживают другое. За восхвалением Иордана вполне ясно видно, что основной удар гуннов был направлен против аланов и что именно они разбили Аттилу без

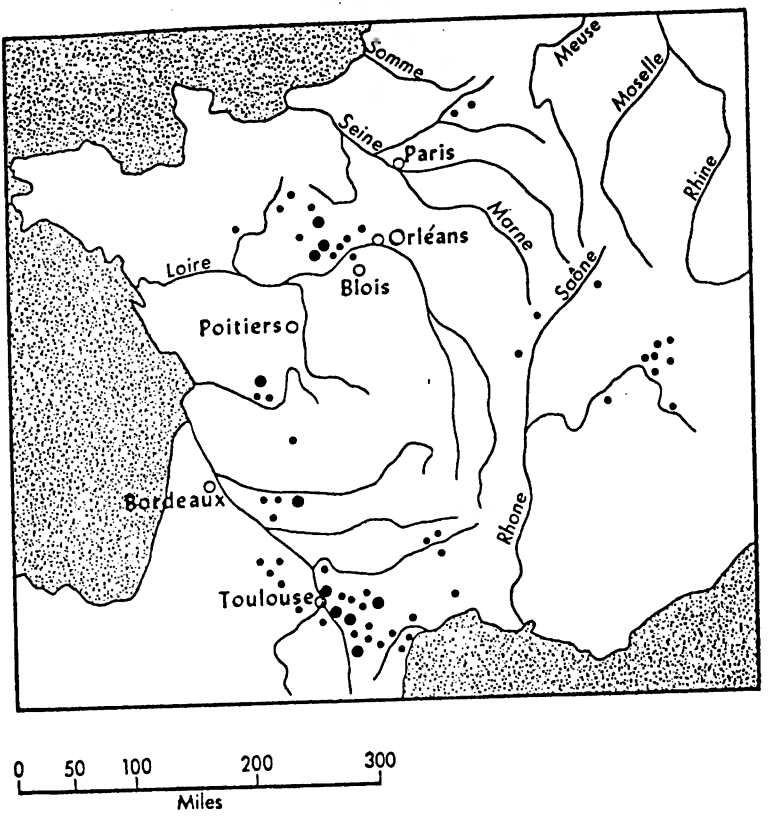
какой-либо помощи вестготов, т. к. ни один из воинов Торизмуда не пал в бою. Иордан же раздул до невероятных размеров схватку аланов с гуннами, приписав, однако, всю заслугу победы вестготам и королю Торизмуду. Кажется, однако, невероятным, что именно сам Аттила вторгся в Северную Аквитанию в 452-453 гг., однако вполне возможно, что часть его людей оставалась в Галлии после битвы у Шалона в 451 г. и именно они были разбиты аланами в следующем 452 г.[97] В 452 или 453 г. Торизмуд прибыл на север и напал на аланов. Согласно Григорию Турскому, он разбил их и вытеснил из Северной Аквитании. Отсутствие аланской топонимики предполагает вероятность подобного хода событий. Однако очевидно, что аланская столица Орлеан не была взята готами, которые после Луары обратили свои взоры на Испанию и оставили в покое аланов (за Луарой)[98].

В небольшом районе северо-запада Швейцарии, недалеко от Женевского озера и деп. Эн, далее к западу во Франции сохранились некоторые названия, указывающие на бывшие аланские поселения. Около 25 миль к северо-востоку от Лиона находилась группа из трех небольших городков Ален, Аленс, Аланьер. Около 25 миль к востоку — северо-востоку в окрестностях Бурга находится город Аллень. За швейцарской границей около 30 миль к востоку и в окрестностях Женевы протекает река, ранее называвшаяся Аландон, а далее к северу и к востоку около 5 миль к северу от Лозанны находится город Алленс[99]. Археологические материалы в некоторой степени подтверждают возможность существования в данных местах раннесредневековых аланских поселений. По всему этому району разбросано значительное число захоронений деформированных черепов. Однако обычай деформации черепов маленьких детей путем связывания их одеждой или сыромятной кожей давно известен у

многих центральноазиатских кочевников. Некоторые из тех, которые знают этот обычай, слились с аланами. Захоронения в данном регионе относятся к середине V в. и распространены исключительно в районах с аланской топонимикой (см. карты 5 и 6 с доп. археологическим материалом конца VII в.) [100].

Карта 5. Граница Швейцарии.

Карта 6. Археологические свидетельства об аланах в Галлии

В 443 г. римляне переселили в эти районы бургундцев, которые до этого проживали по среднему Рейну в непосредственной близости с аланами Гоара. Аланы и бургундцы были сторонниками Рима и служили вместе в течение жизни более чем одного поколения. Есть основания предположить в свете аланской топонимики и археологического материала, что часть аланов вместе с бургундцами переселилась в Кабоцио в 443 г. Если нанести на карту все эти аланские поселения, а также все места захоронения деформированных черепов, можно обнаружить, что аланские военные колонии защищали и контролировали северные подступы к проходу Св. Бернарда. Эта дорога в Италию защищалась с юга аланскими поселениями Аллен в 5 милях к северу от Аосты и Аланьи, в 30 милях восточнее [101] (см. карту 5). Данное расположение аланских поселений вполне соответствовало планам Аэция в начале 440 г., когда он одну часть аланов поселил в Орлеане, а другую — в Валентине с тем, чтобы они могли успешно защищать территорию империи.

ВЫВОДЫ

Появление аланов на Западе явилось результатом их кочевого образа жизни, с другой стороны, их поселение на территории означало для них постепенный переход к оседлости. Будучи кочевниками, аланы никогда не были политически объединены в единое целое, как гунны или авары. Трудности кочевого образа жизни накладывают свои естественные ограничения на рост численности кочевников, и в среде аланов так и не созрели условия, которые бы могли способствовать их объединению. Поэтому, появившись на Западе, они либо примыкали к другим народам, вестготам или вандалам, или же маленькими группами поступали на военную службу к империи. Смешанный состав

аланских племен, больше связанных друг с другом общими обычаями, чем внешними данными, в большинстве своем не только не препятствовал образованию союзов и объединений с другими племенами, но даже способствовал этим процессам.

В самый ранний период своего появления аланы выразили желание стать частью империи, защищать ее и пользоваться всеми благами римского подданства. Некоторым группам аланов в силу влияния не зависящих от них обстоятельств никогда так и не удалось осуществить это, другим удалось. Те аланы, которые поселились в Италии и Галлии, несли военную службу и получали награды от Рима, хотя и не приняли сразу христианство, и не выучили латинский язык. Другой части аланов, подобно тем, которые переселились в Испанию, а затем и в Африку, так и не удалось жить в мире с империей, хотя они и приняли фактически христианство, точнее — арианство. В Константинополе аланы были очень могущественны, и в определенное время их лидеры если и не правили, то фактически управляли Восточной империей. И здесь также аланы, или же по крайней мере часть из них, приняли арианство, установив личные родственные связи с римской и германской элитой. Поражение аланов в Испании, в Африке и Константинополе можно сравнить с их успехом в Италии и Галлии, если считать успехом то, что они выжили и впоследствии были ассимилированы. Желание выжить и сохраниться характерно почти для всех народов, а процесс активной ассимиляции в особенности характерен для аланов. Те аланы, судьба которых сложилась неудачно, порой представляли серьезную угрозу Риму, чья же судьба сложилась «удачно», не представляли серьезной опасности. Окончательный удар аланам в Африке был нанесен более сильной Восточной империей. Аланы же в Италии и Галлии жили в более слабой за-

падной части империи, которая в конечном счете распалась и была поделена между завоевателями.

Эти общие замечания не должны, однако, отодвигать на второй план некоторые общие закономерности пребывания аланов на Западе, и в особенности более «удачливых» аланов.

В течение двух поколений с момента своего появления на Западе аланы в большинстве своем превратились из кочевых воинов-скотоводов в оседлых землевладельцев, владевших землями наряду с римскими потенциариями. Будучи еще в степях, аланы, способные носить оружие и воевать, составляли определенную военную элиту и когда они осели, то в основном сохранили подобную социальную структуру. Для успешного применения своей конницы аланам было важно иметь возможность тренироваться и содержать в хорошем состоянии коней и оружие. Крестьянин V в., скованный своими постоянными хозяйственными заботами и также ограниченный условиями крепостного права, не был, естественно, в состоянии посвятить все свое время и усилия обучению военному искусству и не имел возможности приобрести лошадей и вооружение. Некоторая свобода от экономической деятельности, обеспечивавшаяся системой госпиталитета Рима, давала возможность аланам постоянно быть в боевой готовности. Данная же система способствовала их интеграции в структуру римского общества на наиболее высших ее уровнях. Таким образом, аланы из бывших кочевников превратились в класс особых воинов — землевладельцев. Среди рушившегося римского государства аланы, в особенности те, которые были в Галлии, обладали большой возможностью стать составной частью новой средневековой аристократии.

Ассимиляция аланов

Уже к концу V в. источники не содержат упоминания об аланах в Галлии как об определенной этнической группе. Это может быть объяснено любой из трех нижеперечисленных причин: либо аланы ушли из Галлии, либо они были уничтожены, либо же они были ассимилированы другими народами. Так как нет никаких определенных оснований предполагать, что они ушли из Галлии либо были уничтожены, то целесообразнее остановиться и хорошо рассмотреть третью причину — их ассимиляцию. Сохранение до наших дней большого количества топонимических названий, которые могут быть объяснены либо влиянием, либо же непосредственным присутствием в этих местах аланских поселений, свидетельствует о том, что пребывание аланов на территории Галлии в течение жизни более чем трех поколений не могло пройти и не прошло бесследно. Аланскую топонимику, о которой речь шла подробно в предыдущей главе, можно сравнить с подобной же топонимикой вестготских поселений в Аквитании. Хотя готы и были более многочисленны, чем аланы, и их поселения в Аквитании просуществовали около столетия, они оказали гораздо меньше влияния на местную топонимику, чем аланы. Об этом ясно свидетельствует сохранение и широкое

распространение аланских собственных имен. Так, к примеру, имена Ален и его вариации Аллен, Алан и Аллан, происходящие от латинского Alanus, до сих пор распространены как собственные и фамильные имена. В Аквитании и области к северу от Луары также часто употребляется аланское имя Гоар [1].

Начало процесса ассимиляции аланов связано с их первым поселением на территории Римской империи, когда они отказались от своего кочевого образа жизни и перешли к оседлому землевладению, которое было господствующей формой хозяйства в Риме. Вторым этапом их ассимиляции явилось принятие христианства, в особенности в его ортодоксальной форме. Так, если еще в середине V в. аланы Галлии были язычниками, то к концу века уже переняли христианство. В первой половине VI в. все уже считали аланов христианами. Мартин Брага мог бы с чистой совестью приписать принятие аланами христианства заслугам св. Мартина Турского, умершего в 397 году. Однако Мартин Брага не смог бы этого сделать, если бы точная дата принятия христианства была известна или же сохранилась в народной памяти. Он, естественно, не мог бы называть аланов христианами, если бы они оставались язычниками. В таком случае св. Мартин не смог бы принять участие в этом процессе перехода, к которому он действительно не имел никакого отношения. Фортунат, современник Мартина Браги, особенно хорошо информированный о всех делах, происходивших на территории современной западной Франции, упоминает аланов среди тех варваров, которые уже приняли христианство.

Приписывание принятия христианства св. Мартину Турскому и явная ошибочность нападок Фортуната и Мартина Браги на арианство аланов (так же как и Беде осуждал аланов, перешедших в Африку) свидетельствуют о том, что аланы Галлии приняли христианство в его ортодоксальной форме [2].

Пример св. Гоара наглядно подтверждает данный процесс ассимиляции. Гоар родился в Аквитании в первой половине VI в., в период правления сына Хлодвига Хильдеберта. Родители Гоара носили римские имена, однако они помнили свое аланское происхождение и дали своему сыну аланское имя Гоар, возможно в честь известного аланского военачальника. Молодой Гоар, чьи родители, а может быть и прародители, уже были ортодоксальными христианами, отказавшись от арианства вестготов, стал священником и миссионером [3].

Если уж подробно останавливаться на процессе ассимиляции, то обязательно следует иметь в виду такие физические характеристики, как цвет волос, лицо, рост. Аммиан Марцеллин утверждал, что аланы были высокими и светловолосыми. Если это верно, то аланы не должны были сильно выделяться среди своих германских соседей, проживавших в Галлии. Однако Клавдиан, описывая аланского военачальника, известного своей храбростью, отмечает, что он был невысокого роста. В самом деле, этот алан более походил по своему внешнему виду на гунна.

Сохранились два изображения аланов. Это диск, выпущенный в честь консульства Аспара, в 434 г., который изображает его со своим отцом Ардабуром и неким германцем Плинтасом.

Данное изображение аланов ничем не выделяет их по внешним данным от других германских и римских военачальников. Второе изображение показывает аланских и вандальских пленников, захваченных в 416 году. Здесь также довольно трудно различить аланов и вандалов. К деталям изображения следует поэтому относиться довольно осторожно, т.к. художественные изображения людей в тот период делались в довольно схематизированной форме (см. илл. 1 и 2) [4].

Однако наиболее важным свидетельством отсутствия у аланов каких-либо определенных фенотипичных характеристик, значительно отличающих их от других народов, является совершенное отсутствие упоминания таковых в источниках. То, что аланы не могли представлять собой четко различимой определенной фенотипичной группы, объясняется также и тем, что аланы сами по себе состояли из различных народов, сходство которых больше определялось условиями жизни и обычаями, чем какими-либо определенными, так называемыми «расовыми характеристиками».

АЛАНЫ В АРМОРИКЕ

Во второй половине V в. аланы Галлии были ассимилированы местным населением. Те же, которые проживали в Орлеане, стали называться арморикацами, жителями Арморикацского тракта. Однако арморикацы представляли собой довольно пеструю смесь различных элементов, включая римлян, беженцев из Британии, галло-римлян. Эти группы, так же как и аланы, франки и некоторые другие, в разной степени испытали на себе влияние романизации. Данная смесь народов, получивших название арморикацы, присягнула на верность Риму в те смутные времена, последовавшие за битвой у Шалона в 451 году. Они поддерживали Аэгидия, римского военачальника в Галлии, штаб которого располагался в Суассоне [5].

Так как аланы Орлеании растворялись в общей среде арморикацев, их центр в Орлеане несколько раз подвергся нападению вестготов. Однако Аэгидий помогал аланам защищать Орлеан. Во время одного из таких сражений был убит принц Фредерик, брат короля Теудерика. На Арморику стали нападать также франки из Турне, порвавшие с преемником и сыном Аэгидия Сиагрием. Хильдерик напал на Орлеан

около 466 г., а год или два спустя он вместе с саксонцами, проживавшими на островах устья Луары, напал на аланов. Эти попытки, однако, захватить контроль над Орлеаном, где правили потомки Гоара, оказались безуспешными[6].

Хлодвиг, сын и преемник Хильдерика, предпринял ряд набегов на Арморику около 502-503 гг. и попытался подчинить этот район своей власти. Хотя Хлодвиг и потерпел поражение от армориканцев, согласно заключенному договору, армориканцы признали его власть.

Прокопий, живший несколько позднее, сообщает, что исповедание армориканцами ортодоксального христианства способствовало тому, что они стали союзниками Хлодвига против вестготов-арианцев. К тому же аланы Орлеании, входя теперь в состав Арморики, всегда сохраняли верность империи, и их союз, а также планы Хлодвига против вестготов были поддержаны императором Анастасием в Константинополе[7]. Влияние союза с армориканцами на Хлодвига было таким же сильным, как и его влияние на них. В 496 г., когда Хлодвиг принял христианство и попытался убедить своих сторонников последовать его примеру, только около половины из них выразило согласие. Остальные три тысячи франкских воинов во главе с царевичем Рагнахаром отказались. В результате силы Хлодвига были значительно ослаблены и его кампании против бургундцев в 500-501 гг. и армориканцев в 503-504 гг. потерпели провал. Без нескольких тысяч аланских всадников, на которых Хлодвиг мог положиться после договора с армориканцами, он вряд ли бы смог представлять серьезную опасность для вестготов. Роль и значение аланских всадников в войсках Хлодвига наглядно иллюстрируются сохранившимся до наших дней указанием Хлодвига, изданным в период кампании 507 года. Так, Хлодвиг распо-

рядился, чтобы его конница не причиняла никакого вреда церковным землям во время похода. Хлодвиг хотел этим удовлетворить просьбу епископов, которым были хорошо известны аланы, прославившиеся своим захватничеством в Галлии в середине V в. [8].

В конце V в. часть аланов Орлеании начала продвигаться на запад, в Бретонские районы в Арморике. Средневековый арморикáнский летописец сообщает, что Аудрен (464 г.), стоявший во главе бретонцев, правил также частью аланов. В районе же Ле- Мана, между поселениями в Орлеане и территорией Аудрена, аланское влияние сохранялось до начала VI в.. Именно тогда епископ с именем Аланус служил в городе Ле-Ман [9].

Несколько восточнее земель Аудрена находился город Алангавия, современный Ланге; он расположен около восьми миль к западу от Тура по реке Луаре. В течение второй половины VI в. Григорий Турский упоминает Алангавию дважды, однако ни разу не уточняет, было ли это недавним поселением. Он мог быть вполне основан во второй половине V в., когда некоторые группы аланов передвигались на запад из Орлеании. Вполне возможно, что аланы, поселившиеся в Алангавии, пытались сохранить свою этническую целостность в обстановке, которая грозила им быстрой ассимиляцией [10]. Тот факт, что новому поселению было дано аланское имя народом, находящимся в процессе своей ассимиляции, не представляет собой ничего удивительного. Данное желание сохранить хоть какую-либо связь со своим героическим прошлым в критический период, когда это прошлое грозило совсем затеряться, было сродни тому, что побудило родителей св. Гоара дать ему аланское имя, даже если все они уже носили римские имена в течение жизни целого поколения и являлись христианами уже в течении двух поколений.

Топонимика представляет материал, подтверждающий передвижение аланов на запад. К западу от Алангавии, по берегу между Нантом и Ванне, находится городок Ален (деп. Нижняя Луара). Около 25 миль к северо-западу от Ванне лежит Аллен (деп. Морбиан), и в 20 милях дальше к северу находится средневековый город Алансон (деп. Морбиан), который сегодня называется Бодьек.

В 35 милях к западу от Алансона находится Гоарек (деп. Кот-дю-Нор). Далее к северо-востоку в Кальвадосе находится Аллен [11].

В середине VI в. некто Кономор правил большей частью западной Арморики, включая область от Каре на севере и до Ванне на востоке и юге. Жизнеописания бретонских святых, которые дают обширный материал по Кономору, изображают его как иностранца из Корнуолла. Современные исследователи отождествляют его с Марком Кономором, который также правил у Каре в Корнуолле. Согласно данным более поздних современников, Кономор являлся узурпатором и обвинялся в убийстве некоего Ионаса, который правил областью Дол. Захватив земли Ионаса, Кономор изгнал своего сына во франкское королевство к королю Гильдеберту I, который, однако, арестовал его. Сосланный принц был назван Аланом Юдуалом, первым из тех графов и герцогов Бретани, носивших имя Аланус в ранний период средних веков [12].

На землях, управляемых Кономором, проживало довольно разнородное по составу население, включая кельтов, римлян, германцев и аланов. Вполне надежные сведения, содержащиеся в жизнеописании св. Павла Лионского, показывают, что на землях Кономора в Арморике население говорило на четырех различных языках. Из этого следует,что еще в середине VI в. там существовали аланы, говорившие на родном языке [13].

В Арморике в те времена было распространено множество рассказов и легенд, претендующих на объяснение происхождения народов Европы. Несколько из них особое внимание уделяли аланам. Одна легенда сохранилась до нашего времени, т.к. была включена Неннием в его «Британскую историю» с целью освещения проблемы происхождения английского народа. Данная легенда относится к первой половине VI в. и, по мнению Фердинанда Лота, была написана священником-аланом, проживавшим в Арморике. Она написана в форме генеалогии и в общей своей сути повествует о том, что все народы произошли от бога. Однако он отводит аланам первостепенную роль по сравнению с другими народами Европы. Рассказ развивает библейскую традицию о том, что сын Ноя Иафет заселил Европу после потопа, у него родился сын, названный Аланус, который стал первым жителем Европы. У него было три сына Хисикон, Арменон и Неугион; они в свою очередь положили начало следующим народам: вандалам, франкам, латинянам, аламанам, британцам, бургундцам и готам [14].

Хотя аланский священник, сочинивший данную легенду, был в курсе того, что аланы уже не представляли собой единого народа, он тем не менее, как видно, считал, что им следует отвести важную роль в истории. Поэтому он и сделал Алана предком всех народов Европы. Трудно установить, знал ли на самом деле священник о роли, которую аланы сыграли в судьбах вандалов, готов, римлян, бургундцев и франков. Однако более вероятно, что он просто-напросто развивал этноцентристскую теорию.

Следует подчеркнуть, что суть данной легенды, отводящей аланам первостепенную роль в Европе, подчеркивает существование сильных проаланских настроений в Арморике в то самое время, когда правящий дом, который, видимо, имел определенное отно-

шение к аланам, боролся за свое существование с узурпатором из Корнуолла. То, что данная легенда была воспринята английским историком начала IV в. с большим интересом, свидетельствует о том, что влияние аланов в Бретани продолжало сохраняться. Однако далее к востоку данная теория об аланском происхождении народов Европы, распространившаяся в Арморике в середине VI в., не была воспринята. В VII в. летописец Фредегар писал о троянском происхождении франков. Это было первой попыткой возвести происхождение франков к славе классической античности. Народ, от которого он ведет родословную франков, делился, по Фредегару, на несколько групп, одна из которых, фригийцы, во главе со своим предводителем Франсио опустошила Азию, а затем пришла в Европу, где поселилась в районе между Рейном, Дунаем и морем. Далее, Фредегар сообщает о смерти Франсио и о разделении франкского народа на несколько групп во главе с герцогами. Эти группы якобы очень успешно воевали против римлян. Далее мы узнаем, что франки и римляне родственны друг другу, т.к. Фрига и Эней были сыновьями Приама [15].

Следует, однако, подчеркнуть, что Фредегар старается своей троянской теорией происхождения франков нисколько не порвать с библейской версией. Он добавляет в свою хронику версию из книги поколений (Liber Generations), в которой перечисляются народы, ведущие якобы свое происхождение от Иафета, сына Ноя, заселившего Европу. Фредегар включает в свое изложение Трояна и Фригия, и таким образом, усваивает две версии происхождения франков: библейскую и троянскую. При этом он не уделяет внимания армориканской легенде предшествующего века, отводящей аланам первоочередную роль в заселении Европы [16].

Заслуживает упоминания в данном контексте и другая армориканская легенда. Она также дошла до

нас благодаря Неннию и отводит аланам более важную роль по сравнению с другими народами Европы. В тексте Ненния прослеживаются попытки доказать троянское происхождение британцев. Таким образом, британцы через своего родоначальника Брутуса произошли от Хисикона, через Аланос, далее к Энею и Трою и в конечном счете к Иафету.

Данная легенда сочетает библейскую, римскую и троянскую версии происхождения британцев, и в библейской ее части аланы первыми появляются в Европе, еще до появления других народов. Таким образом, очевидно стремление франков и британцев возвеличить свое прошлое, что ясно прослеживается и со стороны аланов в приведенной выше арморикáнской легенде [17].

В одном случае арморикáнская легенда, повествующая об аланах, отводит народам Европы, включая и франков, второстепенную роль, в другом случае франки не упоминаются вовсе. Фредегар в своих генеалогиях упирает на роль и значение франков, игнорируя в свою очередь аланов. При более внимательном исследовании становится ясным, что данные вещи нельзя будет объяснить чисто географическими факторами — аланским преобладанием в Арморике, а франкским — далее к востоку. Фредегар являлся ярым приверженцем идеи величия франков. Как автор или же по крайней мере как популяризатор теории троянского происхождения франков, он связывал ее с классической античностью. Так, он восхваляет военное могущество франков, рассказывая о том, как они победили римлян, и в порыве своего красноречия называет их самыми могущественными из всех народов. Только в расширенном предисловии, составленном в более этноцентристском франкском духе, чем генеалогия Фредегара, франки превозносятся еще больше.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что факт сокрушительного поражения, нанесенного аланами

франкам в 406 г., о котором сообщает Григорий Турский, не удостаивается внимания Фредегара.

Враждебное отношение франков к аланам, которое, видимо, возникло после победы аланов в 406 г., еще больше усилилось в результате неудачных попыток Хельдерика захватить столицу аланов Орлеан и походов Хлодвига на Арморику. Захват Хильдебертом I графа Алана Юдуала и его поддержка узурпатора Кономора означали дальнейшее обострение отношений арморикэнцев (аланов и кельтов) и франков. Войны, которые велись более поздними арморикэнскими правителями против Меровингов и Каролингов, только усиливали франко-арморикэнскую неприязнь [19].

Победы аланов игнорировались профранкскими летописцами, подобно Фредегару, а автор «Франкской истории» дошел даже до того, что объявлял поражения франков их победами. В начале VIII в. автор данного труда предложил свою версию троянского происхождения франков: после падения Трои принцы с оставшимися своими сторонниками пришли в Европу. Эней, который характеризуется как тиран, повел своих людей в Италию, а Приам и Антенор, предки франков, пошли на Паннонию.

Там, согласно «Истории», франки столкнулись с аланами, которые характеризуются как «упрямые» и «рыхлые».

Далее сообщается, что аланы восстали против римского императора Валентиниана, который разбил их и оттеснил за Дунай в Мезийские болота. Валентиниан затем обещал франкам выдать награду, если они добьют аланов. Они якобы сделали это храбрым и решительным образом. Таким образом, франкский летописец, мстя аланам за их победу над франками, воссоздает вымышленную картину победы франков над аланами [20].

Еще одна генеалогия, видимо уже VI или VII в., является свидетельством того, что аланы, подобно франкам, стремились превознести в литературе свое прошлое. В ней приводится перечень римских правителей Галлии в период второй половины V в.: «Первым царем Рима был Алан» (букв. «Первого римского царя звали Аланом, Алана сын Пабол, Пабола сын Эгетий, Эгетия сын Эгегий, Эгегия сын Сиагрий, из-за которого Рим потерял царство» [21].

Последний из них, Сиагрий, был разбит Хлодвигом в 486 г. и вскоре после этого убит. Он был преемником своего отца Аэгидия, умершего около 464 года. Аэгидий в данном тексте приводится как Егетий или Егегий. Возможно, что автор генеалогии разделяет одно и то же имя на две части, и поэтому Егидий предстает в двух вариантах. Возможно также, и даже более вероятно, что одно из приведенных выше двух имен является искаженной передачей имени Аэций, римского военачальника в Галлии, разбившего Атиллу у Шалона в 451 г., а другое имя — передачей имени отца Сиагрия. Паболус, еще одно имя из текста генеалогии, также является, видимо, искаженным именем Паулюс, римского военачальника, командовавшего римскими войсками в Арморике около 460-470 гг. Включение Аланус является еще одной попыткой возвеличить аланов Арморики, поддерживавших Рим и помогавших Риму разбить гуннов 451 г. и вестготов в 507 году [22].

Процесс ассимиляции аланов в кельтской среде носил обоюдный характер. В военной области аланы, оказавшие значительное влияние на развитие римской кавалерии, сильно повлияли также на арморикáнскую конницу. В период поздней империи, как и в более ранние времена, кельты, были ли это британцы или бретонцы, не пользовались совсем славой всадников, хотя классические авторы не раз отмечали их способ-

ности в обращении с колесницами. Прокопий, писавший в середине VI в., пересказал старую историю, в которую он сам, по-видимому, верил и считал, что читатели также поверят. В этой истории говорилось о том, что в Британии совсем не было лошадей. Поэтому местные жители и понятия не имели о верховой езде, еще меньше они представляли себе конные набеги [23].

К VII в., однако, репутация армориканских конников пошатнулась по сравнению с более ранними временами.

Приблизительно около 1120 г. Стефен Лландаф, автор жизнеописания св. Тейло (уэльский святой, начало VI в., имевший определенное отношение к Арморике), сообщает о том, как святой молился богу, чтобы армориканцы стали лучшими всадниками в мире. Автор продолжает, что молитвы Тейло были услышаны богом и что даже сегодня (1120 г.) армориканцы в семь раз более эффективны верхом, чем пешими.

Джефри Монмаут, современник Стефена, настроенный также проармориканси, описывает сражение, имевшее место в конце V в., в котором отряд армориканской кавалерии выиграл целый день для Амбросия Аврелиана [24].

Хотя сообщения Стефена и Джефри содержат много точных и полезных сведений об истории Арморики в раннее средневековье, неясно, опираются ли данные авторы на более раннюю традицию в своем восхвалении бретонской кавалерии конца V и начала VI в. или же просто повторяют современные им версии о славе армориканских всадников. Однако в любом случае оба этих автора XII в. свидетельствуют о высокой репутации армориканцев как всадников, что несколько расходится с более ранней версией.

В силу вполне определенных причин объяснение Стефеном происхождения славной армориканской ка-

валерии звучит не совсем убедительно. Арморикан-ские всадники славились еще задолго до XII в.. Регино Прум в X в., Гермольдус Нигеллюс и Нитард в IX в., Григорий Турский в VI в. упоминали о бретонских всадниках. Фактическое отсутствие подобных упоминаний в VII и VIII в., видимо, явилось результатом сравнительного недостатка подробных письменных источников в тот период и имевшего место отхода Бретани от основного русла истории Меровингов и Каролингов, на которой сосредотачивают свое внимание имеющиеся скудные источники [25].

В поисках происхождения арморикаиского рыцарства вполне уместно обратиться к истории аланов, которые были ассимилированы в бретонском окружении к началу VI в., если не раньше. К тому же это период, который был отмечен, согласно Стефену Лландафу и Джефри Монмауту, наивысшим расцветом арморикаиской конницы. Как уже было отмечено, аланская военная тактика была похожа на тактику гуннов, которые «вступали в бой клинообразной массой, наводя на противника ужас своими дикими выкриками. Так как они всегда были легко вооружены для быстрых передвижений и непредвиденных действий, то могли внезапно целенаправленно разделиться на отдельные отряды и атаковать, наступая в полном беспорядке, производя повсюду ужасающую резню. В силу своей чрезвычайной быстроты передвижения... они начинают бой стрелами на расстоянии... скачут по раскинувшимся степям и сражаются мечами лицом к лицу» [26].

Аланы также издавали устрашающие крики во время атаки и также использовали тактику наступления конным строем. Подобно гуннам, аланы предпочитали воевать верхом и, как уже было отмечено, даже считали для себя унизительным передвигаться по земле пешими. Исидор Севильский отмечает, что ала-

ны были в значительной степени менее боеспособными пешими. В своей военной тактике аланы были очень мобильны; армориканские аланы в отличие от гуннов использовали доспехи для себя и для своих лошадей [27].

Данное описание аланских всадников, опирающееся на сведения Аммиана Марцеллина и некоторых других более поздних авторов об аланах, очень сильно напоминает описание армориканской конницы, сделанное Гермольдусом Нигеллюсом в первой половине IX в.. Бретонцы Гермольдуса имеют обыкновение воевать верхом, надевать доспехи на себя и на своих коней и бросают копья на своего противника [28]. Однако наиболее интересные сведения дает Регино Прум, который в X в. подчеркивал мимоходом, что бретонцы сражаются подобно венгерской коннице. Бретонцы обычно не доводят свою атаку до конца, о после атаки поворачивают своих коней, они отличаются от мадьяр только тем, что последние пускают стрелы, тогда как первые метают дротики. Следует дальше заметить, что венгры никогда не сходят с коней и не сражаются пешими [29].

Однако наиболее интересным является здесь продолжительность аланского влияния на военное дело бретонцев. Интересен также сам факт сохранения в течение более чем четырех столетий алано-бретонцами Арморики своих навыков военного искусства, приобретенных еще в степях, что также не раз отмечалось современниками.

Исследуя происхождение армориканского рыцарства, необходимо подчеркнуть две вещи: прежде всего, замечания Регино о сходстве военной тактики бретонцев и венгров свидетельствуют о присутствии степных элементов в военном искусстве бретонцев. К концу V в. аланы, проживающие в Арморике, находились в процессе ассимиляции своими соседями. Второе:

есть все основания допустить, что, если Регино верно обнаружил степное происхождение тактики бретонцев, то это следует относить только к аланам, т.к. в Арморике в то время единственным кочевым народом были аланы. Они не любили воевать пешими, то же самое характерно и для двух других кочевых народов — гуннов и сарматов. Последние не могли воевать пешими в силу определенных технических причин. Гунны, по свидетельствам источников, носили непропорциональную обувь, а сарматы были настолько скованы своим тяжелым вооружением, что не могли передвигаться пешими. Возможно, что сходство поведения в бою аланов, гуннов и сарматов определялось только этими причинами. Очевидно лишь то, что аланы предпочитали воевать верхом в силу и технических, и тактических причин [30].

В недавней своей работе Уоррен Холлистер пишет, что «в каждом большом сражении англо-норманнского времени основная часть феодальной конницы спешивалась для боя. Согласно сведениям очевидцев, в 1106 г. в битве у Тинчебрая 96% армии короля Генриха были пешими, включая самого короля и всех его баронов. В 1119 г. большая часть войска короля Генриха у Бремюле состояла из спешившихся рыцарей и, согласно свидетельству современника, битва была выиграна атакой пехоты. У города Тероулде в 1124 г. большинство англо-норманнских рыцарей воевало снова пешими, а у Нордаллертона в 1138 г. они спешились все до одного... В битве у Линкольна в 1141 г. король и его рыцари снова воевали пешими» [31].

Переняли ли бретонцы тактику своих англо-норманнских соседей или же продолжали сохранять аланское отношение к пешему бою? Вероятно, что Регино Прум не упоминал бы о сходстве тактики бретонцев и венгров, если бы первые перешли к пешему бою [32].

В алано-норманнский период бретонские всадники участвовали в двух сражениях, относительно которых

мы располагаем достаточной информацией. У Тинчебрая, где 96% армии Генриха сражалось пешими, король приказал бретонской кавалерии оставаться верхом вместе с воинами из Мэна. У Линкольна, где король и большинство его конницы спешились, бретонцы остались верхом. Так как сражение проходило не совсем успешно, то бретонцы, будучи на конях, имели возможность благополучно выйти из сражения [33].

В начале VII в. Исидор Севильский сообщал, что аланы были небоеспособны пешими, пять веков спустя Стефен Лландаф также отмечал, что арморикапцы были в семь раз более действенны верхом, чем пешими. Эти замечания позволяют в некоторой степени понять, почему бретонцам было приказано сражаться верхом, тогда как их англо-норманнские коллеги спешились. Два этих примера вместе с замечаниями Исидора, Регино и Стефена свидетельствуют о том, что бретонцы обычно сражались верхом. Из сведений Байо Тапестри следует, что в конце XI в. норманны и бретонцы имели одинаковое вооружение [34]. Из этого следует, что не разница вооружений определяла разницу в тактике норманнов и бретонцев. Если правомерно относить происхождение бретонского рыцарства к аланам, то из этого следует более древнее происхождение бретонского верхового искусства, чем у норманнов или англичан, потомков викингов и англосаксонцев. Однако практика воевать верхом, развившаяся у норманнов в последующие столетия, превратила их в довольно хороших всадников. Дополнительным свидетельством аланского влияния на военную тактику войск западной Франции является тактика «притворного отступления». Как отмечалось ранее, подобная тактика была распространена у степных народов.

Согласно Арриану, легату Адриана в Каппадокии, аланы были довольно искусны в применении тактики

«притворного отступления», далее он дает рекомендации для размещения войск с целью успешного противодействия аланам.

Аланы, находившиеся на военной службе у империи в Северной Италии в начале V в., также использовали подобную тактику против вестготов. В IX в. арморикапские всадники часто применяли притворное отступление. Регино Пруму, сравнивавшему тактику бретонцев и венгров, было хорошо известно, что последние искусно применяли притворное отступление и что бретонцы часто это делали [35]. В битве у Гастингса тактика притворного отступления была успешно применена норманнами и их бретонскими союзниками. Уильям Пойтиерс пишет: «Норманны и их союзники, видя, что не смогут осилить многочисленного и стойко стоящего противника без тяжелых потерь, отступили назад, имитируя отступление... Варвары были очень довольны... Несколько тысяч их... кинулось преследовать противника, который, как им казалось, отступал. Внезапно норманны остановили своих лошадей, перехватили и окружили противника, истребив всех до последнего» [36]. Уильям Малмсбери более краток: «Англичане... образовали непробиваемый строй, который мог бы обезопасить их в тот день, если бы норманны не обманули их, открыв свои ряды и использовав притворное отступление» [37]. Данные свидетельства относятся ко второму притворному отступлению у Гастингса. Уильям Пойтиерс свидетельствует, что «подобная тактика была использована дважды». Первый раз это сделали бретонцы во главе с графом Аланусом, который особенно отличился в этом бою [38].

В силу большого влияния аланов в Арморике следует предположить, что именно благодаря им тактика притворного отступления была успешно освоена в западной Франции. Не стоит также удивляться и тому, что норманны, очень склонные к усвоению новых ме-

тодов ведения боя, также научились использовать маневр притворного отступления. В течение немногим более десятилетия в середине XI в. норманны использовали притворное отступление по крайней мере три раза: у Мессины в 1053 г., у Арка (Нормандия) в 1060 г. и у Гастингса в 1066 г. Крестоносцы в конце XI в. также нередко использовали притворное отступление против своих тюркских противников [39].

АЛАНЫ В ЮЖНОЙ ГАЛЛИИ

Аланские поселения в Южной Галлии не были такими удачными, как в Арморике. После разрыва с вестготами в 414 г. эти аланы поселились в районе между Тулузой и Средиземным морем. Несколько лет спустя, однако, бывшие союзники аланов вестготы вернулись из Испании и в качестве союзников империи начали претендовать на Юго-Запад Галлии.

Вестготы были арианами, аланы же, проживавшие среди них в меньшинстве, были в основном язычниками, пока не приняли ортодоксальное христианство во второй половине V в. [40].

Политические и религиозные противоречия между аланами и вестготами в Южной Галлии в определенной степени объясняют причину слабого аланского влияния в этом регионе по сравнению с Арморикой. Как уже отмечалось, сохранение аланской топонимики является несомненным свидетельством аланского влияния на юге, так же как и на севере. В период раннего средневековья в данном регионе также продолжали быть распространены такие собственные имена, как Алан и Гоар. Имена свидетельствовали об аланском происхождении их носителей или же их определенном отношении к аланам. Один из них, имя которого дается в источниках в нескольких вариантах — Гоерик, Гоярик, служил у вестготского царя

Алариха II, правившего в Тулузе. Гоерик носил титул знатного человека (vir illustris), и ему было поручено составить свод законов для римского населения вестготского королевства. Вполне знаменательно, что Аларих избрал ортодоксального христианина аланского происхождения для контактов с римскими правоведами и духовенством при составлении свода законов для римских подданных вестготского короля. К тому же аланы в данном регионе имели долгий опыт сотрудничества с римлянами. Использование ортодоксальных христиан, прежде имевших тесные связи с империей, для контактов с римским населением было также распространено среди франков, остготов и вестготов [41].

Вскоре после издания законов Гоериком меровингский король Хлодвиг, исповедовавший ортодоксальное христианство, повел армию, в состав которой входило значительное число арморикан ских аланов, в Аквитанию, захватил владения вестготов в Галлии и убил Алариха II. Сразу после данных событий Гоерик был арестован новым королем Гесаликом в королевском дворце в Барселоне и убит [42]. Подобная же участь постигла всех ортодоксальных христиан в Аквитании, поддержавших Меровингов [43].

Чуть позже Гоерика жил св. Гоар, аквитанец, родившийся в Южной Галлии в период правления сына Хлодвига Хильдеберта (умер в 558 г.). Как уже отмечалось, родители Гоара носили римские имена, но, однако, помнили свое аланское происхождение и дали своему сыну аланское имя. Возможно, еще будучи подростком, Гоар решил посвятить себя духовной карьере и стал отшельником. Он совершил поездку в район Триера, где построил небольшую келью у слияния Лохбаха и Рейна в области, называемой сегодня Обер-Вессель [44].

На первый взгляд может показаться странным, что подросток совершил путешествие за несколько сотен

миль для того, чтобы стать отшельником, тогда как и недалеко можно было найти достаточное количество уединенных мест. В тот период между Аквитанией и Восточной Галлией существовали тесные политические и религиозные связи. К тому же перспектива общения с аланскими поселенцами в Восточной Галлии могла показаться заманчивой для молодого отшельника с аланским именем [45].

История, содержащаяся в жизнеописании св. Гоара, кажется правдоподобной. И обстоятельством, указывающим на его аланское происхождение, хотя бы косвенно, является его прожорливость. Благочестивая репутация Гоара привлекала многочисленных пилигримов в его келью. (Возможно, что часть из них была аланами, проживавшими в Восточной Галлии и привлеченными аланским именем отшельника.) Как бы то ни было, Гоар взял себе за правило давать всем посещавшим его приют и пищу. К великому ужасу всех духовных лиц данной области, Гоар весьма обильно питался вместе со своими гостями. Поэтому он был обвинен в прожорливости и предстал перед епископским судом для оправдания. По обычаю отшельники не имели права притрагиваться к еде раньше полудня, а в некоторых случаях даже до захода солнца [46]. Защищая себя перед судом, Гоар заявил, что, во-первых, святость бога основывается не на материальных вещах, а на праведном мире и радости. Однако по его мнению, более важным было то, что он был, по его словам, обязан оказывать гостеприимство всем тем, кто посещал его келью, и с его стороны было бы крайне негостеприимно не принимать участия в трапезах вместе с гостями. В данном случае мы имеем дело с известным и широко распространенным среди кочевников обычаем, согласно которому не садиться за обеденный стол со своими гостями считалось проявлением крайнего негостеприимства [47]. Другой же Гоар, на-

зывавшийся в источниках Гоериком, также жил в Аквитании и Восточной Галлии. Данный Гоар жил в первой половине VII в. Его семья играла значительную роль в Альбигуа. Он был графом Альби в 627 г.; позднее его племянник Бабо также занимал этот пост. Племянница его была настоятельницей монастыря Троклар в Альбигуа. В 629 или в 630 г. Гоерик, носивший также имя Аббо, стал преемником епископа Арнульфа в Меце. Таким образом, подобно своему более раннему тезке св. Гоару, Гоерик совершил путешествие из Аквитании в Восточную Галлию в религиозных целях [48].

Опора на аланские имена в деле прояснения истории аланов объясняется скудостью источников и поэтому делает необходимым обоснование такого подхода. Везде, где источники упоминают людей, носивших имя Гоар, они отмечают их аланское происхождение. Более того, было установлено, что в период раннего средневековья все люди, носившие аланские имена, происходили из районов аланских поселений. Данное обстоятельство также подтверждается данными других источников. Таким образом, есть все основания предполагать, что тот, кто носил имя Гоар в период раннего средневековья, или сам был аланом, или же в какой-то степени был подвержен их влиянию [49].

Рассмотрение имени Гоар и его вариаций в источниках V-VII вв. обнаруживает дополнительные трудности. Латинское Goar, иногда Goarus, в греческих источниках дается как Goar. Данные вариации имени, однако, являются просто античной передачей аланского имени, близко стоящего к современному осетинскому Iaeukhar. У германцев Iaeukhar превратился в Эохар (Eochar), который в свою очередь имеет множество вариаций [50]. О данной двойной природе имени Iaeukhar мы узнаем из истории деятельности аланского правителя Орлеане, жившего в первой половине

V в В различных источниках он называется то Гоар, то Эохар (Eochar), и делается это в контексте, указывающем на идентичность обоих имен. Источники свидетельствуют, что данное лицо имеет только одно имя, которое просто имеет две формы выражения. Вполне вероятно, что имя Ioeukhar произносилось в двух формах: античной — Гоар (Goar), германской — Эохарик (Eocharic), т.к. оно играло значительную роль в раннесредневековой Галлии, где совместными усилиями германцев и римлян создавалась новая средневековая культура[51]. Для большей ясности, однако, обратимся к сравнениям. Представим, что некто с германским именем Генрих поселился в Квебеке (Канада), где он оказывается в среде англоязычных и франкоязычных канадцев. Последние будут называть его Генри (Henri), тогда как первые Генри (Henry). Та часть его потомков, которая поселится с франкоязычными канадцами, будет давать своим детям имя Генри (Henri), а поселившиеся в англоязычной среде будут пользоваться именем Генри (Henry).

Среди многочисленных вариаций имени Эохар мы обнаружили такие, как Эохарик и Эотар[52]. Данные вариации проливают некоторый свет на происхождение имени Эутарик (Эотарик) (Eutharic), женившегося на Амаласуенте, дочери остготского короля Теодорика. Эутарик проживал среди вестготов, исповедовал арианство и занимал определенное высокое положение. Согласно «Подвигам Теодорика», Эутарик был аланского происхождения[53]. Возможность того, что кто-либо из аланов мог подняться так высоко в вестготском королевстве, подтверждается примером и Гоарика, которому было поручено составление свода римских законов Аларихом. Арианство Эутарика благоприятствовало и, возможно, сыграло основную роль в установлении им родственных отношений с королевской фамилией.

Арианство, видимо, способствовало тому, что он являлся в большей степени объектом ассимиляции со стороны вестготов, чем двое, упомянутых выше, носившие имя Гоар, бывшие ортодоксальными христианами. Данное обстоятельство также объясняет, почему германский вариант имени Iaeukhar преобладает над античным. Таким образом, становится ясным, почему он был Эутар, а не Гоар. Некоторые лица, носившие аланские имена, играли довольно значительную роль в Аквитании и среди вестготов даже после падения Тулузского королевства в 507-508 гг. Два из них оставили свой след также в Восточной Галлии, где еще с начала V в. существовали аланские поселения. К сожалению, нет никаких данных, которые могли бы подтвердить какую-либо связь между св. Гоаром, поселившимся в Триере, епископом Гоериком из Меца и аланскими поселениями в Галлии. Свидетельства же аланского влияния в Испании не ограничиваются именем Эутарик. К примеру, известно, что вестготы переняли тактику притворного отступления и успешно применяли ее в VI в.[54] Существование до настоящего времени некоторых аланских топонимических названий в Испании также свидетельствует о том, что аланское влияние не прекратилось с установлением господства вестготов[55]. Около 575 г. Оренс, часть Галисии, где господствовали при поддержке Рима аланы, до 428-429 гг. управлялась человеком по имени Аспидиус, очень похожим на аланское.

Элемент *asp* происходит от иранского слова, обозначающего лошадь. Примером может служить имя известного аланского военачальника Аспара в Восточно-Римской империи. Аспидиус вполне мог быть латинизированной формой иранского 'Astiabas или же, возможно, имени 'Astiebos (в греческой транскрипции)[56].

Ясно, что между потомками разрозненных групп аланов также не было политического единства, что и

следовало, впрочем, ожидать, так как подобного единства не было и у их предков. Если у аланов в период их кочевой жизни и было какое-либо сознание единства на основе своих обычаев и верований, то оно было полностью утрачено с их появлением на Западе.

Таким образом, принятие христианства, будь то арианство или ортодоксальная его форма, лишь только углубило этническую разобщенность аланов. Видимо, в силу некоторых капризов судьбы аланы, находившиеся под господством вестготов, частью стали арианами, частью ортодоксальными христианами. Часть аланов в Испании служила готам, другая же часть, подобно Аспидиусу и его сторонникам, была уничтожена готами.

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

Если между различными аланскими поселениями на Западе не было политического взаимодействия и единства, то существуют некоторые свидетельства культурного взаимодействия. Археологический материал нам дает хотя и малые, но некоторые сведения о культурных взаимосвязях между различными поселениями аланов в Галлии. Так, аквитанский стиль орнаментации, присутствующий в качестве украшения на 134 находках, в основном поясных пряжках периода конца VI и VII вв., содержит некоторые центральноазиатские элементы аланского происхождения. Два основных района находок находятся между Тулузой и Средиземным морем в Южной Галлии и между Орлеаном и Биуа и к северу до Саосны (деп. Сарта) в Арморике. Третий, меньший район находок, расположен к северу от Женевского озера, на нынешней франко-швейцарской границе (см. карту 5) [57].

Общепризнано, что аквитанский стиль представляет собой смесь различных влияний со стороны фран-

ков, вестготов, бургундцев и коптов. Два элемента аквитанского стиля орнаментации имеют явно центральноазиатское происхождение: четвероногие животные, изображенные на илл. 3, и крайне схематизированные изображения людей на илл. 4. Нильс Аберг, первый обнаруживший аквитанский стиль, отмечает, что данные изображения животных не следует путать с львами и крылатыми грифонами, характерными для бургундского искусства, а схематизированные изображения людей — с их квадратными плечами, опущенными вниз руками и согнутыми ногами — с фигурами Даниеля, сопровождаемыми парой животных. Последний мотив часто присутствует и у бургундцев. И четвероногие животные, и человеческие изображения в целом выполнены на заднем фоне (пунктирами) [58].

Центральноазиатское происхождение данной «звериной» орнаментации также подтверждается многочисленными параллелями из Венгрии «гуннского» периода и из Южной России. Среди венгерских примеров присутствуют смотрящие назад и впередсмотрящие четвероногие из Шегеда, Кештели, Цуни, Немесвологи, Дунапентеле и Реголи. В Южной России подобные изображения животных находятся в Змейском могильнике и в Камунта (см. илл. 5а, б; в; 7а,б) [59] Аналогичные схематизированные изображения людей также обнаружены в Камунта и Киеве (см. илл. 8). Последнее изображение на илл. 8 из Киева заслуживает специального рассмотрения, так как его выполнение значительно сложнее, чем любые аквитанские примеры или же русские образцы. Так, на нем изображен центральноазиатский всадник с характерными согнутыми ногами. Хотя другие изображения более стилизованы, все они отображают этот мотив, который весьма характерен для кочевников Центральной Азии. Хотя этот мотив и легко объяснить, значения квадратных плеч и опущенных вниз рук, изобра-

женных на аланских находках Южной России, и аквитанских изображений еще не установлено. Тем не менее они очень отличаются, как уже подчеркивал Аберг, от изображений человеческих фигур с поднятыми вверх руками в тот период в Галлии. Хотя аквитанский стиль отражает различные влияния, следует подчеркнуть, что во всех указанных районах находок из всех варваров проживали только аланы. Вестготы господствовали на юге Аквитании и правили поселениями в районе между Тулузой и Средиземным морем. Однако вестготы не имели поселений в Орлеане. Франки также не имели значительных поселений ни в Орлеане, ни в Аквитании. Бургундцы господствовали в районе вокруг Женевского озера, однако они не имели никакого влияния к западу от Роны (река) и тем более в Орлеане. Короче говоря, единственным источником постоянного влияния центральноазиатских элементов на аквитанский стиль орнаментации в районах находок являются аланы и их потомки. Тот факт, что мастера, работавшие в районах со значительным аланским влиянием, включали в свои работы центрально-азиатские мотивы, является вполне обоснованным. Очевидным является также смешанный характер аквитанского стиля, т.к. аланская культура сама по себе была очень восприимчива к чуждым влияниям.

Поясные пряжки аквитанского стиля поэтому и составлены из трех основных частей: из петли, щитка и броши, каждая из которых отделана особым образом. Одна такая петля, на которой отсутствует щиток и брошь, содержит интересную надпись (см. илл. 9а). Как видно, петля имеет овальную форму, вследствие чего буквы нанесены изогнуто, к тому же поверхность петли искривлена, что также увеличивало трудности в высечении надписи, вследствие чего она выполнена не очень красиво (см. илл. 9б). Я имел возможность изу-

чить петлю и надпись на ней в музее в Вендоме летом 1968 г. и предлагаю следующее прочтение:

LAVAZ. TURC^{us}
FLAVIGERASPUS [60]

Нижняя часть надписи легче поддается расшифровке. По моему мнению, слово «Flavigeraspus» надо разделить на две части: Flavi и Geraspus или же, точнее, Flavius Geraspus. Среди варваров конца VI и VII в. было очень распространено имя Flavius (Флавий). Примером тому Flavius Recesuinthus и Flavius Chintasuinthus [61]. Recesuinth и Chintasuinth являются вестготскими именами, а происхождение Geraspa следует относить к другим народам. Элемент *acn* дает ключ к разгадке, т.к. является иранского происхождения, как и в аланских именах Аспар и Аспидиус. Внимательное прочтение сборника иранских имен, составленного Юсти, свидетельствует, что в античный и средневековый периоды имя Gersasp было широко распространено среди ираноязычных народов и тех, которые испытывали их влияние. Отсутствие буквы «s» в слове Gerasp в данной примитивной надписи, высеченной в нескольких тысячах миль от места своего происхождения и после почти двух с половиной веков культурного влияния, не должно вводить нас в заблуждение относительно его происхождения. Более того, следует подчеркнуть, что хотя имя Gersasp и было само по себе очень распространено, оно также представляло собой искаженную передачу имени Keresasp. Это свидетельствует о том, что даже в степях, на местах своего появления, имена не всегда передавались правильно и не звучали одинаково [62]. (Мои попытки расшифровать верхнюю часть надписи не привели ни к чему определенному, за исключением некоторых предположений) [63]. Культурное взаимовлияние между аланскими поселениями в Галлии, подтверждаемое распространением аквитанского стиля,

подтверждается дополнительно историей св. Алана. Город Лавор (деп. Тарн) находится в центре южной части района распространения находок аквитанского стиля. Местная традиция города Лавор свидетельствует, что сюда для проповедей прибыл св. Алан и даже построил монастырь. Средневековые источники сохранили упоминания о шести церквях в данном районе, включая Лаворский собор, которые все были посвящены св. Алану. Город Алганс находится всего в 10 милях к югу от Лавара, а город Алос (средневековый Аланус), находящийся в нескольких милях от Лавара, являлся местом расположения церковно-монастырского комплекса, построенного св. Аланом. Одна хартия X в. сообщает, что аланская церковь в Алосе была разрушена и покинута монахами. Хартия сообщает также, что развалины и все, что осталось от монастыря, были перевезены их владельцем, неким Деда, в монастырь Конке в Альбигуа (см. карту 6) [64].

Хотя святой Алан и жил, по сообщениям, в Лаваре во второй половине VII в., церковь, которая к X в. была уже в развалинах, могла быть построена на 250 лет раньше вышеупомянутым святым. Даты жизни и деятельности св. Алана исходят в основном из его жизнеописания, которое в действительности, видимо, было совсем не его жизнеописанием, а измененным вариантом жизнеописания св. Аманда, покровителя Бельгии. Возможно, что некий монах, живший в Аквитании, использовал ту часть жизнеописания св. Аманда, в которой повествуется о его (Аманда. — *И. С.*) деятельности в Южной Аквитании, внеся некоторые изменения. В частности, основание св. Амандом Нантского монастыря в Рурге приблизительно в 660 г. используется автором жизнеописания св. Алана, который заменяет Нант Лаваром, а короля Хильдерика, утвердившего монастырь в Нанте, королем Сигибертом, который утвердил монастырь в Лаваре [65]. Хотя

данное использование другого жизнеописания автоматически не ведет к полному отрицанию приведенных в нем фактов, однако, естественно, намного умаляет его ценность и значение. Более важным представляется сам факт включения св. Аманда в аланскую проблематику, т.к. данный факт говорит о связях Южной Галлии с Арморикой. Аманд родился около Нанта. Покинув дом против желания своего отца, очень состоятельного человека, Аманд несколько раз посетил Ой около Ла-Рошеля, Тур и Бурж. Затем он направился в Рим, после проповедовал в бельгийской Галлии и среди славян. После очередного возвращения в Галлию он был выслан в Аквитанию королем Дагобертом. Там он проповедовал на землях короля Кариберта II. Позже Аманд вернулся в Париж, а затем в Орлеан. Он стал епископом Маастрихтским и также проповедовал среди басков в Гасконии. Еще при своей жизни Аманд был широко известен своими проповедями и стал очень популярным. Об этом свидетельствуют множество названий местностей в его честь и многочисленные варианты его жизнеописаний, составленных в ранний период средневековья [66]. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что монах использовал готовое жизнеописание для своей работы над прославлением св. Алана. Факты из жизнеописания св. Аманда даются без искажений, несмотря на довольно сомнительный способ их передачи.

Было изучено достаточно материала, чтобы убедиться в реальности существования св. Алана. Следует отметить, что нередки были случаи, когда искусственно создавался образ определенного святого, которому затем приписывали заслуги реального исторического лица. Так могло обстоять дело и в Лаваре, а различные дни почитания святых Аманда и Алана, 6 февраля и 26 ноября соответственно, еще не доказывают существования последнего. Это только говорит о том,

что люди просто почитали какого-то человека, умершего 26 ноября, который, по их мнению, был святым[67]. Загадка св. Алана, покровителя Лавара, еще более усложняется легендой, относящейся к покровителю Корле, также св. Алану. Последний св. Алан, который, по сообщениям, был странствующим епископом, подобно Алану Лаварскому, проповедовал в Арморике, и его мощи находились в церкви в Анимпере на протяжении всех средних веков. Он почитается 27 ноября. Хотя, как говорят, Алан из Корле посетил Британские острова, а кельтская традиция даже приписывает ему несколько сыновей, факт того, что его деятельность также ассоциируется со св. Амандом, является сам по себе весьма интересным[68].

Две совершенно различные традиции, одна из Южной Франции, другая из Арморики, затрагивали св. Алана, жившего в VII. Дни их почитания 26 и 27 ноября предполагают, что данные традиции могут больше походить друг на друга, чем на деяния св. Аманда, почитаемого 6 февраля. Здесь возникает несколько вопросов, на которые трудно ответить. Существовал ли странствующий епископ по имени Алан, посетивший Лавор и Корле? Был ли это один епископ или же их было двое? Носил ли св. Аманд, деяния которого хорошо подтверждаются материалами, и другое имя — Алана? Не был ли он в районах аланского влияния известен под этим именем? И наконец, не являются ли оба эти алана простым плодом фантазии монахов в ранний период средневековья?

В данном контексте следует помнить о том, что в VII веке генеалогии составлялись монахом аланского происхождения с целью прославления аланов в период довольно далеко зашедшего процесса их ассимиляции. Однако каким бы ни было реальным объяснение данных двух традиций, сам по себе факт их сохранения с VII в. свидетельствует об аланском влиянии в

тех районах. Данные легенды позволяют также судить о степени культурного взаимовлияния между аланами Арморики и Южной Галлии. В Арморике, где население говорило на аланском языке в VI в., их влияние сохранилось на протяжении всего раннего средневековья. Это подтверждается фактами широкой популярности аланской кавалерийской тактики, созданием культа, посвященного св. Алану, названиями городов в его честь [69], составлением генеалогий, в которых аланам отводится первостепенная роль, сохранением аланской топонимики и распространением некоторых собственных имен. Однако, несмотря на все это, аланский след в историческом развитии Арморики сравнительно невелик. В западной части Арморики преобладало кельтское влияние, в восточной — римское. Однако данное обстоятельство нисколько не отрицает того, что Арморика была областью с сильно смешанным составом, где процветали не только римские и кельтские племена, но также аланские и германские. В данном контексте следует вспомнить о смешанном характере аквитанского орнамента, который содержал германские мотивы различных видов, так же как и аланские и кельтские. Идеи о смешанном характере более трудно применить к именам собственным. Правда, есть одно имя — Алан Юдуал — графа с двумя именами, одним кельтским, другим аланским, однако, по-видимому, это единственное исключение. Само имя Алан было подвержено сомнениям со стороны некоторых прокельтски настроенных исследователей. Так, историк XVIII в. Дом Лобино утверждает, что имя Алан, очень распространенное в истории бретонцев, могло произойти от древнего бретонского слова, обозначавшего иностранца, — аллан. Данное объяснение, однако, не завоевало признания у исследователей, и от него отказались, просто даже не приняв во внимание. Все ученые-медиевисты единодушно приз-

нают, что Алан и его вариации происходят от центральноазиатского Алана (Alani) [70].

Намного сложнее, когда происхождение имени собственного может быть отнесено не к одному, а к двум народам, проживающим на одной общей территории. К примеру, имена с элементом *кад-* (cad-) очень распространены в кельтской области, т.к. он является кельтским корнем слова warrier (воин). Однако следует отметить, что в индоиранских языках, к которым относится также и аланский, корень *кад-* обозначает вельможность и знатность. Однако казалось бы, что вследствие преобладания кельтского элемента в Арморике абсолютное большинство с элементом *кад-* ведут свое происхождение от кельтов. Даже в V-VII вв., когда кельтское влияние еще не было таким сильным, как позже, в средние века, а аланское влияние было намного сильнее, чем в последующее время, кельты играли более значительную роль. Тем не менее простое количественное преобладание еще не доказывает того, что элемент *кад-* кельтского происхождения [71]. К примеру, в большом районе Центральной Арморики, который в VI в. перешел под контроль Кономора, жил один вельможа по имени Кадуон. Мы не знаем о нем почти ничего, за исключением имени, которое не только содержит элемент *кад-*, означающий знатность на аланском языке, но в то же время это имя очень похоже на имя скифского вождя Кадуия [72].

Это, однако, не является доказательством того, что имя Кадуон или же он сам аланского происхождения. Дело в том, что все это позволяет усомниться в общепринятой точке зрения, согласно которой все имена, содержащие *кад-*, кельтского происхождения. Если данная точка зрения подвержена даже небольшим сомнениям, не заслуживают ли и некоторые спорные моменты в литературе и фольклоре специального рассмотрения в плане возможности их центральноазиатского

происхождения и перенятия от аланов или их потомков через процессы культурного взаимовлияния. В данном контексте давайте остановимся коротко на некоторых рассказах об Артуре, который занимает важное место в легендах и литературе средневековой Арморики.

Общеизвестно сегодня, что в Британии около 500 г. жил знаменитый военачальник, приостановивший на время саксонское завоевание. В период раннего средневековья этот человек, традиция именует его Артуром, был известен в Уэльсе, Корнуолле и Арморике. Сохранились сведения, свидетельствующие о том, что вокруг имени Артура было создано множество малоправдоподобных легенд, однако нет достаточного материала, подтверждающего существование «широко распространенной саги об Артуре» до опубликования Джефри Монмаутом его «Historia Regum Brittanniae» приблизительно в 1136 г. Джефри включил в свою работу некоторые сведения об Артуре раннего средневековья. Видимо, данный материал был почерпнут из более ранних источников, хотя кое-что могло и пройти мимо внимания Джефри[73]. Выше было показано, что аланское влияние в Арморике было значительным в раннем средневековье, и в особенности когда Артур стал наиболее популярным. Тем не менее следует рассмотреть, не оказали ли аланы и их потомки влияния на артуриану. Возможно, согласно Джефри, Артур стал известен благодаря своему мечу Экс-калибур (Ex calibur), или же Калибурн (Caliburn). В средневековой литературе, однако, тема меча очень распространена: например, Beowulf's Naegling, Roland's Durendal и Charlemagne's Joyeuse. Происхождение меча Артура, возможно, следует отнести к уэльской поэме «The Spoils» XI в., в которой говорится, что он привезен из потустороннего мира и дан Артуру. В несколько более позднем произведении

«Culhwch u Olwen» Артур уже фигурирует с мечом Caledvwch [74].

Некоторые ученые считают, что Caledvwch из Culhwch и Калидурн из истории Джефри имеют определенное отношение к мечу ирландского героя Каладболга. Однако, говоря об этом мече, было бы неразумным пропустить более ранний элемент развития шарлеманнской легенды в работе Ноткера «Подвиги Карла», произведения конца IX в.. В «Подвигах» Карл изображается в образе героя: «...увенчанный железным шлемом, носящий железные руковицы... защищенный железным нагрудником, в левой руке он высоко поднял железное копье, правую руку держит на своем непобедимом мече» [75]. Данное описание военного снаряжения в определенной степени напоминает вооружение Артура, описанное в «Culhwch» и в «Истории» Джефри. Однако здесь особого внимания заслуживает меч. Ноткер пишет по этому поводу: «Правая же всегда была простерта к непобедимому мечу (Nam dexta ad invictum calibem semper erat externa)». Из текста следует, что Калибс (Calibs) — это меч и его название сходно с Калибурном Артура [76]. Меч Артура присутствует в различных сюжетах средневековых произведений. Меч в камне символизирует некий религиозный сюжет, т.е камень — это церковь, держащая меч, символ светской власти, и только праведным королям дозволено им обладать. Для сравнения отметим, что меч Annwfu был взят из потустороннего мира, что уже предполагает некоторые нехристианские мотивы. Интересным является положение о том, что политического и военного могущества может достичь тот, кто владеет этим мечом. Данная тема довольно часто распространена среди других народов, включая народы Центральной Азии. Прискус свидетельствует, что гуннский вождь Аттила верил в то, что овладеет Римом, т.к. бог якобы показал ему свя-

щенный меч войны, который считается священным у кочевников. Согласно рассказу Прискуса, меч, будучи утерян в течение нескольких лет, был обнаружен, когда вол, пасшийся на поле, порезал им ноги. Пастух, обнаружив кровь и выяснив причину, нашел меч и принес его Аттиле. Аттила усмотрел в этом священное предзнаменование и начал готовиться к войне[77]. Не следует, однако, сбрасывать со счетов то, что данные воззрения Аттилы и гуннов были переняты ими у покоренных аланов. Известно, что аланы поклонялись символу войны — обнаженному мечу, вонзенному в землю. Данный же бог, по верованиям аланов, являлся и богом загробного мира, который заботился о душах павших в бою воинов. Данные взгляды о политическом, военном и религиозном значении меча могли быть привнесены в Арморику только аланами, т.к. они были единственными кочевниками, поселившимися в данном районе.

Связь между данными степными представлениями и рассказами об Артуре сводится не только к географической близости. Это подтверждается рассказом Конона Мериадока, который играет важную роль в материалах Артура. Согласно предисловию жизнеописания св. Геозновока, документу начала XI в., содержащему материал об Артуре, некий Конон Мериадок, который упоминается также в «Истории» Джефри, высадился в Арморике, убил всех язычников, которые выступили против него, оставил в живых только их женщин, сделав их женами и рабынями. По сообщениям, он приказал всем женщинам отрезать языки, чтобы они своей речью не портили кельтский язык. Данная тема отрезания языков у пленных женщин очень распространена в арморикано-уэльских материалах, и, насколько верно мне удалось установить, она не встречается ни в какой другой раннесредневековой литературе Западной Европы. Вероятно, за этим ле-

жит какой-либо определенный исторический факт. Возможно, что в конце V в. некоторая часть аланов Арморики еще говорила на родном языке и, по свидетельству жизнеописания св. Павла, еще не приняла христианства и поклонялась мечу — богу войны. С другой стороны, возможно также, что Конон напал на аланов-христиан, однако с течением времени данное обстоятельство было изменено с тем, чтобы как-то оправдать подобный варварский поступок кельтов против христиан. Как бы то ни было, вполне возможно, что кельтский вождь, легенда называет его Конон Мериадок, вторгся со своей дружиной в область аланов, перебил всех воинов, захватил всех женщин и отрезал им языки [78]. Данная история является еще одним свидетельством намерений кельтов уничтожить аланскую культуру. Нет недостатка в примерах подобного обхождения одних племен с другими.

В ранних материалах об Артуре есть две истории, относящиеся к самому Артуру. В одной из них Артур изображается великим христианским героем, о котором подробно пишет Джефри. В другой, однако, Артур выступает в качестве отрицательного героя. Он изображается непокорным королем и тираном, который, хотя и был христианином, вступил в конфликт с церковью и ее служителями. Согласно данной версии, Артур потерпел поражение в бою, он также не смог победить дракона и был усмирен святыми по крайней мере два раза [79].

В жизнеописании св. Караннога Артур превратил алтарь в обычный стол, но, однако, чтобы ни положили на тот стол, все выбрасывалось с какой-то сверхъестественной силой. (Могла ли данная трактовка образа Артура предшествовать знаменитому Круглому Столу?) В Жизнеописании св. Падарна Артур нападает на священника с целью похищения его мантии. Однако сверхъестественная сила святого была такой, что

алчность и непочтительность Артура были пресечены, он был поглощен землей и не был освобожден, пока не попросил прощения. Образ тирана Артура из жизнеописания св. Падарна присутствует в подобной же версии и в жизнеописании св. Кадока. В данном случае Артур осуждается за свое распутство, когда он пожелал чужой жены, за свою алчность, когда он потребовал двухцветного скота как компенсацию за своего убитого воина, и за свою непочтительность, когда он угрожал разрушить жилище святого. Из жизнеописания св. Гильдаса Карадока мы узнаем, что Артур назывался непокорным королем, что он убил брата Гильдаса и в конечном счете был наказан святым: «Король Артур, плачущий и молящий, принял епитимью, наложенную на него епископом, и решил начать новую жизнь...» [80] Некоторые считали, что подобная трактовка образа короля Артура является простым его искажением, т.к. авторы жизнеописаний святых старались таким образом возвеличить своих героев за счет других. Более того, данный отрицательный образ Артура вполне мог отражать реальную жизнь какого-либо феодала раннего средневековья [81]. Марк Кономор, к примеру, вполне соответствует прототипу данного образа. Из жизнеописания св. Самсона мы узнаем, что он также был побежден святым [82].

Исключительно трудно установить, как появилась данная легенда, кто был прототипом данного «непокорного» короля, если сам Артур не мог быть реальным историческим лицом. Желательно также выяснить время его предположительного существования, в данном случае второй половины V в. [83] В то время одним из наиболее известных святых в Западной Британии и Арморике был св. Германус из Осера. Этот святой, который жил в первой половине V в., совершил несколько путешествий в Британию, где приобрел большую славу и популярность своей святостью и во-

енными талантами. Он был назван «воинственным вождем» и Беде и Ненниусом. Данное свидетельство значительно напоминает описание Ненниусом Артура как dux bellorum. Основным источником, по св. Германусу, является его жизнеописание, написанное во второй половине V в. Константием, современником Артура [84].

В своей деятельности св. Германус победил много феодалов, и тема «непокорного короля» также присутствует в его жизнеописании. Среди этих феодалов, усмиренных Германусом, был и аланский вождь из Арморики Эотар (Гоар). Описывая их столкновение, Константий пишет: «Аэций... разрешил Эотару, жестокому королю аланов покорить Арморику, и Эотар со своими алчными варварами согласился сделать это, т.к. район был очень богатый. Против него, однако, выступил старец (св. Германус) и с помощью Христа оказался сильнее, чем все его противники. Все уже было приготовлено к походу. Аланы уже выступили, и их вооруженные всадники рассыпались по дорогам. Тем не менее святой не побоялся и пошел навстречу королю. Поход уже был в разгаре, когда он встретился с королем и всей его дружиной. Сначала святой обратился с просьбой через переводчика. Но, т.к. Эотар не обратил на это внимания, Германус отчитал его. В конце Германус схватил коня Эотара за уздцы и остановил его вместе со всей армией. Это произвело такое сильное впечатление, что гнев короля варваров сменился восхищением. Эотар был потрясен подобной твердостью и благородством и изменил свое решение. Война была предотвращена, и начались мирные переговоры. Оставив все свое высокомерие, король спешился и начал вести переговоры со святым, которые закончились далеко не в пользу короля [85]. Данная история, составленная Константием из Лиона около 480 г., проповедовалась каждое 31 июля, в день св.

Германуса, с церковных кафедр по всей Арморике и Британии в период раннего средневековья.

Встает, однако, вопрос: через какой промежуток времени деятельность алчного и жестокого Эотара, который в данном случае и был образцом «непокорного короля», стала ассоциироваться с образом Артура? Совпадение деяний Эотара и Артура могло быть вполне естественным в представлении простого люда Британии и Арморики. Таким образом, вполне вероятно, что широкое сопоставление образа аланского вождя с жизнью нашего героя (Артура) может помочь выявить происхождение отрицательного образа Артура [86].

АЛАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЗАПАДЕ

В период своей кочевой жизни в степях Центральной Азии и Южной России аланы избирали своих военных вождей из среды наиболее опытных в бою воинов. После их поселения на территории Римской империи в качестве союзников Рима аланы несколько изменили свой образ жизни. К примеру, аланы Галлии не стали лаэци (laeti), которые жили в полуавтономных общинах и сами производили себе еду и все необходимое для своего существования. Если бы аланы стали лаэци, им бы пришлось заниматься земледелием и вести домашнее хозяйство. А это означало, что аланы утратили бы свое военно-политическое значение для Рима. Так случилось с сарматами, поселившимися на землях империи в качестве лаэци, которые потеряли свою боеспособность, так же как и аланы, поселившиеся в Италии в качестве лаэци. Однако римские власти, заинтересованные в поддержании военного могущества аланов, поселяли их на основе системы госпиталитета. Согласно данной системе, между пришельцами и землевладельцами данного района заключалось соглашение о разделе земли, проживающих на ней экономически зависимых

рабов и колонов, а также дохода. Таким образом, аланы получали возможность интегрироваться в структуру римского общества на самых высоких его уровнях.

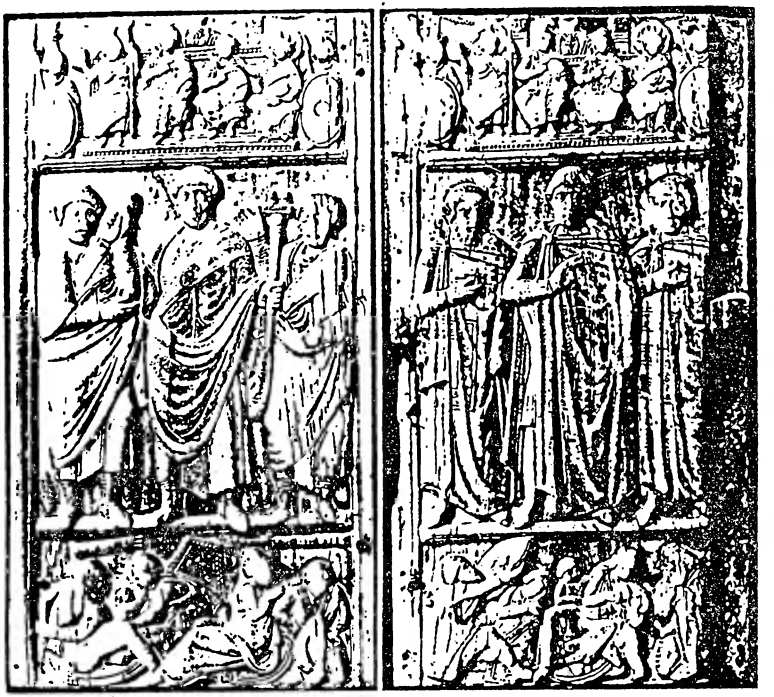
Как отмечалось выше, римские землевладельцы в Орлеане воспротивились данной системе и были согнаны со своих земель силой оружия аланами. В местах наибольшего своего влияния аланы захватывали земли и становились, таким образом, частью земельной аристократии. Итак, в течение второй половины V в. аланские воины, поселившиеся на землях империи, оказались в благоприятном положении для вступления в ряды потенциариев, которые заправляли всеми местными делами. Неоднократно продемонстрированная аланами склонность к ассимиляции лишь благоприятствовала подобной интеграции. В начале VI в. в г. Ле-Ман жил епископ по имени Аланус, а через некоторое время среди кельтских графов также появилось имя Алан. Вышеупомянутые Аспидиус в Оренсе, Эутарик, зять Теодорика Остроготского, и несколько Гоаров, служившие духовными лицами, показывают, что люди аланского происхождения стали выдающимися деятелями в Западной Европе в период раннего средневековья.

Хотя и степень аланского влияния на высшие слои средневекового общества нельзя установить из-за ограниченности источников, мы узнаем об очень богатом землевладельце из Ле-Мана, носившем имя Аланус. Он проживал в начале VII в. и передал все свое состояние церкви Ле-Ман после того, как его единственный сын и наследник погиб во время набега.

На юге восточной части аланского поселения около города Ше (деп. Йонна), есть упоминания о некоем Аспере, богатом землевладельце. Проживавшая в раннем средневековье в Курси (Нормандия) семья, относящая свое происхождение к периоду до нашествия викингов, носила название Аланиерс (Alaniers) [87].

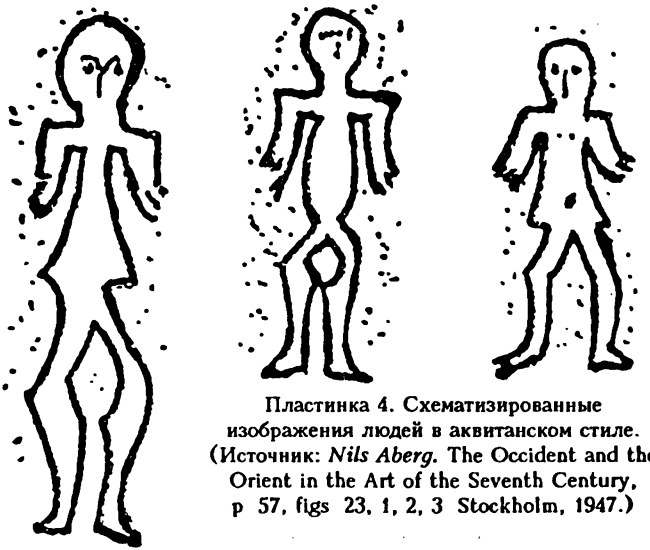
Пластинка 1. Диск, выпущенный в честь присвоения звания консула Аспару в 434 г.
(Источник: *Delbrueck R.* Die Consular Diptychen und verwandte Denkmaeler, pl. 35 Berlin; Leipzig, 1929.)

Пластинка 2.Аланские и вандальские пленники, захваченные в 416 г.
(Источник: *Delbrueck R.* Die Consular Diptychen und verwandte Denkmaeler, pl. 2. Berlin; Leipzig, 1929.)

Пластинка 3. Четвероногие животные в аквитанском стиле, обнаруживающие центрально-азиатское влияние. (Источник: *Nils Aberg.* The Occident and the Orient in the Art of the Seventh Century, p. 55, figs. 21, 1, 3, 4, 10, 9, 8, 5, 7, 6. Stockholm, 1947.)

Пластинка 4. Схематизированные изображения людей в аквитанском стиле. (Источник: *Nils Aberg.* The Occident and the Orient in the Art of the Seventh Century, p 57, figs 23, 1, 2, 3 Stockholm, 1947.)

Пластинка 5a. Изображения в зверином стиле из Венгрии. (Источник: *Rostovtzeff M.I.* La centre de l'Asie, la Russie, la Chine, et le style animal // Skythika, I [Prague, 1929], pl. 36.)

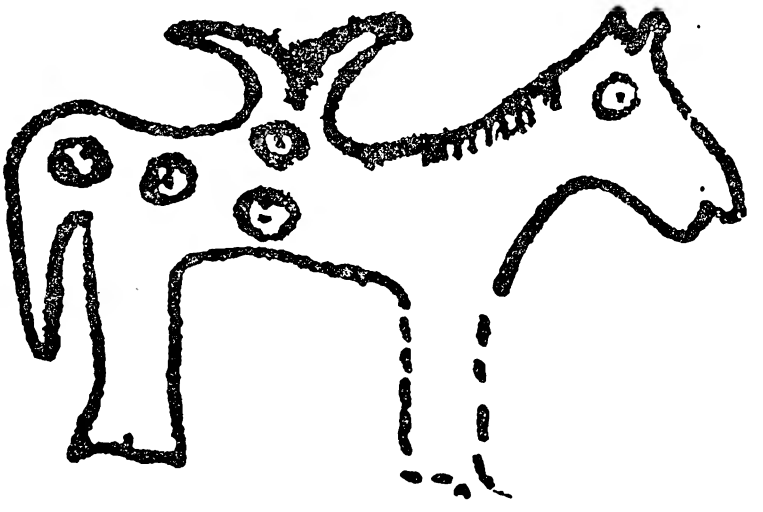
Пластинка 5b. Изображения в зверином стиле из России. (Источник: *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР, CVI [Москва, 1962], пл. 11, фиг. 2.)

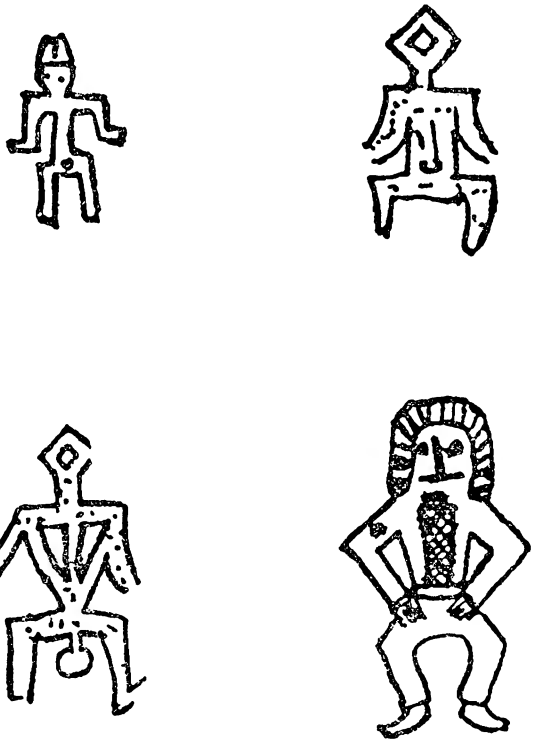
Пластинка 6. Изображения в зверином стиле из Венгрии. (Источник: *Hampel Joseph.* Alterthumer des fruhen Mittelalters in Ungarn, pl. 97, fig. 2, pl. 162, fig. 3. Brunswick, 1905.)

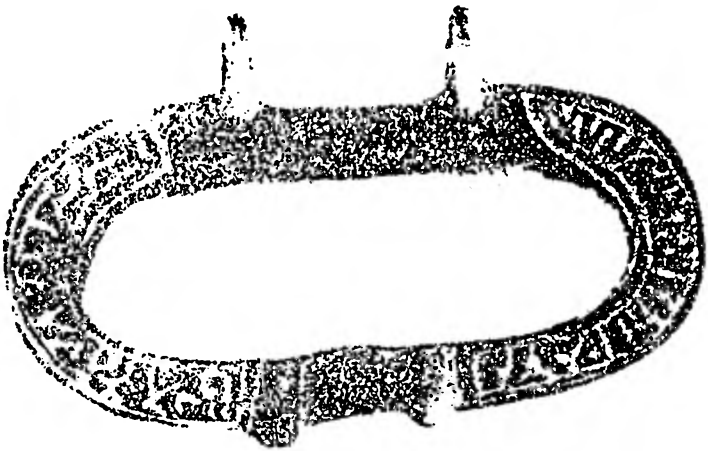
Пластинка 7a. Изображения в зверином стиле из Венгрии. *Hampel Joseph.* Alterthumer des fruhen Mittelalters in Ungarn, fig. 1946. Brunswick, 1905.)

Пластинка 7b. Изображения в зверином стиле из России. *Chantre Ernst.* Recherches anthropologiques dans le Caucase, III, pl. 8. Paris, 1885-1887

Пластинка 8.
Схематизированные изображения человеческих фигур из России. (Источник: *Chantre Ernst.* Recherches anthropologiques dans le Caucase, III, pl. 5. Paris, 1885-1887; *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР, CVI [Москва, 1962], вл. 13, фиг. 1, 2, 3; The Art and Architecture of Medieval Russia, ed. by Arthur Voyce, pl. 18. University of Oklahoma Press, 1967.)

Пластинка 9а. Поясная пряжка с надписью в аквитанском стиле. (Источник: *Franchet L.* Une colonie Scytho-Alaine en Orleanais au V-e siecle // Revue scientifique, LXVIII [1930],78, fig. 13a.)

Пластинка 9b. Копировальный рисунок на поясной пряжке. (Источник: *Franchet L.* Une colonie Scytho-Alaine en Orleanais au V-e siecle // Revue scientifique, LXVIII [1930], 78, fig. 20.)

В высших слоях средневекового общества была распространена охота верхом. Подобная охота была частью образа жизни аланов в период их кочевой жизни, и вполне возможно, что, став землевладельцами в средние века, они продолжали охотиться на оленя и волка больше ради забавы и удовольствия, чем по необходимости. На охоте использовались сильные и быстрые охотничьи псы. Один из наиболее знаменитых средневековых охотничьих псов назывался Аланом (сред. лат. Alanus), который, согласно одному авторитету по истории и разведению собачьих пород, «происходил из Кавказа, где сопровождал суровых, белокурых и воинственных аланов» [88].

Подобно аланской лошади в античный период, аланская собака в средние века приобрела большую популярность. Позже ей был присужден статус геральдического знака, и на гербе города Алано в Испании до сегодняшнего дня изображены два аланских пса.

В средневековых источниках также содержатся некоторые упоминания о разведении аланской породы собак. Лучшими в этом деле одни считали испанцев, другие — жителей Милана в Италии. Вспомним, что Милан в свое время находился в центре аланских поселений V в. [89].

Если говорить о том наследии, которое оставили аланы в Западной Европе, несмотря на то что сами были ассимилированы, то в первую очередь следует отметить их влияние на развитие военного искусства и облика аристократии. Некоторый след был оставлен аланами также в художественном ремесле, религии и литературе.

Однако аланы не основали своего государства, а те, которые были в Африке и Константинополе, полностью исчезли, не оставив почти никакого следа. Вскоре имя Алан перестает совершенно упоминаться в

литературе. Также исчез и канис Алани (canis Alani), их знаменитый охотничий пес средних веков. Склонность аланов к ассимиляции, которая очень часто помогала им выжить и существовать, сыграла решающую роль в процессе их полного исчезновения. Но даже в современной Франции сохранилось малоупотребительное выражение, которое напоминает нам о той роли, которую когда-то аланы играли в военных столкновениях раннего средневековья. Фраза, однако, нелестного характера и свидетельствует о предубежденном отношении к аланам, сохранившемся до сих пор в Нормандии: «Cet homme est violent et allain (Этот человек свирепый и алан)» [90].

Приложения

Тацит игнорирует аланов

Согласно мнению некоторых историков, император Нерон в конце своей жизни решил воевать против аланов с целью захватить контроль над Дарьяльским проходом (Кавказские ворота) [1].

Об этом мы знаем в основном благодаря Тациту (1,6): «Многие из тех, кого Нерон набрал в Германии, Италии и Иллирии и, готовясь к войне с албанами, отправил к Каспийским ущельям, были повернуты с дороги для подавления восстания Виндекса». Об этом же сообщает Светоний (Нерон, 19): «Готовил он (Нерон) и поход к Каспийским воротам, набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его фалангой Александра».

Тацит ясно свидетельствует, что кампания предпринималась против Albani (албанцев) и цель ее состояла в захвате контроля над Каспийскими воротами.

Некоторым ученым, однако, удалось обнаружить, что сведения римлян о географии данного региона были не всегда точными. Видимо, вследствие этого Тацит говорил о Каспийских воротах, имея на самом деле в виду Кавказские ворота, а в таком случае Нерон собирался вести войну не против албанцев, а против аланов. Таким образом, вполне возможно, что Тацит ошибался, так же, впрочем, как и Светоний. Кавказ-

ские и Каспийские ворота часто путали также и другие греческие и римские авторы [2]. Более того, кажется, что Тацит имел определенную предрасположенность или путать аланов с албанцами, или же совершенно игнорировать аланов [3]. Хотя есть все основания не доверять точности сообщения Тацита о кампании Нерона, с другой стороны, новое его толкование (т.е. если считать его албанцев аланами, а Каспийские ворота Кавказскими воротами. – *И.С.*) является также по крайней мере сомнительным. Аланы в то время представляли собой примитивных кочевников, разбросанных небольшими отрядами по степям, и мысль о том, что римские легионы могли преследовать этих быстрых всадников на тысячи миль по степи, представляется абсурдной [4]. К тому же не следует забывать, что аланы поддерживали Рим против Парфии в 35 г. н.э. и продолжали сохранять то же отношение и в 72 г. н.э., после смерти Нерона. Аланов тогда в Риме должны были, по идее, воспринимать как врагов парфян, и, видимо, так оно и было на самом деле. Несмотря на достигнутое перемирие, Парфия оставалась самым главным врагом Рима на Востоке. Поэтому, по логике вещей, ко всякому противнику Парфии римляне должны были относится благосклонно, а не идти на него войной [5].

Нерон, который воображал себя Александром Великим, по-видимому, также мечтал о великих завоеваниях на Востоке и желал захватить Парфию, как Александр захватил Персию [6]. Вполне возможно, что Нерон планировал серьезную войну с Парфией, несмотря на заключенное перемирие (войны обычно готовятся в мирное время), а также стремился подчинить албанов и захватить контроль над Каспийскими воротами.

Арриан против аланов

Как отмечалось в предисловии, номиналистский метод, примененный в данном исследовании, должен быть уточнен в некоторых местах. Данное приложение частично является видоизменением номиналистского метода, подтверждая в свою очередь необходимость такого изменения.

Согласно сведениям некоторых античных авторов, Арриан, легат императора Адриана в Каппадокии, вел военные действия против аланов в 134 г. н.э. Он также известен как серьезный историк, автор таких работ, как «Alanica» или «История аланов». Из данного его труда сохранился лишь небольшой раздел «Acies contra Alanos» («Против аланов»)[1]. Его можно разделить на два различных, хотя и связанных друг с другом подраздела. Первый подраздел представляет собой собрание, возможно, отредактированных походных приказов и распоряжений Арриана в период кампании против аланов, вторгшихся в Каппадокию. Второй подраздел, состоящий из обзора рекомендаций Арриана для ведения боя с аланами, дает определенные сведения также об аланской тактике. Арриан, чьи литературные способности хорошо известны современным исследователям, называет аланов *скифами*. Нет сомнений в том, что, хотя Арриан и применил более

распространенный термин (скифы. – *И.С.*), он имел прежде всего в виду аланов[2].

С другой стороны, данное приложение является первым английским переводом «Contra Alanos». Данная работа свидетельствует не только о значении приказов и распоряжений Арриана в кампании, но также о серьезности предстоящего столкновения с аланами.

Огромные размеры римской армии также указывают на то, какое значение придавали римляне аланам. Работа Арриана в целом является наглядным свидетельством высокой оценки римлянами аланского военного искусства и серьезного их отношения к вторжению аланов в Каппадокию.

ТАКТИКА ПРОТИВ АЛАНОВ (рекомендации для борьбы с аланами)

Вся армия должна быть построена в одну колонну. Во главе колонны должна быть кавалерия, построенная попарно и обеспечивающая разведку. После них следует расположить легкую пехоту, копьеносцев и пращников, разделенных на две группы под командованием декурионов. За ними должен стоять полк исаврийской кавалерии, усиленный четырьмя когортами рецийцев и отрядом из Колонеза под командованием Дафна Коринфского. За ними должны следовать сначала итурийцы, затем киринейцы. Всеми этими войсками должен командовать Деметрий. За войсками Деметрия должна находиться кавалерия, построенная попарно отрядами под командованием своего начальника.

За кельтской кавалерией должны находиться пехотинцы, составленные из италийцев и киринейцев, со своими знаменами. Всеми ими должен командовать Пулхер, предводитель италийцев. За этими силами должна следовать боспорская пехота под командованием Лампрокла, а за ними – кочевники во главе с

Вером. Перед данными четырьмя отрядами пехоты следует расположить лучников. Пехоту должен с обеих сторон охранять эскадрон кавалерии Архаена. После всех этих пехотных частей должны наступать отборные части кавалерии, за ней — обычная легионная кавалерия, а затем полный набор катапульт.

За ними должен следовать 15-й легион во главе с Валенсом, его легат, тысячники и центурионы первой когорты. Рядом со знаменами должна находиться небольшая часть легкой кавалерии. За ней должны следовать пехотные части легиона, построенные по четыре, рядами.

После 15-го легиона должны следовать знамена 12-го легиона, окруженные тысячниками и центурионами. 12-й легион следует в том же порядке, что и 15-й. Данные тяжеловооруженные войска должны быть поддержаны союзными силами Малой Армении, тяжеловооруженными трапезундцами, колхами и ризийскими уланами. За ними должна следовать апланийская пехота. Всеми этими силами союзников должен командовать Секунд, предводитель апланийцев. Обоз должен следовать непосредственно за этими частями. Всю цепь должны замыкать части готской кавалерии во главе со своими предводителями.

Пехотные офицеры должны следовать рядом со своими подразделениями, справа или слева. Два отряда кавалерии галасийцев и италийцев должны опоясывать пехоту, выстроившись не более чем в одну шеренгу с обоих флангов.

Главнокомандующий Ксенофон [3] должен не пребывать на одном месте, а бывать повсюду и отдавать приказы. Временами он может следовать перед знаменами легионов, иногда впереди всех, следя за боевым порядком войск. В таком порядке и должна следовать вся армия. По прибытии на место предстоящего сражения вся кавалерия должна отделиться от общей ли-

ний войск и расположиться впереди и на флангах, построившись в квадраты. Та часть кавалерии, которая будет выполнять функции разведки, должна находиться впереди и следить за противником. По данному сигналу все воины должны быстро построиться и привести в готовность оружие. Следует проследить, чтобы это было сделано спокойно, без излишнего шума. Солдаты должны быть готовы все время к бою. Пехота должна быть выстроена в форме рога, фланги ее должны с обеих сторон располагаться на возвышенностях. С правого фланга следует расположить армян во главе с Вусакесом и Арбелусом. Они должны занимать наиболее возвышенную позицию, т.к. все являются лучниками. Когорта италийской пехоты и из некоторых других частей под командованием Пулхера должна расположиться на склоне под лучниками. Пулхеру должны быть подчинены Вусакес и Арбелус, а также их кавалерия. Другое крыло, состоящее из союзной пехоты трапезундцев и ризийских копьеносцев, следует построить и расположить на высотах с левой стороны. Перед ними следует расположить две сотни апланийцев и сотню киринейцев с тем, чтобы подобная тяжеловооруженная пехота могла защитить лучников, когда они начнут пускать стрелы в противника. 15-й легион, самый сильный из всех, следует расположить на высоте справа, а его пехота должна растянуться оттуда до центра. Пехота 12-го легиона должна заполнить пустое пространство до левой высоты и расположиться до склона возвышенности. Легионеры должны быть построены тесным порядком по 8 человек в глубину. Те, у кого есть дротики, должны находиться в первых четырех рядах, а те, у кого более длинные копья, – в следующих четырех рядах. Легионеры первого ряда должны выставить свои пики при приближении противника и держать их на уровне груди коней приближающегося противника. Воины

второго, третьего, четвертого рядов могут метнуть свои копья. Они должны быть направлены таким образом, чтобы попасть в цель вовремя, свалить на землю коня, сбросить всадника. В результате удара копьем вражеский всадник в своем тяжелом вооружении должен быть лишен возможности снова сесть на коня.

Девятый ряд, состоящий из стрелков из лука, должен быть расположен за восьмым рядом и состоять из кочевников киринейцев, боспорцев и итурийцев. Катапульты целесообразно разместить на двух высотах позади всей армии, они должны вести огонь с дальней дистанции. Вся кавалерия, поэскадронно разбитая на 8 отрядов по 100 человек, должна обеспечить охрану и поддержку пехоты. Эти всадники должны быть разбросаны за тяжеловооруженной пехотой по всей линии обороны от фланга до фланга. Два отряда по 100 человек каждый следует поместить за стрелками на флангах. 6 подобных же отрядов должны располагаться за легионерами. Все конные лучники должны быть размещены совсем близко к пехоте с тем, чтобы они могли стрелять в противника через ее голову. Все те, кто вооружен копьями, пиками, мечами и секирами, должны располагаться на флангах и ждать сигнала к бою. Следует также сформировать особые части под командованием Ксенофона, состоящие из отборных частей кавалерии, двухсот пехотинцев, личной охраны Ксенофона, центурионов, охраны префекта и отборных кавалерийских офицеров.

Сотня легковооруженных копьеносцев должна находиться рядом, чтобы передавать приказы различным частям во время сражения. Данные силы также должны играть роль своего рода резерва, который можно использовать там, где будет необходимо. Центром и правым флангом кавалерии будет командовать Валенс, командир 15-го легиона, левым флангом — тысячники 12-го легиона.

Когда все будет приведено в боевую готовность, войска должны застыть в молчании. Со входом противника в зону полета наших стрел и началом атаки каждый воин должен издать громкий и устрашающий боевой клич. В то же самое время катапульты должны выпустить в противника свои стрелы и камни. Лучники и все те, кто имеют метательные орудия, должны забросать врага своими стрелами, копьями, пиками. Даже если это сделают союзные части, то противник уже обречен на неудачу. Предполагается, что град стрел и копий должен вызвать замешательство в рядах противника, который, потеряв множество людей и лошадей, не сможет довести до конца атаку. Если, несмотря на это, противник предпримет атаку на пехоту, необходимо как можно быстрее подтянуть вторую и третью линии, с тем чтобы, встав тесно друг к другу, они смогли отразить сильные удары вражеской конницы. Воины 4-го ряда должны метнуть свои копья поверх голов передних воинов по коням и всадникам противника.

Если противник отступит и повернет назад, пехоте надлежит раскрыть свои ряды и половина кавалерии, но не пешие сотни, должна выйти для преследования. Данная кавалерия должна решительно преследовать противника, тогда как другая часть кавалерии должна медленно следовать за ней, полностью сохраняя свой порядок с тем, чтобы иметь возможность поддержать преследующих, если скифы вдруг внезапно сменят тактику и повернут обратно. Второй эшелон кавалерии также обязан заменить первый, если они устанут. Во время наступления кавалерии армянские лучники и все другие войска, вооруженные метательными орудиями, должны выйти со своих порядков и поддержать кавалерию, осыпав противника градом стрел. Таким образом, у противника не будет передышки. Вся легионная тяжеловооруженная пехота должна выйти

вперед к линии наступления и своим обычным шагом следовать за легковооруженной пехотой. Если, в нарушение всех наших расчетов, скифская конница перехватит инициативу, перейдет вновь в контратаку и заставит наши войска отступить, тяжеловооруженная пехота должна поддержать передние части и дать им возможность оправиться.

Все это должно быть исполнено в случае внезапного отступления противника. Если же, однако, вместо отступления перед легионами скифская конница, выдержав град стрел, будет наступать на фланги с тем, чтобы ударить в тыл армии, я категорически запрещаю какие-либо передвижения по флангам легковооруженной пехоте. Опыт подсказывает, что этот маневр рассчитан на пехоту, которую затем легко рассеять и быстро уничтожить. В данной ситуации основной удар на себя должна принять кавалерия. Для этого необходимо передвинуть ее на фланги, подвергшиеся нападению скифов, а также приказать кавалерийским частям, находящимся позади легионов, выйти на фланги. Все эти кавалерийские части должны построиться серпом. В случае, если скифы предпримут атаку на фланги, кавалерия должна внезапно напасть на них. Всадники должны орудовать мечами и секирами без промедления.

Если скифы без тяжелого вооружения и их лошади ничем не защищены... (здесь текст прерывается).

Аланские топонимические названия

Еще до недавнего времени использование топонимического материала в исследованиях вызывало недоверчивое отношение и критику [1]. Так как подобный материал весьма широко используется в данной работе, то следует несколько подробнее остановиться на методах и формах его привлечения.

Пути и методы установления аланского происхождения данных топонимических названий различны и зависят от характера сохранившегося до наших дней материала. К примеру, Галлийская хроника ясно указывает на существование аланского поселения в Орлеане, учрежденного приказом римского военнокомандующего в Галлии в 442 г. Хроника далее свидетельствует, что многие крупные землевладельцы данного района оказали сопротивление аланам и были вытеснены со своих мест. Другие источники подтверждают, что аланы несли военную службу в Орлеане и далее к западу в течение нескольких десятилетий со времени их поселения. Согласно другим источникам, аланы и их потомки оставили определенный след в истории Западной Европы в период раннего средневековья. Сохранившиеся до наших дней средневековые матери-

алы предоставляют в наше распоряжение огромное количество топонимических названий в Орлеане, которые содержат слово Alani. Данные материалы, однако, датируются периодом не ранее XI в. Таким образом, между временем существования аланских поселений в Орлеане и первым упоминанием в источниках связанной с ними топонимики существует определенный временной разрыв в 600 лет. Такой большой разрыв должен был бы вызывать определенные сомнения в прямом отношении данной топонимики к данным поселениям. Подобные сомнения подтверждаются и некоторыми примерами. Так, название Domnus Alanus (современный Домален в Иль-и-Вилен) имеет значение и Sanctus Alanus (св. Алан). Такое название не может служить доказательством существования аланского поселения, т.к. в 440 г. аланы были язычниками и св. Алан не мог существовать в то время. К тому же слово domnus (хозяин), сокращенное от dominus, стало употребляться в Галлии около 700 г., или почти через 250 лет после поселения аланов в Орлеане. Однако следует подчеркнуть, что св. Алан жил в северо-западной Галлии около 700 года. А самое раннее упоминание о городе Домален в источниках относится примерно к 1330 г., т.е. 600 лет спустя после жизни и вершины популярности св. Алана. Домален, однако, был небольшим и незначительным городом в средние века, и не было никаких особых причин его упоминать в и без того скудных источниках того времени.

Временной разрыв между первым упоминанием в источниках городка Домален и св. Аланом соответствует периоду, прошедшему со времени поселения аланов в Орлеане и до первого упоминания в источниках топонимических названий в данном регионе, содержащих слово «Алан». Подобным же образом многочисленные названия, которые объясняются в той или иной степени аланским присутствием или влияни-

ем, не играли никакой роли и поэтому не упоминаются в источниках средневековья. Считалось принятым в рамках римской системы госпиталитета давать аланские названия всем тем местам, на которых аланы поселялись, даже если это были небольшие поместья. Так, например, если поместье или же имение переходило в аланское владение и соответственно получало название Алленвилль или же Аленкурт, то очевидно то, что в Орлеане существовали аланские поселения, что аланы оказывали существенное влияние на жизнь северо-западной Галлии в период раннего средневековья и что они дали свои названия значительному числу населенных мест в данном регионе. Невозможно доказать, что современные названия Алленвилль и Аленкурт непосредственно происходят от одноименных аланских поселений, однако в плане гипотезы это можно допустить. Слово Alani (греч. Alanoi) не содержится в западных источниках в период до V столетия н.э., также аланы не поселялись на Западе ранее V в. Ни одно топонимическое название в Западной Европе, содержащее элемент Alan, не относится также к периоду до V в. Таким образом, вполне возможно согласиться со всеобщим мнением исследователей, считающих, что данная топонимика имеет определенное отношение к Alani. Попутно отметим, что до сих пор нет ни одного сколь-нибудь убедительного иного объяснения элемента Alan в данной топонимике [2].

Порой трудно бывает распознать большое число названий вследствие серьезных искажений в их произношении и написании, происшедших в период со средневековья до наших дней. Так, современный французский Аленез в средние века назывался Алания, обозначая область аланского поселения. Название Аланья в некоторых районах южной Франции и северной Италии также произошло от Алания. Средневековый Алан д'Риано превратился в современный Ландриано, Молендинум де Алана – в Мулин де Лань.

Из-за орфографических искажений некоторые исследователи не решаются подчас элементы Alen и Allen выводить из Alan. Так, в 857 г. источники содержат упоминание об Алансианус, который в 1157 уже называется Аленсианус. Находившееся недалеко от данного поселения болото, имеющее одноименное с городом название, в источниках 1317 г. был назван Аленсан. Куртален в 1095 г. назывался Курина Алеми, а в 1128 г. — Куриа Алани. Современный Аленсон в XIII в. назывался Алансонум Есть еще более странные изменения: Екклесиа де Аланис, появившийся в документах X в., теперь называется Алос. Первое упоминание города Аллан (деп. Дром) относится к источнику XII в., теперь же он называется Аллондо.

Такие формы, как Аллонне и Аллоне, к которым, казалось бы, близко стоит и Алондо, являются кельтскими и происходят от Алауна и его вариаций. Однако известно, что непосредственно в районе Аллан в 440 г. н.э. указом императора была поселена определенная часть аланов. К тому же они были поселены на пустующих землях и, вполне возможно, могли дать свои названия хотя бы некоторой части из них. Недалеко от Аллана расположен городок Алансонум, упомянутый выше, развившийся в средние века. Существует также другая форма Алан-а-Аилан. Город Аилленвилль в XVII в. назывался Алланвилль, а в XII в. – Алленвилль.

Подобным же образом Алленкурт-о-Беф в 836 г. был Аланум, в 936-м – Аламнум, а в 1305 г. — Аилен. Однако наиболее странным является превращение Алани в одном средневековом манускрипте в Еллени [3].

Известно, что в средневековых источниках содержится огромное число искажений, т.к. переписчики мало заботились о точности передачи названий, восп-

производя лишь их общую форму. Поэтому следует при использовании топонимического материала привлекать на помощь имеющийся исторический и археологический материал.

Хочу отметить, что те несколько десятков топонимических названий, приводимых ниже, которые, по моему мнению, имеют аланское происхождение или же отражают аланское влияние, являются всего лишь небольшой частью десятков тысяч изученных мной названий в современной Франции, Швейцарии, Италии и Испании. Данное относительно небольшое число аланских топонимических названий собрано было в результате тщательного и широкого изучения топонимических словарей и опубликованных средневековых источников. То, что здесь приведены исключительно аланские названия, не должно создавать у читателя впечатления того, что они являются преобладающими среди всех других топонимических названий в данных областях. Письменные и археологические подтверждения данной топонимики содержатся в тексте работы, там, где идет о ней речь. Соответствующие ссылки на источники и исследования содержатся в каждом отдельном пункте, которые составлены в алфавитном порядке.

СПИСОК

1. Aillianville (Haute-Marne): Allenille, ca. 1172; Alainville, 1402; Ailainville, 1446; Allanville, 1628. *Roserot A.* Dictionnaire topographique du département de la Haute-Marne. Paris, 1903, p. 2.

2. Alagna (Com. Piemonte). *Olivieri D.* Dizionario di Toponomastica Lombarda, p. 50, и Dizionario Enciclopedico de comuni d'Italia (=D.E.). Rome, 1950, II, 61. *Giordani G.* La colonia tedesca di Alagna-Valsesia e il suo dialetto. Torino, 1881, p. 117, отмечают, что германское господство в Alagna возникло в позднем средневековье.

3. Alagna (St. Germano). D.E., I.1,727.

4. Alagna Lomellina (Pavia). D.E., I.2,365.

5. Alaigne (Aude): Alaniano, 1129; Castrum de Alagnano, 1252; Alahan, 1257. *Longnon A.* Le noms de lieux de la France. Paris, 1920, no. 534; *Dauzat A., Rostaing C.* DNL, p. 8; *Gröhler H.* Uber Ursprung und Bedeutung der franzosischen Ortsnamen. Heidelberg, 1913-1935, II, 7; и *Sabarthès A.* Dictionnaire topographique du département de l'Aude. Paris,1912, p. 5.

6. Alain (Ain). *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 8; *Edouard Philipon,* Dictionnaire topographique du département de l'Ain. Paris, 1911, p. 5.

7. Alain (Loire-Inferieure). *Quilgars H.* Dictionnaire topographique du département de la Loire-Inférieure. Nantes, 1906, p. 2.

8. Alain, называемый также Alaincourt-aux-Boeufs (Meurthe-et-Moselle): Alanum, 836; Alamnum, 936; Alannum, 965; Ailain и Allein, 1305. Ср. *Dauzat, Rostaing,* DNL, p.10, и см. *Henri Lepage.* Dictionnaire topographique du departement de la Meurthe Paris, 1862, p. 3.

9. Alaincourt (Aisne): Halincurt, 1168; Elleincourt, 1174; Allaincourt, 1189. *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 8; *Auguste Matton.* Dictionnaire topographique du département de l'Aisne. Paris, 1871, p. 4.

10. Alaincourt (Ardennes): Alaincort, 1229. *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 8.

11. Alaincourt (Eure): Alaincuria и Alanicuria, оба 1242; Alaincourt, 1303. *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 8; *Gröhler,* Ursprung, II, 295; и *de Blosseville B. E.* Dictionnaire topographique du département de l'Eure. Paris, 1877, p. 3.

12. Alaincourt (Haute-Saône). *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 8.

13. Alaincourt, наз. также Alaincourt-la-Côte (Meurthe-et-Moselle): Allaincourt, 1549. *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 8; *Gröhler,* Ursprung, II, 295; и *Lepage,* La Meurthe, p. 2.

14. Alains (Eure): Fief aux Alains, 1394. de Blosseville, L'Eure, p. 3.

15. Alainville, также Allainville aux Bois (Seine-et-Oise): villa Alleni, IX в. *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 8; *Hippolyte Cocheris.* Dictionnaire des anciens noms des communes du département de Seine-et-Oise. Versailles, 1874, p. 27.

16. Alan (Haute-Garonne). *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 8.

17. Alancianus (Aude), больше не существует: Alancianus, 857; Alencianus, 1157; Alaussanum, 1360; nearby stagnum de Alaussano, stagnum de Alausa, stagnum de Alensan, 1317-1639, *Sabarthés*, L'Aude, p. 5.

18. Alencjn (Drôme). *Brun-Durand J.* Dictionnaire topographique du département de la Drôme. Paris, 1891, p. 3.

19. Alange (Badajoz), также Alanje. Enciclopedia Universal ilustrada (Barcelona, 1907-19), IV, 22.

20. Alaniers (Ain): Alagnier, XVIII в. *Philipon*, L'Ain, p. 5.

21. Alanis (Seville). Enciclopedia Universal ilustrada, IV, 22.

22. Alano (Huesca). Enciclopedia Universal ilustrada, IV, 22.

23. Alano di Piave (San Antonio). D.E., I.1,916.

24. Aleins (Ain): Alens, 1325; Aleins, XVIII в. *Philipon*, L'Ain, p.5.

25. Alençon (Drôme): Alansonum, 1298; Alansone, 1355; Capella de Alensone, 1499; Alansone, 1509. *Brun-Durand*, La Drôme, p. 4.

26. Alenya (Pyrénées-Orientales): Allenius. *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 10.

27. Algans (Tarn). La Grande Encyclopédie. Paris, 1887, II, 147; ср.*Nègre E.* Les noms de lieux du Tarn, 2nd ed. Paris, 1957, p. 43.

28. Allaigne (Ain). *Philipon*, L'Ain, p. 5.

29. Allain (Calvados). *Hippeau C.* Dictionnaire topographique du département du Calvados. Paris, 1883, p.3.

30. Allain (Morbihan). *Rosenzweig M.* Dictionnaire topographique du département du Morbihan. Paris, 1870, p. 2.

31. Allain (Torino): Allein; Allianum; Allain. D.E., I.1, 70; I.2, 40.

32. Allaines (Eure-et-Loir): Alena, 1130; Allene, 1165. Longnon, Noms de lieux, no. 534; *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 10; *Lucien Merlet.* Dictionnaire topographique du département d'Eure-et-Loir. Paris, 1861, p. 2.

33. Allains (Somme): Alania, 1095. *Longnon*, Noms de lieux, no. 534; *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 8.

34. Allains, les (Eure). *de Blosseville*, L'Eure, p. 3.

35. Allainville, также Allainville-en-Beuce (Loiret): Aleinvilla,

1236. *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 8;*Gröhler*, Ursprung, II, 295.

36. Allainville-en-Drouais (Eure-et-Loir): Alainville, ca. 1100; Alanvilla, ca. 1160. *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 8; *Gröhler*, Ursprung, II, 295; *Merlet*, Eure-et-Loir, p. 2.

37. Allamont (Meurthe-et-Moselle): possibly Elemcurt, 893; Alanimonti, 1194; Allamon, XV в. *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 8.

38. Allan (Drôme): Alon, 1138; castrum de Alondo, 1345; Santa Maria de Alondo, 1183; Alan, XVIII в. *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 8, *Brun-Durand*, La Drôme, p. 5.

39. Allancourt (Marne): Halancourt, 1735. *Longnon A.* Dictionnaire topographique du département de la Marne. Paris, 1891, p. 2.

40. Allandhuy (Ardennes). La Grande Encyclopedie, II, 250.

41. Allegno, Villa d', также Villa Dallegno (Verona). *Olivieri*, Lombarda, p. 53.

42. Allens, also Alens. Arthur Jacot, Schweizerisches Ortslexikon (Lucerne, 1969), p. 5.

43. Alos (Tarn): Alanus, Alas, XII-XIII в. *Edmond Cabié.* Droits et possessions du comte de Toulouse dans l'Albigeois au milieu du XIIIe siècle. Albi, 1900, pp. 51, 52, 61, 96, 104, 167; *Cabie.* Alos en Albigeois aux Xe et XIe siècles, pp. 122-129; *Louis de Lacger.*États administratifs des anciens diocéses d'Albi, de Castres, et de Lavaur. Albi, 1929, pp. 86, 92, 146, 149, 208, 278, 279, 337, 339, 340, 342, 344; *Nègre*, Tarn, pp. 34-35.

44. Bodieuc, ранее Alanczon (Morbihan), 1199. *Rosenzweig*, Morbihan, pp. 16, 297.

45. Brèche d'Allanz (Hautes-Pyrénées). *Karl Baedeker.* Southern France, 6th ed. Leipzig, 1914, p. 154.

46. Courtalain (Eure-et-Loir): Curia Alemi, 1095; Cortollein, 1120; Curia Alani, 1128; Curtoslenum, 1130; Curtoslain, 1132. *Merlet*, Eure-et-Loir, p. 55.

47. Domalain (Ille-et-Vilaine): Domnus Alanus, ca. 1330. *Longnon*, Noms de lieux, nos. 1525, 1575, *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 325.

48. Goarec, также Gouarec (Cotes-du-Nord). *Dauzat, Rostaing*, DNL, p. 325.

49 LaLondon(Ain): AquadeAlandons, 1397. *Philipon*, L'Ain, p. 230.

50. Landriano (Pavia): Alan d'Riano, XII в. D.E., I.1, 747.

51. Lanet (Aude): Villa de Alianto и Alane, оба в 951; Alanetum, 1320; Alhanetum, 1331; Ailhanet, 1409. *Sabarthes,* L'Aude, pp. 195-196, *Bachrach.* Another Look at the Barbarian Settlement in Southern Gaul, p. 356, n. 9.

52. Langais (Indre-et-Loire): Alangaviense vici и Alingaviensi, конец VI в. *Gregory,* Hist, X, 31; G.M., ch. 15, pp. 485, 498.Неясно, произошло ли это имя от гипотетического германского имени «Allin» или от хорошо документированного индо-иранского имени Алан. Об этой проблеме см. *Longnon,* Geographie, pp. 260-262, *Morlet,* Toponymie, p. 51. In Hist., X, 31. Григорий связывает Saint Martin с городком Langais, показывая, что он там построил храм. Современники Григория пытались связать Saint Martin с обращением аланов. Об этом см. *Bachrach,* Alans in Gaul, pp. 486-487. Ср. *Carre de Busserolle J-X.* Dictionnaire geographique, historique, et biographique d'Indre-et-Loire. Tours, 1882, IV, 15.

53. Lansac (Pyrenees-Orientales). *Dauzat, Rostaing,* DNL, p. 365.

54. Moulin de Lange (Aude): Molendinum de Alanha, 1279. *Sabarthes,* L'Aude, p. 263, *Bachrach,* Southern Gaul, p. 356, n. 9.

55. Sampigny (Marne): Sampeginiacum, 1170; Sampiniacum, 1171. *Longnon,* La Marne, p. 254.

56. Sampigny (Meuse): Sampiniacum, IX в., 973, 1047. *Felix Lienard.* Dictionnaire topographique du departement de la Meuse. Paris, 1872, p. 216.

Примечания

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. M. I. Rostovtzeff. Iranians and Greek in South Russia. Oxford, 1922, p. 237. George Vernadsky. Eurasian Nomads and their Impact on Medieval Europe. Studi Medievali, 3rd ser., IV (1963), 421. Вернадский внес большой вклад в изучение истории аланов, о чем свидетельствует вышеприведенная статья его. О всех трудах Вернадского по аланам в 1963 г. см.: «Essays in Russian History: A Collection Dedicated to George Vernadsky», ed. Alan D. Ferguson, Alfred Levin (Hamden, Conn., 1964), p. xiii-xxv. (Очерки русской истории. Сборник посвящен Г. Вернадскому).

2. Исследования недавнего времени (новые): R. Wenskus. Alanen. Reallexicon der germanischen Altertumskunde, I.2 (Berlin, 1970), 122-124; J. Ozols. Alanen, ibid., p. 124-126. Ozols останавливается на археологическом материале. (Об этом же см.: T. Sulimirski. The Sarmatians. New York, 1970.) Wenskus, однако, не упоминает о W. Tomaschek, «Alanen», RE, I, cols. 1282-1285. Sulimirski останавливается на аланах в Западной Европе всего лишь на 4-х страницах (pp. 185-188). См. мою рецензию этой работы в AHR, LXXVI (1971), 1525-1526. Ни в одной из вышеприведенных работ по аланам не учитываются последние исследования. Неполное собрание текстов классических и византийских источников по аланам можно найти в работе: Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

3. О проблемах, связанных с археологическим материалом, в деле выяснения истории кочевой культуры см.: E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948, p. 4-5, и Joachim Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, свидетельствующие о трудностях исследования истории и культуры кочевников. Об использовании археологического материала без привлечения письменных источников см. мою рецензию книги Sulimirski,

AHR, p. 1525-1526. Более общие работы по данной теме: Thomas F. O'Rahilly, Early Irish History and Mythology. Dublin, 1946, p. 440, и P. H. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962, p. 48-50. В работе B. H. Slicher van Bath. Dutch Tribal Problems, Speculum XXIX (1949), 319-338, содержится критика научного отнесения некоторых стилей и традиций к определенным этническим группам. Slicher van Bath утверждает, что в периоды передвижения значительных масс народов, когда особенно возрастает их взаимовлияние, предпочтительнее говорить о смешанном характере археологических находок.

4. См. гл. 1, сн. 1 или Приложение II.

ГЛАВА I

1. Seneca, Thyestes, II. 627ff. E. Täubler (Zur Geschichte der Alanen. Klio, IX (1909), 14, 15, 17, n. 5) предполагает, что Сенека мог подразумевать под Дунаем реку Дон. Однако в тексте ясно подчеркивается Дунай. Ср. Rostovtzeff. Iranians and Greeks, p. 116, и J. G. C. Anderson. The Eastern Frontier from Tiberius to Nero. CAH, X (1934)), 777.

2. Lucan, De Bell. Civ., VIII, ll. 215ff. См. также: Taubler. Alanen, p. 14, 17.

3. E. M. Sanford. Nero and the East // Harvard Studies in Classical Philology, XLVIII, 1937, 98.

4. Lucan. De Bell. Civ., X, ll. 454ff. Ср. Täubler. Alanen. 14, n. 4.

5. Josephus, Ant. Jud., XVIII, 4, 96ff. Ср. Rostovtzeff. Iranians and Greeks, p. 116 и Täubler. Alanen, p. 15-16.

6. Josephus, De Bell. Jud., VII, 4, 244ff. См. Karl Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, II. Berlin, 1892, 42; Täubler. Alanen, p. 15, особенно п. 2; и Anderson. Eastern Frontier, p. 777, n. 3-4.

7. Josephus. De Bell. Jud., VII, 4, 248ff. Täubler. Alanen, p. 18. N. Debevoise (A Political History of Parthia. Chicago, 1938, p. 200) подчеркивает, что дата относилась к 72 г. н. э. См. библиографию, на которую он ссылается в п. 5.

8. Suetonius, V. Domit., 2.2. Debevoise, Parthia, p. 200.

9. Pliny, Nat. Hist., IV, 12, 25ff. George Rawlinson. The Sixth Great Oriental Monarchy (New York, 1872), p. 291, n.

2; Täubler. Alanen, p. 26, n. 2; и Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, III, 53.

10. Valerius Flaccus. Argonautica, VI, ll. 42ff Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, III, 78, и Täubler, Alanen, p. 15. Вполне уместно здесь отметить мнение Debevoise (Parthia, p. 202) о Валерии Флакке: «Работа В. Флакка... ясно свидетельствует о заинтересованности Рима в отношении аланов и в целом Кавказа».

11. Martial, VII, 30. Ср. Täubler. Alanen, p. 27-28.

12. О Таците см. Приложение I.

13. Dio Cassius, LXIX, 15. Täubler. Alanen, p. 26; M. I. Rostovtzeff. The Sarmatae and Partians, CAH, XI (1936), lll; Mommsen. Röm. Gesch., V, 405; и Sanford. Nero and the East, p. 98, n. 2.

14. Arrian, Tactica, p. 15. Ср. издания Hercher и Blancard об этом. См. также: Arrian. Contra Alanos, ll. 25ff. F. H. Sandbach, Greek Literature, Philosophy, and Science, CAH, XI (1936), 689; Rostovtzeff. Iranians and Greeks, p. 118; Mommsen. Rom. Gesch., V, 405; и Alphonse Dain. Les stratégistes Byzantins, Travaux et Mémoires, II, 1967, 331-332. О притворном отступлении см.: B. S. Bachrach. The Feigned Retreat at Hastings. — Mediaeval Studies, XXXIII (1971), 344-347. См. Приложение II.

15. Arrian. Contra Alanos, ll. 25ff.

16. Arrian. Tactica, p. 4.

17. Dio Cassius, LXIX, 15. Mommsen, Röm. Gesch. V, 405.

18. Hadrian. Borysthenes Alanus, ed. Buchner.

19. Птолемей несколько раз упоминает аланов, но обычно пользуется термином Alauni. Такое употребление может привести к нежелательному толкованию, т. к. Alauni были кельтской народностью. Птолемей стремился избежать этого, используя часто термин «скифские Alauni». Однако для современного читателя, как, впрочем, и для древних читателей, более серьезным средством отличить оба эти народа была бы их географическая локализация. Так, Alauni, живущие в Британии, Испании и Noricum, являются кельтами. Те же, которые живут в Европейской Сарматии и Скифии в пределах Imaus гор, являются аланами. См.: Täubler. Alanen. p. 19; Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, III, 94; E. H. Bunbury. A History of Ancient Geography,

2nd ed. London, 1883, II, 591; и M. Dillon и Nora K. Chadwick. The Celtic Realms. London, 1967, p. 19, 20, 21, 23.

20. Dionysius Periegetes, ll. 302-313. Täubler. Alanen, p. 26; Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, III, 84ff; Tomaschek. Alanen, col. 1282; Bunbury. Ancient Geography, II, 486; M. I. Rostovtzeff. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931, p. 73; и Thompson. Attila and the Huns, p. 20-21.

21. Ptolemy, Geog., V, 8.1-32, вовсе не упоминает аланов. См. III, 5.19, и Dionysius, ll. 302-313, по другим народам.

22. Ptolemy, Geog., III, 5.15; VI, 14.11, и Dionisius, ll. 312-313.

23. Lucian, Tox., 51. Rostovtzeff (Skythien und der Bosporus, I, 96-99) отмечает, что Лукан, возможно, использует точную информацию о степных народах, однако его исторические и географические данные заслуживают меньшего внимания.

24. HA, Antonius Pius, V, 5.

25. Ibid., Marcus Aurelius, XXII, 1.

26. Dio Cassius, LXXIII, 3 (Bekker ed., II, 351). Согласно W. Tomaschek «Borani» и «Bur», RE, cols. 719, 1067, оба народа являются германскими, а не сарматскими.

27. И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 54, и Ellis H. Minns. Scythynians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 614, n. 2.

28. HA, Maximinus. I, 5; II, 1, 2, 5; IV, 4, 5; IX, 3-6. См. также ibid., Herodian, VI, 8, 9; VII, VIII passim.

Хотя многие ученые и признают, что в HA существует столько же правды, сколько и вымысла, две работы: Ronald Syme. Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1962, и Emperors and Biography. Oxford, 1971 — еще более подтверждают сомнительный характер HA как исторического источника. Так, Сайм отмечает, что упоминания Аммиана об аланах в HA должны вызывать сомнения в плане хронологии и достоверности сведений (Ammianus, p. 36). Сайм выражает свои сомнения только относительно сведений, касающихся происхождения императора Максимина. Он подчеркивает, что Геродиан (Herodian), на которого можно больше положиться, чем на HA, сообщает, что Максимин «происходит из полуварварской среды Фракии», тогда как

НА относит происхождение Максимина к району Дуная (Ammianus, p. 37). В «Императорах», с. 184, Сайм идет дальше, соглашаясь в основном, хотя и с незначительными оговорками, с утверждением Моммзена, что все сведения являются недостоверными и их следует отвергать, если они не подтверждаются данными Геродиана. Сайм утверждает, что название Готия (Gothia) в данном случае «появляется, несомненно, в период после правления Константиана и, следовательно, заслуживает опровержения» (с. 182). Данные критические замечания Сайма, так же как и его общие рассуждения о сведениях по аланам, следует рассматривать в свете его тезиса о том, что НА была составлена в конце IV в. н. э., а не в первой половине этого века. Таким образом, Сайм стремится показать, что НА насквозь пронизывает дух конца IV в. н. э. (395). Аланы же, как об этом будет рассказано ниже, во второй главе, появляются на Западе в основном в конце IV в. н. э. Сайм априорно предполагает, что это событие оказало влияние на сознание автора (Аммиана Марцеллина. — И. С.), который и включил все эти сведения в свою книгу.

Данные упоминания аланов звучали бы, несомненно, более убедительно, если бы они впервые появились в письменных источниках ближе к концу IV в. Однако мы видим, что целый ряд источников, относящихся к периоду до 350 г., дает нам довольно подробные сведения об аланах или же хотя бы содержит упоминания о них. Естественно, трудно установить тех авторов, труды которых не дошли до нас и которые служили источником по аланам для авторов конца IV в. С другой стороны, сомнения, высказанные Саймом относительно сведений о происхождении Максимина, звучат не совсем убедительно. Следует ли сомневаться полностью в достоверности данных сведений, если даже термин «Готия» является устаревшим и не соответствует периоду начала III в. н. э.? Ведь вполне возможно предположить, что автор применил этот устаревший термин, пользуясь материалами источников III в. н. э. Аланы находились в районе Дуная с начала I в. н. э. Как утверждает Сайм, многие ученые признают, что имена родителей Максимина явно имеют аланское и готское происхождение, с. 182, п. 5 (см. п. 33 внизу для подтверждения любопытной истории, содержащейся в НА и имеющей непосредственное отношение

к аланам; непонятно, почему Сайм проигнорировал данный эпизод). Возможно, если бы профессор Сайм был более осведомлен о склонности аланов к ассимиляции и о сфере их действия, он бы не пропустил мимо себя так бесцеремонно все данные, которые имеются в НА по аланам. Хотя следует иметь в виду, что признание Саймом достоверности материала по аланам противоречило бы его основному тезису. Однако, с другой стороны, если данный тезис основывается исключительно на стремлении автора отрицать присутствие аланов, то его невозможно вообще воспринимать всерьез.

29. HA, Maximinus, I, 7.

30. Ibid., Gordian, III, xxxiv, 4.

31. Jordanes. Germani et Alani Gallias depraedantes Ravennam usque venerunt.Romana, 281.

32. HA, Aurelian, XXXIII, 4, 5.

33. Ibid., Probus, VIII, 3. T. Peisker (The Asiatic Background, CMH, I (1911), 331-332) обращает внимание на то, что тюркская лошадь может покрывать 650 миль в течение 5 дней.

34. Pseudo-Callisthenes, I, 2, и Julius Valerius, I, 1.

35. Hegesippus L.

36. Avienus, Orb. Terr, ll. 436-445.

37. Tabula Peutingeriana, Segmentum, IX.

38. Amm. Marcellinus, XXXI, 2, 12, 13, 16, 21; XXII, 8, 31, 38, 42; XXIII, 6, 61.

Предположения Аммиана, что аланы в более ранний период назывались массагетами, основываются на сообщении Дио Кассия, LXIX, 15, который в свою очередь исходил из сведений Лукана. См.: Sanford. Nero and the East, p. 98, n. 2; P. Herrmann. Massagetai, RE, cols. 2124-2129. По массагетам в своей работе мы пользовались сообщениями Геродота, согласно которым массагеты жили матриархальным строем. См.: Sulimirski. Sarmatians, p. 55-61. Одно уже это сведение, на наш взгляд, делает невозможным прямое отнесение аланов к массагетам. О положении женщин у аланов будет сказано ниже, с. 20-21. Для более полного освещения точки зрения Аммиана см.: E. A. Thompson. The Historical Work of Amm. Marcellinus. Cambridge, 1947, p. 119.

39. Amm. Marcellinus, XXXI, 2, 13-17: «Hi bipertiti per

utramque mundi plagam Halani, quorum gentas varias nunc recensere non refert, licet dirempti spatiis longis, per pagos (ut Nomades) vagantur immensos, aevi tamen progressu, ad unum concessere vocabulum, et summatim omnes Halani cognominantur, ob mores et modum efferatum vivendi, eandemque armaturams».

40. Ibid., XXX, 2, 21.

41. Ibid., XXXI, 2, 1-3.

42. Ibid., XXXI, 2, 18, 19. Я полагаю, что было бы слишком неосторожно вследствие ограниченности источников делать какие-либо дальнейшие описания жизни аланов лишь на основании жизни других кочевых народов, живших с аланами по соседству и находившихся на той же стадии развития. См. мою рецензию работы: S. I. Rudenko. The Frozen Tombs of Siberia, AHR, LXXVI, 1971, 754. Ср. Thompson. Attila and the Huns, p. 43-46.

43. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 18, 19.

44. Ibid., XXXI, 2, 20.

45. Salvian. De gub. Dei, VII, 15: «Gothorum gens perfida, sed pudica est, Alanorum impudica, sed perfida...». См. J. M. Wallace-Hadrill. The Long-Haired Kings. London, 1962, p. 161, и Bernard S. Bachrach. The Alans in Gaul. Traditio, XXIII (1967), 486.

46. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 25: «Servitus quid sit ignorant...». См.: Thompson. Attila and the Huns, p. 22.

47. См. выше п. 7.

48. George Vernadsky. The Origins of Russia. Oxford, 1959, p. 13ff.

49. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 17.

50. Ibid., XXXI, 2, 25.

51. Ibid. XXXI, 2, 22, 23. Thompson. Attila and the Huns, p. 89, отмечает, что гунны поклонялись богу войны, который имел священный меч. E. A. Thompson. The Visigoths and the Time of Ulfila. Oxford, 1966, p. 60.

52. Ренат Профутур Фригарет, о котором мы упоминали выше, когда описывает взятие и разорение Рима готами, говорит: «Тем временем Респендиал, царь аланов, после того как Гоар перешел к римлянам, привел свое войско из-за Рейна. В то время вандалы воевали с франками, царь Годисел был убит, почти двадцать тысяч воинов разбиты и все вандалы были бы разбиты наголову, если бы не оказала

помощь сила аланов». Почитание предков было также распространено у соседей аланов вест-готов (Thompson. Times of Ulfila, p. 59), так же как и у китайцев за степями (см. Taubler Alanen, p. 22); Tomaschek. Alanen, col. 1284, — об алано-китайских связях. См. также D. H. Chinese Religions (London, 1968) о культе предков.

53. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 24. О китайском гадании см.: R. Wilhelm. The Ching, 2 vols. London, 1951. Ива относится к семейству ивовых, которые часто встречаются во влажных районах по берегам рек.

54. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 8, 9.

55. Ibid., XXXI, 2, 21; Claudian. De Cons. Stilic., XXI, l. 109. Bernard S. Bachrach. The Origin of Armorican Chivalry // Technology and Culture, X (1969), 167-168.

56. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 22.

ГЛАВА II

1. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 12, 3, 1; и Jordanes. Getica, XXIX. Иордан, по-видимому, позаимствовал данную информацию у Прискуса. См.: Thompson. Attila and the Huns, p. 22.

2. Ammianus Marcellinus, XXXI, 3, 1ff. О Saphrax (Сафраксе), или же как иногда пишут Safrac, см.: Ludwig Schmidt. Geschichte der deutsche Stämme, I (Berlin, 1910), 108, 112, 114, 168, 173 и Thompson. Attila and the Huns, p 23ff.

3. Ammianus Marcellinus, XXXI, 4, 1ff. E. A. Thompson. The Visigoths from Fritigern to Euric, Historia, XV (1963), 105ff.

4. Ammianus Marcellinus, XXXI, 8, 4; 2, 6; 12, 1ff; 16, 3.

5. Oroisius. Hist., VII, 37; Ambrose. Expos. in Luc., X, 10; Ammianus Marcellinus, XXXI, 3, 1ff. C. Courtois. Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955, p. 40.

6. Ammianus Marcellinus, XXXI, 12, 1ff.

7. Claudian. De Cons. Stilic., I, ll. 106ff.

8. Paulinus Nola, Carm., XXVI, ll. 22-27. Ср. Pierre Courcelle. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1948, p. 216 и P. Fabre. Essai sur la chronologie de l'oeuvre de saint Paulin, Paris, 1948, p. 113

относят эту поэму к 402 г., когда Аларих вместе с аланами находился в Сев. Италии.

9. Ammianus Marcellinus, XXXI, 12, 1ff. Об Иордане см.: B. S. Bachrach. The Alans in Gaul, p. 483, и также об Иордане и аланах см. N. Wagner. Getica (Berlin, 1967), p. 15ff.

10. Paulinus of Pella. Eucharisticos, ll. 328-398. О разделе земель см.: Bachrach. Alans in Gaul, p. 479; Courtois. Les Vandales, p. 47, n. 3. Ср. W. Levison. Bischof Germanus von Auxerre und die Quellen zu seiner Geschichte, Neues Archiv der Gesellschaft für altere deutsche Geschichtskunde, XXIX (1903), 135-136. См.: F. Lot. Du régime de hospitalité, RBPH, VII (1928), 1007, n. 6.

11. E. A. Thompson. The Settlement of the Barbarians in Southern Gaul, JRS, XLVI (1956), 65-75. и Bernard S. Bachrach. Another Look at the Barbarian Settlement in Southern Gaul // Traditio, XXV (1969), 355-356.

12. О разделе земель Павлиний Пелла. Eucharisticos, ll. 395-8: «Cuius non sero secuti/ exemplum et nostri, quos diximus, auxiliares/ discessere, fidem pacis servare parati/ Romanis, quoquo ipsos sors oblata tulisset». Lot. Hospitalite, p. 1007, n. 6, и Bachrach. Alans in Gaul, p. 479. О топонимике см.: Bachrach. Southern Gaul, p. 355-356; Albert Grenier. Manuel d'archéologie Gallo-romaine, VI. 1 (Paris, 1934), 406, и Приложение III.

13. Thompson. Fritigern to Euric, p. 105ff. Об Аталфе см.: Orosius. Hist., VII, 43.

14. Thompson. Fritigern to Euric, p. 114-115.

Сигерик захватил власть на короткое время после смерти Аталфа, однако был убит, и Валлиа был избран обычным путем. Касаясь Валлии, Томпсон замечает: «Валлиа был избран... в основном потому, что большая часть вестготов была убеждена, что он положит конец подобному миру с Римом...» (p. 115). Это почти прямое цитирование Оросия. Hist., VII, 47.

15. Claudius Marius Victor. Alethia, ll. 189-200. См.: Courcelle. Histoire, p. 221. Werner (Attila-Reiches, p. 16) содержит упоминание об аланском захоронении близ Марселя.

16. Thompson. Attila and the Huns, p. 78; Thompson. Southern Gaul, p. 67; и Bachrach. Southern Gaul, p. 357.

17. Chron. Gall., ch. 124. Bachrach. Southern Gaul, p. 354ff, и Alans in Gaul, p. 480-481. По топонимике см.: Приложение III, nn. 38, 18, 25 соответственно.

18. Thompson. Southern Gaul, p. 67, и Bachrach. Southern Gaul, p. 357. См. также: Grenier. Manuel d'archéologie, VI. pls. I, II.

19. Sidonius Apollinaris. Carm., 5, ll. 474-478. Для подтверждения этого текста см.: B. S. Bachrach. A Note on Alites, Byzantinische Zeitschrift, LXV (1968), 35.

20. Jordanes. Getica, XLV; Marcellinus Comes. Chron., 464; и Fasti Vind. priores, ch. 593.

21. Ep. de Caes., ch. 47, и Zosimus, IV, 35.

22. Bede. Chron., p. 298; Orosius. Hist., VII, 34. Marcellinus Comes. Chron., 379; Pacatus. Pan. Lat., XX,; Ausonius. Ephemeris, IV, 7, ll. 17-19; и Jerome. Epist., LX, 16.

23. Claudian. De Con. Hon. VI, ll, 223ff; Orosius. Hist., VII, 37. См.: E. Demougeot. De l'unité à la division de l'empire romain, 395-410 (Paris, 1951), p. 275-276. Ср. Alan Cameron. Claudian, Poetry and Propaganda at the Court of Honorius (Oxford, 1970), p. 181, 374-377. Однако пропагандистский характер имеют работы проготски настроенных историков, подобно Касенодору. Работы этих авторов лишь внесли путаницу. См. также: Täckholm. Catalaunian Fields, p. 263.

24. Claudian. De Bel. Goth., ll. 580ff; De Cons. Stilic., I, ll. 106ff. Ср. Cameron. Claudian, p. 181.

25. Claudian. De Bel. Goth., ll. 580ff. Ср. Cameron. Claudian, p. 181, и замечания N. H. Baynes «A Note on Professor Bury's "History of the Later Roman Empire"» // JRS, XII (1922), 207-210 о хронологии сражений.

26. Claudian. De Bel. Goth., ll. 580ff, и Demougeot. L'empire romain, p. 278-281.

27. Bachrach. Feigned Retreat, p. 344-347.

28. Zosimus, V, 26. Ср. Baynes. Note on Bury's "History", p. 217-220 о хронологии.

29. Claudian. De Con. Hon. IV, ll. 485ff: «in Latios ritus transistis Alani».

30. О данных военных поселениях в целом см.: A. H. M. Jones. The Later Roman Empire, I (Norman, OKla., 1964), p. 620.

31. Vegetius. Ep. rei milit., I, 20; III, 26. J. W. Eadie (The Development of Roman Mailed Cavalry, JRS, LVIII (1967), 161-173) останавливается на тяжелой, а не на легкой кавалерии.

32. Notitia Dignitatum, oc. XIII, 46-63.

33. CTh, VII, xx, 12, 400: «quisquis igitur laetus Alamannus Sarmata vagus vel filius veterani aut cuislibet corporis dilectui obnoxius et florentissimis legionibus inserenduss». См.: Jones, Op. cit., I, 620.

34. См., например: Gregory. Hist., II, 9, 19.

35. Claudian. De Bel. Goth., ll. 581ff: «ibat patiens dicionis Alanus,/ qua nostrae iussere tubae, mortemque petendam/ pro Latio docuit gentis praefectus Alanae...»

36. Albert Grenier. Manuel d'archeologie Gallo-romaine, V (Paris, 1931), 398ff. CTh, VII, 20, 12.

37. Термины «колония» и «поселения» имеют в данном контексте особое значение. Колония прежде всего обозначает военные поселения варваров. Термин «поселение» же употребляется для обозначения реальных поселений, зданий, сооружений и др. построек... внутри колонии. Колония является административным делением и может состоять из нескольких поселений. См.: Grenier. Manuel d'archeologie, V, 397-402, а также Bachrach. Alans in Gaul, p. 478.

38. Jones. Op. cit., 1417-1450, и J. B. Bury. The Notitia Dignitatum, JRS, X (1920), 131-154.

39. Notitia Dignitatum, oc., XLII, 63: «Praefectus Sarmatarum gentilium (in Liguria), Pollentia»; и 54: «Praefectus Sarmatarum gentilium [Veronae]».

40. Ibid., 57, Tortona; 58, Novara; 54, Verona. О Sarmarate см.: Dizionario Enciclopedio dei comuni d'Italia, I,2 (Rome, 1950), 406. О Майориане и Рицимере см.: Jordanes. Getica, XLV.

41. О сарматских поселениях см.: Notitia Dignitatum, oc., XLII, 62, Ivrea; 59, Vercelli; 54, Verona; 52, Oderza. Об Аланской топонимике см.: Приложение III.

42. Paul. Hist., II, 26.

43. Claudian. Contra Ruf., I, ll. 308ff; II, ll. 268ff. Demougeot. L'empire romaine, p. 155-158.

44. Thompson. Attila and the Huns, p. 32, 54, 58 и Demougeot. Op. cit., p. 256-261.

45 Demougeot. Op. cit., p. 256-261.

46. Bury. Op. cit., I, 222-225; Stein, Bas-empire, I, 282-285; и S. I. Oost. Galla Placidia Augusta (Chicago, 1968), p. 183, 188-189. Olymp., fr. 46; Socrates, VII, 11. A. Demandt. Magister militum, RE, suppl. XII (1970), cols. 746-781, содержит материал по Аспару и его семейству.

47. Хотя Аспар и вернулся в Константинополь в 435 г. и, таким образом, не присутствовал на церемонии оформления договора мира между Гесериком и Западной Римской империей, его отсутствие на последней стадии завершения дел вряд ли может свидетельствовать о его непричастности к заключению договора. Аспар являлся самым высокопоставленным представителем империи в Северной Африке в период подготовки договора и в 434 г. перед своим возвращением в Константинополь был удостоеин чрезвычайно высокой награды (звания консула. — И. С.) императором Западной империи. Естественно, что Аспар получил такую награду не за свое поражение, нанесенное ему варварами три года раньше, а за какую-то важную услугу, оказанную им Западной империи. Если, однако, не Аспар вел переговоры и заложил основы соглашения с Гесериком, то кто же другой мог это сделать? Если Аспар получил звание консула не в награду за договор, то за что же он мог его получить? Тем, кто склонен принижать роль Аспара в этих событиях, следовало бы дать более убедительные ответы на вышепоставленные вопросы. (Об Аспаре и Гесерике см. ниже.)

48. Ср. E. A. Thompson. The Foreign Policies of Theodosius II and Marcian // Hermathena, LXXV (1950), 63-66, и Attila and the Huns, p. 78-85. Thompson (The Isaurians under Theodosius II, Hermathena, LXVIII (1946), 18-31) утверждает, что исавриане были влиятельны в Константинополе в конце 440-х годов.

49. Thompson. Attila and the Huns, p. 125ff; Bachrach. Alans in Gaul, p. 481; Jones. Later Roman Empire, I, 218, 327. John Malalas, fr. XIV; Marcellinus Comes, Chron., 471; и Priscus, fr. 20. О власти арианцев см. также: Zonaras, XV, I.

50. Procopius B. V., I, iv, iff. См. дискуссию T. Hodgkin. Italy and Her Invaders, 2nd ed. (Oxford, 1892), 261-262.

51. Evagrius, II, 1, p.44-45.

52. Thompson. Foreign Policies, p. 66-69; E. F. Gautier. Genseric Roi des Vandales (Paris, 1935), p. 239-240; E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome (Princeton, 1968), p. 29-30; Stein. Bas-empire, I, 358. Procopius, B. V., I. iv, iff.

53. Kaegi. Bizantium, p. 29-30.

54. Bury. Later Roman Empire, I, 317, и E. W. Brooks. The Emperor Zenon and the Isaurians, EHR, XXX (1893), 211-212. Jones (Later Roman Empire, I, 222) отмечает, что слухи о предстоящем нападении вандалов на Александрию распространились вскоре после того, как стало известно о предстоящей свадьбе Зено с дочерью Льва Ариадной.

55. Brooks. Zenon and the Isaurians, p. 213-215; Bury. Later Roman Empire, I, 317-319; Stein. Bas-empire, I, 358-360; Courtois. Les Vandales, p. 201-202; Kaegi. Bizantium, p. 35ff. Procopius. B. V., I, vi, iff; Priscus, fr. 42; Candidus, fr. 2; Theophanes. Chron. A.M. 5963. Ср. G. M. Bersanetti. Basilisco e l'imperatore Leone I // Rendiconti della Pontifica Accademia di Archeologia, XX (1943-1944), 331-346.

56. Gautier. Genséric, p. 240.

57. Brooks. Zenon and Isaurians, p. 214; Bury. Op. cit.; Zonoras, XIV, I; и Victor Tonn., an. 470. К свидетельствам источников о религии следует относиться осторожно. Те авторы обычно были духовными лицами и к некоторым вещам относились тенденциозно.

58. Stein. Bas-empire, I, 360-361; Jones. Later Roman Empire, I, 222-223. Candidus, fr. 1; John of Ant., fr. 206; Priscus, fr. 20.

59. Jones. Later Roman Empire, I, 223. Marcellinus Comes. Chron., 471; Candidus, fr. 1; Procopius, B. V., I., vi, 27.

60. Alexandre Baschmakoff. La synthèse des périplus pontiques (Paris, 1946), p. 146. О прочтении Ардабда см.: Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, III, 114, который предпочитает Abdarda, и Diller. Tradition of the Minor Greek Philosophers, p. 113...

61. Jordanes. Getica, L. Аланы настолько преобладали в этом регионе, что река Прут называлась в определенное время Аланской рекой (Alanus River). См.: Isidore, Orig., IX, 2, 94. George Vernadsky. Ancient Russia (New Haven,

1943), p. 133.

62. Jordanes. Getica, L. о Кандаке; Candidus, fr. 1. О родственных связях см.: Jones. Later Roman Empire, II, 1104-1105. Jones настаивает на том, что Аспар был германцем.

63. Jordanes. Getica, XXXI, XXII; Procopius, B. V., I, iii, 1. Ср. Courtois. Les Vandales, p. 38-39 и Demougeot. L'empire romaine, p. 130.

64. О вторжении в Noricum и Raetia и победе Стилихона см.: Demougeot. L'empire romain, p. 268, n. 191, 355, 403, и Courtois. Les Vandales, p. 40. Marcellinus Comes. Chron., 408; Orosius. Hist., VII, 38.

65. Проблема опознания аланского археологического материала на территории Западной и Центральной Европы от Паннонии к северу и западу до сих пор остается нерешенной. Данное обстоятельство объясняется частично тем сильным влиянием, которое народы Южной России и Центральной Азии оказывали друг на друга в художественном искусстве и вооружении, в результате чего практически невозможно стало их различать. Тем не менее были предприняты определенные попытки хоть как-то выделить мотивы и влияния различных народов в искусстве (ремесле), появившихся в Европе. Однако ни одна их этих работ не является особенно успешной.

66. Chron. Call., ch. 63; Jordanes. Getica, XXXV; Prosp., Epit. Chron., ch. 1230; Gregory. Hist., II, 10; Zocimus, VI, 3, 1; Orosius. Hist., VIII, 38, 40; и Hydatius. Chron., ch. 42.

Ученые единодушно признают, что в 406 г. реку Рейн пересекли объединенные силы аланов и вандалов. Однако по вопросу об участии в этом походе свевов (Sueves) у многих возникают сомнения. Многие ученые утверждают, что зимой 406 г. свевов не было с вандалами и аланами, они присоединились к ним позже во время их перехода в Испанию. Robert Reynolds (Reconsideration of the History of the Suevi, RBPH, XXXV (1957), 19-47) считает, что свевы пришли в Испанию морем. Он предполагает связь между свевами, пришедшими в Испанию, и Swaefs, поселившимися в Англии. Ср. Demougeot. L'empire romain, p. 382ff, и Courtois. Les Vandales, p. 38ff.

67. Gregory. Hist., II, 9: «Renatus Profuturus Frigiretus,

cui iam supra meminimus, cum Roman refert a Gothic captam atque subversam, ait: "Interea Respendial rex Alanorum, Goare ad Romanos transgresso, de Reno agmen suorum convertit, Wandalis Francorum bello laborantibus, Godigyselo rege absumpto, aciae viginti ferme milibus ferro preemptis, cunctis Wandalorum ad internitionem delendis, nisi Alanorum vis in tempore subvenisset". См.: Courtois. Les Vandales, p. 41-42.

68. Gregory. Hist., II, 9.

69. Нет никаких специальных упоминаний в источниках об аланах в данном контексте. Нам известно, что они вступили в Галлию, находились в союзе с вандалами, вместе с которыми перешли в Испанию. Наиболее полную информацию о городах и населенных пунктах, разграбленных аланами и вандалами в Галлии, можно получить в: St. Jerome. Epist. LXXIII, 16.

Сохранились, однако, сведения у Исидора Севильского (Hist. Wand., ch, 71) и Оросия (Hist., VII, 403) о том, что аланы и вандалы вначале попытались добраться до Испании в начале 407 г., но затем вдруг повернули назад и разграбили Галлию.

70. Paulinus of Béziers, Epigramma, ll. 18-29.

71. Demougeot (L'empire romain, p. 382-395) дает полные сведения о деятельности Костантина III. См.также: Courtois. Les Vandales, p. 52-53.

72. Sozomen, IX, xiii, 4, и Olymp., fr. 16.

73. Orosius. Hist., VII, 40, 7-10, и Sozomen, IX, xii, 7.

74. Chron. Gall., ch. 552, II; Hydatius. Chron., ch. 42; Isidore, Hist. Wand., ch. 71; Courtois. Les Vandales, p. 52, и Demougeot. L'empire romain, p. 394-395.

75. см.: Приложение II, 45 и карту 1.

76. Hydatius. Chron., chs. 46, 47, 48; Isidore. Hist. Wand., ch. 72; Olymp. fr. 30. См.также: Courtois. Op. cit., 52-53.

77. Hydatius. Chron., ch. 49; Isidore. Hist. Wand., ch. 73. О разделе земель между римлянами и варварами см.: F. Lot. Hospitalité, p. 975-1011. См.также: Courtois. Op. cit., p. 52-53.

78. Orosius. Hist., VII, 43, 14; Hydatius Chron., chs. 60, 68; Isidore. Hist. Goth., chs. 22, 68; Isidore. Hist. Wand., ch. 73; Sidonius Apollinaris. Carm., II, ll. 363ff; Chron. Gall.,

chs 562, 564. Также: Courtois. Les Vandales, p. 54; Thompson. Southern Gaul, p.67; Bachrach. Southern Gaul, p. 355-357.

79. Schmidt (Deutsche Stämme, I, 49) считает аланов «volling germanisierts». Ср. Gautier. Genséric, 83-84, 239-240.

80. Possidius, V. Aug., ch. 28; Dracontius, Romulea, V, ll. 33ff; Procopius, B. V., I, v, 18; и Just., Nov., xxx, xi, 2.

81. Vict. Vit., II, 39; III, 3; CIL, VIII, 13734, и Gautier. Genséric, p. 239-240.

82. Charles Oman. A History of the Art of War in the Middle Ages, I (London, 1924), 29-30; E. A. Thompson. The Early Germans (Oxford, 1965), p. 123-124; Schmidt. Der Wandalen, p. 165, n. 4; Courtois. Les Vandales, p. 231, n. 8; и Bachrach. Armorican Chivalry, p. 167-168.

83. Bede. Chron., ch 480: «Effera gens Vandalorum, Halanorum et Gothorum ab Hispaniis ad Afracam transiens omnia ferro flamma rapinis, simul et Arriana impietate foedavit».

84. Grenier. Manuel d'archéologie, V, 398ff; Stein. Bas-empire, I, 264; Bachrach. Alans in Gaul, p. 478. Ср. H. Gröhler. Über Ursprung und Bedeutung der französischen Ortsnamen, II (Heidelberg, 1913-1935), 7, 295.

85. См. Приложение III.

86. Olymp., fr. 17. Stein. Bas-empire, I, 264; H. Gregoire. Où en est la question des Nibelungen? Byzantion, X (1935), 219; и Bachrach. Alans in Gaul, p. 478. Ср. Demougeot. L'empire romain, p. 391, 502, и K. F. Stroheker. Studien zu den historisch-geographischen Grundlagen der Nibelungendichtung, Deutsche Vierteljareschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, XXXII (1958), 216-240.

87. Stein. Bas-empire, I, 264, и Bachrach. Alans in Gaul, p. 278-279. Gregory, Hist., II, 9.

88. Bachrach. Alans in Gaul, p. 481. Chron. Gall., ch. 127: «Alani, quibus terrae Galliae ulterioris cum incolis dividendae a patricio Aetio traditae fuerant, resistentes armis subigunt et expulsis dominis terrae possessionem vi adioiscuntur».

89. См. Приложение III.

90. Chron. Call., ch. 127. Bachrach. Alans in Gaul, p.

483; F. L. Ganshof. Note sur le sens de Ligeris' au titre XLVII de la loi salique et dans le Querolus, Historical Essays in Honour of James Tait (Manchester, 1933), p. 112-117; Aulularia sive Querolus, p. 16-17; L. Havet. Le Querolus (Paris, 1880), p. 216-218; Salvian. De Gub. Dei, IV, 14; и Nora K. Chadwick. Early Brittany (Cardiff, 1969), p. 150ff.

91. Bachrach. Alans in Gaul, p. 481. См. Приложение III.

92. V. Germani, ch. 28. E. A. Thompson. A Chronological Note on St. Germanus of Auxerre, Analecta Bollandiana, LXXV (1957), 136-137; и Bachrach. Alans in Gaul, p. 481-482.

93. Bachrach. Alans in Gaul, p. 484.

94. Jordanes. Getica, XXXVII; Sidonius Apollinaris. Carm., VII, ll. 328ff и Epist., VIII, 15, 1; Gregory, Hist., II, 7. Bachrach. Alans in Gaul, p. 483. Ср. A. Loyen. Le rôle de Saint Aignan dans la défense d'Orléans // Comptes Rendus: Académie des inscriptions et Belles-Lettres (Paris, 1969), p. 64-74.

95. Jordanes. Getica, XXXVIII, XXXIX, XL. Täckholm (Catalaunian Fields, p. 259-276) игнорирует роль Алан.

96. Jordanes. Getica, XXXVIII, XXXIX, XL.

97. Hodgkin. Italy and Her Invaders, II, 170; Levison, Germanus von Auxerre, p. 136, n. 7; Robert Reynolds, Robert Lopez. Odoacer: German or Hun? AHR, LII (1946), 36-53.

98. Gregory, Hist., II, 7; Jordanes. Getica, XLIV. Bachrach. Alans in Gaul, p. 482.

99. См. Приложение III.

100. Eric Dingwall, Artificial Cranial Deformation (London, 1931), и Werner, Attila-Reiches, p. 5-18.

101. См. выше п. 41.

ГЛАВА III

1. Wallace-Hadrill. Long-Haired Kings, p. 30; Bachrach. Armorican Chivalry, p. 169; Bachrach. Alans in Gaul, p. 481.

2. Fortunatus. In laudem Sanctae Mariae, ll. 287-291; Martin of Braga, p. 282. E. Dekkers. Clavis Patrum Latinorum (2nd ed.) // Sacris erudiri, III (Steenbrugge, 1961), no. 1044a; Bachrach. Alans in Gaul, p. 486-487.

3. V. Goar., ch. 1: «In diebus Childeberti regis

Francorum, filio Chlodoveo, erat vir venerabilis nomine Goar, homo Aquitanicus, cuius pater vocatur Georgius et mater eius Valeria». См.: Bachrach. Alans in Gaul, p. 486. О датах жизни Goar см. также предисловие Krusch к Жизнеописанию (Vita), p. 404-405.

4. Ammianus Marcellinus. XXXI, 2, 21; Claudian. De Bel. Goth., ll. 580ff. См. также: Debrueck. Die Consular Diptychen, p. 154-155, pl. 35, p. 92; Courtois. Les Vandales, p. 54; Gautier. Genseric, p. 239-240; Richard Frank. Scholae Palatinae (Rome, 1969), p. 202.

5. Bachrach. Alans in Gaul, p. 487-488, и Procopius and the Chronology of Clovis's Reign, Viator, 1 (1970), 21-31.

6. Gregory (Hist., II, 19) также в II, 9 путает Alaman и Alan. Первый текст, видимо, переняли из местных анналов, возможно из Angers, обсуждался не раз, однако требует дальнейшего изучения. Об этих текстах см.: W. Junghans. Histoire Critique des règnes de Childeric et de Chlodovech, и L. Lair. Conjectures sur les chapitres XVIII et XIX du livre II de l'Historia Ecclesiastica de Grégoire de Tours, Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France, XXXV (1898), 3-29.

7. Procopius, B. G., I, xii, 8ff. Подробнее см.: Bachrach. Clovis's Reign, p. 21-31. См.: Gregory. Hist., II, 38.

8. Bachrach. Clovis's Reign, p. 29-30; Alans in Gaul, p. 487.

9. P. H. Morice (Histoire ecclésiastique et civile de Bretagne, I. Guincamp, 1835) дает материал из вышеприведенной хроники. Однако он не указывает его имени, места и даты и не указывает, была ли она опубликована. A. de Martonne. Deux nouveaux évêques du Mans, Revue historique de l'ouest, I (1885), 506-515.

10. См. Приложение III, no. 52.

11. Ibid., nos. 7, 30, 44, 48, 29.

12. V. Samson, chs. 55-59; Gregory. Hist., IV, 3. Morice Bretagne, I, 50; Nora K. Chadwick. The Colonization of Brittany from Celtic Britain, Proceedings of the British Academy, LX (1965), 279-280; и Early Brittany, p. 212ff. См.также: V. Paul., ch. 8.

13. V. Paul, ch. 22: «Interea cum haec et alia multa bona opera, Dei gratia cooperante, in illo agebantur, fama ejus regis Maric pervolant ad aures, quem alio nomine Quonomonum

vocant. Qui eo tempore, amplissimi producto sub limite regendo moenia sceptri, vir magnus imperiali potentia atque potentissimus habebatur, ita ut quatuor linguae deversarum gentium uno ejus subjacerent imperio». Редактор «Dom Plaine» (p. 222, n. 1) предполагает, что этими четырьмя языками были языки пиктов, британцев, шотландцев и англов. Однако современные исследования показывают широкое сохранение латинских элементов на землях Кономора. Англы никогда не проникали на территорию Кономора, хотя франкам и германцам удавалось это делать. К тому же исследователям удалось сейчас установить, что все кельтские диалекты на землях Кономора не исключали взаимопонимания и в то время не представляли собой различных языков (linguae diversae). Таким образом, тремя из четырех вышеназванных языков есть латинский, франкский и кельтский. Четвертый, вполне вероятно, был аланский. О данных языковых проблемах см.: Chadwick. Colonization, p. 270-273; J. L. Fleuriot. Recherches sur les enclaves romanes anciennes en territoire brettonant // Études celtiques, VIII (1958), 164ff; и Kenneth Jackson. Lanquage and History in the Early Britain (Cambridge, Mass., 1953), p. 27-30.

14. Nennius, ch. 17. F. Lot. Nennius et l'Historia Brittonum, I (Paris, 1934), 50. Ср. Robert Hanning. The Vision of History in Early Britain (New York, 1966), p. 106. Ср. H. M. Chadwick. Early Scotland (Cambridge, 1949), p. 81-88.

15. См.: Wallace-Hadrill. Long-Haired Kings, p. 79-83.

16. Ibid.

17. Nennius, chs., 7, 17, 18.

18. Lex Salica, 100 Titel-Text, p. 82-84, 86-90.

19. Chadwick. Early Brittany, p. 225-237 — о более позднем периоде. О алано-франкских связях в восточной Галлии в конце V в. — начале VI в. см. прим. 45.

20. LHF, chs. 2, 3.

21. G. Kurth. Histoire poétique des mérovingiens (Paris, 1893), p. 87, 96, 517-423. Текст обнаружен на с. 521.

22. Bachrach. Alites, p. 35.

23. F. Lot. Migrations saxonnes en Gaule et en Grande-Bretagne, RH, CXIX (1915), 34, и La conquête du pays d'entre Seine-et-Loire par les Francs, RH, CLXIV (1930), 246.

24. Liber Landavensis, p. 106-107: «et coram omni populo Sanctus Teliaus Episcopus rogavit Deum, et imprecatus et suppliciter, ut milites Armorici fortiores fierent in equitando omnibus gentibus, ut inde patriam suam tuerentur, et victoriose se de inimicis suis ulciscerentur. Et illud Privilegium quod Sanctus Telaus impetravit a Domino sibi collatum, usque hodie permanent inibi secundum testimonia et commentaria omnium illius patriae seniorum. Sunt enim Armorici amplius victoriosi in equitando, septies quam ut essent pedites». См. также: Joseph Loth. La vie de Saint Teliau // Annales de Bretagne, IX (1893), 80-85, и Edmund Faral. La legende arthurienne, II (Paris, 1929), 236-237.

25. Regino. Chron., A.D. 889; Hermoldus. Poème, III, 1628ff; Nithard. Hist., III, 6; Gregory, G. M., ch. 60.

26. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 9.

27. Ibid., XXXI, 2, 21; Claudian. De Cons. Stilic., XXX, 109; Isidore. Etym., XIX, 23, 7: «sine equis inertes extant Alani...» Bachrach. Armorican Chivalrys, p. 167-168.

28. Hermoldus. Poème, III, 1494, 1659, 1706, 1628ff: «Armat equum, semet, fidos armatque sodales,/ Ambas missilibus armant et ipse manus,/ Scandit equum velox, stimulis praefigit acutis/ Frena tenens; giros dat quadrupes varios».

29. Regino (Chron., A.D. 889) сравнивает венгров со скифами, описанными Юстином во II в. до н. э. Regino отмечает сходство венгров с бретонцами. Он также проводит сравнение между бретонцами и скифами. По сути дела, получается почти замкнутый круг: скифы, аланы и гунны — все степные кочевники — используют почти одинаковую военную тактику. Regino связывает венгров со скифами и бретонцев с венграми. Мы же пытаемся связать бретонцев и алан, которые в силу своего степного происхождения имеют отношение к скифам. Цитируя Юстина, Regino пишет: «Они сражаются, или наступая верхом, или поворачиваясь спиной, часто притворяются, что отступают. Они не могут сражаться долго: если бы их сила и настойчивость равнялись бы их натиску, они были бы непобедимы. Часто с тем же пылом они оставляют место боя, а вскоре после сражения возвращаются из отступления, и, когда ты уже считаешь, что победил, тогда наступает решающий момент сражения.

Их способ сражаться тем опаснее, что остальными

людьми не используется. Различие в способе сражения между ними и бретонцами (бриттами) состоит в том, что одни используют метательные снаряды (копья), другие — стрелы».

30. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2, 6, и Tacitus, Hist., I, 79, о гуннах и сарматах соответственно.

31. Warren Hollister. Anglo-Saxon Military Institutions (Oxford, 1962), p. 131-132.

32. См. две статьи Karl Leyser, в которых обсуждаются тактики венгров и бретонцев: «The Battle of Lech», History, L (1965), 1-25; и «Henry I and the Beginnings of the Saxon Empire», EHR, LXXXIII (1968), 17-18.

33. О Тингебрае см.: Charles W. David. Robert Curthose (Cambridge, Mass., 1920), p. 245ff; о Линкольне см.: John Beeler. Warfare in England, 1066-1189 (Ithaca, N.Y., 1966), p. 114ff.

34. Bayeux Tapestry, gen. ed. Sir Frank Stenton (London, 1957), pls. 63, 66. См. также: Beeler. Warfare, p. 19, n. 53-54.

35. О частом применении притворного отступления армориканскими всадниками см.: Leyser. Saxon Empire, p. 17-18.

36. William of Poitiers, Gesta Guillelmi, II, 20.

37. William of Malmesbury, De Gestis Regum Anglorum, bk. III, 242; and Chron. Monast. de Bello, A.D. 1066.

38. Gesta Guillelmi, II, 21, и Geffrei Gaimar. L'Estoire des Engleis, ll. 5309ff — о значительной роли графа Алана.

39. Bachrach. Feigned Retreat, p. 344-347.

40. См. п. 3.

41. Supp. Leg. Rom (ed. Zeumer), ch. 1: «domno Alarico rege ordinante viro inlustre Goiarico comite». См. также: ibid., ch. 3; E. A. Thompson. The Goths in Spain (Oxford, 1969), p. 114-115, 144; и HGL, I, 527-528.

42. Chron. Caesaraug., s.a. 5101: «his coss. Gesalecus Goericum Barcinone in palatio interfecit». Thompson. Goths in Spain, p. 8, 115 и HGL, I, 544.

43. Bachrach. Merovingian Military Organization, p. 7.

44. V. Goar., ch. 1.

45. E. Ewig. L'Aquitaine et les Pays Rhénans au haut moyen âge, Cahiers de civilisation médiévale, I (1958), 42-46. The Cosmographer of Ravenna, I, 26, писавший приблизи-

тельно около 475-480 гг., помещает часть алан в Галлии рядом с франками и Alamans. Это было в период жизни поколения родителей Гоара.

46. V. Goar., chs. 2-5.

47. Ibid., chs. 6-7. О гостеприимстве степных кочевников см.: Vernadsky. Origins of Russia, p. 12.

48. V. Arnulfi, chs. 19, 23. HGL, I, 671.

49. См. замечания Krusch в его предисловии к V. Goar., p. 405.

50. Ibid., и Vernadsky. Eurasian Nomads, p. 424-425. Ср. H. W. Bailey. Iranian ARYA- и DAHA- // Transactions of the Philological Society (1959), p. 81.

51. V. Germani, p. 271, и Vernadsky. Eurasian Noriads, p. 424-425.

52. V. Germani, p. 271.

53. Gesta Theodorici, ch. 13: «Amalasuindam, terciam, filiam, Eutarico, ex Alanorum stirpe venienti, evocato ab Hispania tradidit». О Еутарике см. дополнительно: Hodgkin. Italy and Her Invaders, III, 329ff. Попытки Иордана (Getica, ch. 58) показать Еутарика an Amal, а не аланом обсуждаются в: Schmidt. Deutsche Stämme, I, 108-109, и являются еще одной попыткой Иорданом восхваления готов.

54. Gregory. Hist., IX, 31. Bachrach. Feigned Retreat, p. 346.

55. См. Приложение III.

56. Thompson. Goths in Spain, p. 62. John Biclar. Chron., s.a. 575: «Leovegildus rex Aregenses montes ingreditur, Aspidium loci seniorem cum uxore et filiis captivos ducit...» Об этом имени см.: Ferdinand Justi. Iranisches Namenbuch (Marburg, 1985), p. 45-46.

57. Nils Aberg. The Occident and the Orient in the Art of the Seventh Century, pt. III (Stockholm, 1947), p. 40-69.

Мысль Аберга о том, что аквитанские пряжки «указывают на то же население в период существования вестготского королевства в Галлии, на которое указывают аквитанские саркофаги» приводит его к выводу о том, что «центр распространения их лежит в области между Бордо и Средиземным морем для обеих групп (с. 46). На базе материала, представленного Перкинсом (на которого ссылается Аберг) «The Sculpture of Visigothic Frances» (Archaelogia, LXXXVII (1938), 79-128) выводы Аберга ка-

жутся неосновательными. Аквитанских пряжек не обнаружено в Северной Аквитании (только 6 из них относятся к северу от Charente, находящейся к югу от Rouille, деп. Deux-Sevres). Из 134 аквитанских находок 55 найдено между Тулузой и Средиземным морем и только 17 - между Тулузой и Бордо. Это позволяет предположить, что первый из двух указанных районов являлся центром распространения указанной выше орнаментации. Более того, в своих попытках утвердить преемственность между мастерами, изготовившими пряжки и саркофаги, Аберг не учитывает находки бассейна Луары. Перкинс не указывает на то, что центр производства саркофагов, о которых он упоминает в своей работе, находился в Орлеане или же к северу от Женевы.

Распространение археологических находок аквитанского стиля перерисовано с карты Аберга (с. 62) и изображено на карте 6. См.: Bernard S. Bachrach. Two Alan Motifs in Aberg's Aquitanian Style // Central Asiatic Journal, XVI (1972), 81-94.

58. Aberg. Occident, p. 42ff, и Bachrach. Alan Motifs, p. 83-84.

59. M. I. Rostovtzeff. Le centre de l'Asie, la Russie, la Chine, et le style animal // Skythica, I (Prague, 1929), pls. 36, 37; Joseph Hampel. Alterthumer des frühen Mittelalters in Ungarn (Brunswick, 1905), pl. 97. В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР, CVI, М., 1962.

60. L. Franchet. Une colonie Scytho-Alaine en Orléanais au Ve siècle // Revue scietifique, LXVIII (1930), 78, 109, figs. 13 A и 20. Надпись была переписана Camille Jullian и передана письмом Franchet (цитированным в «Une colonies, с. 109-110), сходится с моим вариантом, за исключением места, которое Юллиан (Jullian) читает как Gieruspu. В моей интерпретации три линии после G означают E, а не IE, для которого необходимо четыре линии; знак L перед S означает A, а не U, и, последнее, змеевидная фигура, следующая за U, обозначает S, а не заполнитель пространства.

61. См.: Lex Visig., bk. VI, xii, xiii, к примеру: A. Mócsy. Der Name Falvius als Rangbezeichnung in der Spätantike, Akte IV Kongress für griechische und lateinische Epigraphik (Vienna, 1964), p. 257-263.

62. Justi. Iranisches Namenbuch, p. 114, 161-162.

63. Вполне возможно, что TURC^{US} является сокращенной формой TURCILINGUS. Оно обозначает одно небольшое германское племя V в. (Schmidt. Deutsche Stamme, I, 349-350), часть которого могла поселиться в Орлеане в середине V в. (Reynolds и Lopez. Odoacer, p. 39ff).

64. Emile Jolibois. A quelle epoque vivait St. Alain? Revue historique, scientifique et littéraire du département du Tarn, I (1871), 141-142, 154-155, 183-186. См. также: Edmond Cabie. Alos en Albigeois aux X-e et XI-e siècles — Revue historique, scientifique et littéraire du département du Tarn, XXIII (1926), 122-129; HGL, I, 709-710. См. также Приложение III.

65. HGL, I, 709-710, и Jolibois. St. Alain, p. 142, 183-185. Bouquet, III, 535: «S. Alanus impetravit a Rege Sigeberto locum unum in Gallia, qui dicitur Vaurum, et ibi Caenobium aedificavit. Sed Epsicopus proximae civitatis hoc moleste ferens, jussit famulis ut inde eum ejicerent, aut certe occiderents».

66. G. Deric. Histoire ecclésiastique de Bretagne, II, 125-127; Edouard de Moreau, St. Amand (1927).

67. Jolibois. St. Alain, p. 184.

68. Guy Lobineau. Les vies de Saints de Bretagne, I (Paris, 1886), xl; J. Loth. Les noms des Saints Bretons (Paris, 1910), p. 8; Rice Rees. An Essay on the Welsh Saints (London, 1836) p. 221; и Jolibois. St. Alain, p. 185.

69. См. Приложение III, n. 47.

70. Guy Lobineau. Histoire de Bretagne, II (Paris, 1707), col. 1771. О происхождении термина «Аланус» см.: A. Longnon. Les noms de lieux de la France (Paris, 1920), p. 133; A. Dauzat, Ch. Rostaing. Dictionaire étymologique des noms de lieux en France (Paris, 1963), p. 8; A. Dauzat. La toponymie francaise (Paris, 1939), p. 18, 48-50, 248; André Rolland de Denus. Dictionnaire des appellations ethniques de la France et Colonies (Paris, 1889), col. 9. См. текст с. 107.

Некоторые ученые считают, что термину «алани» (Alani) приписывается происхождение слишком многих названий, которые также могут происходить от германского имени Allo или Allin. Об этом см.: Gröhler Ursprung, II, 295, и Marie-Therese Morlet. Toponymie de la Thierache (Paris, 1967), p. 51.

Джексон в работе «Language» не поднимает вопроса о кельтском происхождении «Аланус». Кельтское Alauni, которое Птолемей часто путает с Alani, может быть основой для широкого распространения имени Ален в Бретани. Однако можно привести примеры далеко не в пользу данного предположения. Там, где встречается название Alauna (обычное название, происшедшее от кельтского Alauni), мы находим более позднее латинское (Alona) и французское Allones или другие его формы. Это происходит вследствие того, что дифтонг au переходит в o, а не в a. Об этом см.: Jackson. Language, p. 37. A. Bournatzeff (Noms toponymiques des lieux historiques en France, Oss-Alains, I (1953), p. 21-22) утверждает ошибочно, что «Allon» и его формы происходят от множественного числа самоназвания аланов — ирон (Iron). Chadwick (Early Brittany, p. 150-153) останавливается на аланах Арморики в период середины V в., однако далее он больше не упоминает о них. О самом раннем употреблении имени Аланус в качестве имени собственного см.: Jordan. Getica, ch. 50.

71. О культурных взаимовлияниях см.: Slicher van Bath. Dutch Tribal Problems, p. 319-338.

72. Justi. Iranisches Namenbuch, p. 151, 498; Chadwick. Colonization, p. 298.

73. Историография Артурианы в самом деле огромная, и в данной работе я не имею возможности остановиться на всех точках зрения по этому вопросу. Об этом см.: Arthurian Literature in the Middle Ages, ed. R. S. Loomis (Oxford, 1959), и J. S. P. Tatlock. The Legendary History of Britain (1950). Hanning (The Vision of History) дает интересный материал по тем историческим и литературным условиям, в которых развивалась Артуриана.

74. Tatlock. Legendary History, p. 202, и K. H. Jackson. Arthur in Early Welsh Verse // Arthurian Literature, p. 15-17.

75. Notker. Gesta Karoli, II, 17: «Tunc visus est ipse ferreis Karolus ferrea galea cristatus, ferreis manicis armillatus, ferrea torace ferreum pectus humerosque Platonicos tutatus; hasta ferrea in altum subrecta sinistram impletus. Nam dextra ad invictum calibem semper erat in eo ferreis ambiebantur bratteolis. De ocreis quid dicam? Quae et cuncto exercitui solebant ferreae semper esse usui. In clipeo nihil ap-

paruit nisi apparuit nisi ferrum. Caballus quoque illius animo et colore ferrum renitebats.

76. Ср. Chalibinus, означающий «стальной», Ruodlieb, fr. 1 v. 25, fr. 5 v. 80. E. Vinaver. King Arthur's Sword // Bulletin of the John Rylands Library, XL (1958), 516.

77. Priscus, frs. 8, 10. См. также: Jordanes. Getica, ch. XXXV, благодаря которому свидетельства Прискуса стали известны латинскому читателю. Распространение легенд и рассказов из степей Центральной Азии к северу Европы достаточно хорошо освещено «The Saga of King Heidrek the Wise». В кн. 10 содержится описание сражения между готами и гуннами. Довольно любопытно, что волшебный меч появляется также в кн. 1 этой саги. Меч Jyrfing делает своего обладателя непобедимым в битве. Chalybs (железо и меч из него) происходит от chalybes степных мастеров железа (кузнецов) с побережья Черного моря (Thesur. Ling. Lat. Onomasticon, II, col. 369).

78. Legenda sancti Geoznovii, preface, 2 о Кононе Мериадоке и 3 об Артуре. Geoffrey. Hist., chs. 81-88, 92, 115, 194. J. S. P. Tatlock (The Dates of the Arthurian Saints' Legends, Speculum, XIV (1939), 361-655) утверждает, что (однако, неубедительно) дата 1019 г. не является точной для Св. Геозновока и что данный документ составлен после Geottrey.

79. Об этом см.: C. Grant Loomis. King Arthur and the Saints, Speculum, VIII (1933), 478-482; и Tatlock. Arthurian Saints' Legends, p. 345-365.

80. V. Carantoci, chs. 3, 4, 5; V. Paterni, p. 188; V. Cadoci, p. 24, 48-50, 54; V. Gildae, chs. 5, 7, 10.

81. Kenneth Jackson. The Arthur of History // Arthurian Literature, p. 2.

82. Об этом см.: Chadwick. Colonization, p. 277-278.

83. О легендах и в особенности о легендах, связанных с именами святых см.: Hippolyte Delehaye. The Legends of the Saints (London, 1962).

84. Levison. Germanus von Auxerre, p. 95-175 и ср. Jackson. Arthur of History, p. 9, дает замечания о Bede и Nennius.

85. V. Germani, ch. 28.

86. О различных вариантах имени Eothar, включая Euchar, Gochar, Gother и Gobar, см.: ch. III, p. 96-97.

87. Actus pontificum Cenomannis, ch. 11. См.: Walter Goffart. The Le Mans Forgeries (Cambridge, Mass., 1966), p. 158, 226. Alexander Bergengruen (Adel und Grundherrschaft in Merowingerreich (1958), p. 219) называет Аспера римлянином. Однако было бы более точно, если бы он пользовался определениями «германскийs и «негерманский».

88. George R. Jesse. Researches into the History of the British Dog, II (London, 1886), 80-84, 116-118.

89. Jesse. Researches, II, 82, и Приложение III.

90. La Grande Encyclopédie (Paris, 1886), I, 1118.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

1. Mommsen. Röm. Gesch., V. 393-394; A. Anderson. Alexander and the Caspian Gates // Transactions of the American Philosophical Association, LIX (1928), 144-147; Ronald Syme. Flavian Wars and Frontiers, CAH, XI (1936), 143; и Sanford. Nero and the East, p. 95. Ср. Debevoise. Parthia, p. 197.

2. Anderson. Op. cit., p. 130-163; Alexander's Gate: Gog Magog and the Enclosed Nations (Cambridge, Mass., 1932), p. 15-16; и Sanford. Nero and the East, p. 94. Täubler, Alanen, p. 19.

3. Tacitus (Ann., II, 69) сообщает о некоем Verones, который «effugere ad Armenios, inde albanos Heniochosque et consanguineum sibi regem Scytharum conatus ests. В данном случае, на Тацита, по-видимому, повлиял Вал. Флакк. Argonautica, VI 42 ff: «Miserat ardentes, mox ipse secutus, Alanos Heniochosque truces iam pridem infensus Anausis, pacta quod Albano coniux Medea tyranno». Однако вместо Alani Флакка Тацит использует Albani, ср. Taubler. Alanen, p. 14.

4. См.: ch. I, p. 23-24.

5. Debevoise. Parthia, p. 179-202.

6. Sanford (Nero and the East, p. 86-88) сильно преувеличивает влияние образа Александра на Нерона, однако заключает, что Нерон собирался воевать не с парфянами, а аланами.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

1. J. Sheffer в 1664 выпустил первое издание «Acies contra Alanos». Недавнее издание сделано A. G. Roos (1928), которое несколько изменено G. Wirth (1968).

2. E. Schwartz. Arrianus, RE, II, cols. 1230-1247; Dain. Les stratégistes Byzantins, p. 331-332; и P. Stadter. Flavius Arrianus: The New Xenophon // Greek, Roman, and Bezantine Studies, VIII (1967), 155-161.

3. Stadter (Arrianus, p. 155-161) установил, что полное имя Арриана было Flavius Arrianus Xenophon.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

1. См., например: Hans Walther. Namenkunde und Archäologie im Dienste frühgeschichtlicher Forschung // Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht (Berlin, 1966), p. 155-168; Wallace-Hadrill's review of Bergengruen in EHR; and F. T. Wainwright, Archaeology and Place-Names and History (London, 1962).

2. К процитированным работам в ch. III, n.78 следует добавить Dante Olivieri. Dizionario di Toponomastica Lombarda, 2nd ed. (Milan, 1961), p. 17, и Galeron. Statistique de Falaise, II, 393. Несколько интересных замечаний в W.E.D. Allen, David Allens: The History of a Family Firm, 1857-1957 (London, 1957), p. 7-8, 23-25 и в Vernadsky. Origins of Russia, p. 52-53: «Распространенное имя Алан (Ален, Алаунус) бретонского происхождения... В V в. н. э. в Арморике были поселения аланов. Имя Аланус (Алан) вошло в употребление именно с тех времен. Таким образом, бретонское происхождение не обязательно является кельтским. Об Алане как имени собственном см.: Wagner. Getica, p. 11-12.

3. О Ellaini см.: Chronographus anni CCCLIII, ch. 105, 101.

Содержание

Исаев М. И. Аланы. Кто они? 4
Предисловие 18
ГЛАВА I. Аланы за пределами Римской империи 21
ГЛАВА II. Аланы на Западе 44
ГЛАВА III. Ассимиляция аланов 90
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Тацит игнорирует аланов 145
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Арриан против аланов 147
ПРИЛОЖЕНИЕ III. Аланские топонимические названия . . 154
Примечания 163
Карты (6 карт)
Иллюстрации (12 илл.)

Бахрах Бернард С.
Аланы на Западе
(от первого их упоминания в античных источниках
до периода раннего средневековья).

Подписано в печать с оригинал-макета 10.06.93.
Формат 70x108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Тираж 20 000 экз. Заказ №126.

Издательство «Мартис».
117334, Москва, Андреевская наб., 2.

Московская типография № 13.
107005, Москва, Денисовский пер., 30.

